

ТЕСС ГЕРРИТСЕН

ДВОИНИК

От американски
трилъри –
популярна серия
Edgar-2006

Американски криминален сериал
за телевизионен екран.

ARTHUR HOOVER

Annotation

Работа судмедэксперта Мауры Айлз всегда была вплотную связана со смертью, но на этот раз она впервые поняла, что значит выражение «кровь стынет в жилах», — когда увидела на секционном столе тело женщины, как две капли воды похожей на нее. Кто она такая? Зачем кому-то понадобилось убивать ее? — все это предстоит понять Мауре Айлз и ее коллегам-полицейским, а заодно выйти на след жестоких убийц, которым долгие годы удавалось скрываться от правосудия.

- [Тесс Герритсен](#)
  - [Благодарности](#)
  - [Пролог](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)

- [25](#)
  - [26](#)
  - [27](#)
  - [28](#)
  - [29](#)
  - [30](#)
  - [31](#)
  - [32](#)
  - [33](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
    - [10](#)
    - [11](#)
-

Тесс Герритсен
Двойник

Благодарности

Труд писателя — это труд одиночки, но в действительности ни один автор не работает сам по себе. Мне посчастливилось получать помощь и поддержку от Линды Марроу и Джины Сентрелло из издательства «Баллантайн Букс», Мег Рули, Джейн Берки, Дона Клири и великолепной команды Агентства Джейн Ротрозен, а также от Селины Уокер из издательства «Трансуорлд» и конечно же от самого главного человека — моего мужа Джекоба. Я глубоко признательна всем вам!

Пролог

Этот парень опять наблюдал за ней.

Четырнадцатилетняя Алиса Роуз попыталась сосредоточиться на десяти экзаменационных вопросах, лежавших перед ней на парте, но мысли ее были далеки от начального курса английского; думала она об Элайдже. Она чувствовала на себе взгляд мальчика, который словно луч солнца падал на ее лицо, обжигал щеку, и она знала, что краснеет.

«Сосредоточься, Алиса!»

Следующий вопрос экзаменационного листа, размноженного на ротаторе, был пропечатан нечетко, и ей пришлось сощуриться, чтобы прочитать его.

«Чарльз Диккенс зачастую подбирает имена, соответствующие характеристикам его героев. Приведите несколько примеров и объясните, почему герои получили именно такие имена».

Алиса грызла кончик карандаша, вымучивая ответ. Но она не могла думать, когда за соседней партой сидел он, так близко, что она улавливала исходящие от него ароматы хвойного мыла и костра. Мужские запахи. Диккенс, Диккенс... Разве можно думать о Чарльзе Диккенсе, Николасе Никльби и скучном английском, когда на тебя смотрит красавец Элайджа Лэнк? Господи, он такой красивый, этот брюнет с голубыми глазами! Глазами Тони Кертиса. Да, именно так подумала она, когда впервые увидела Элайджу: копия Тони Кертиса, который улыбался со страниц ее любимых журналов «Современный экран» и «Фотоплей».

Алиса опустила голову, волосы упали на лицо, и она украдкой, за ширмой светлых прядей скосила взгляд в его сторону. Убедившись в том, что он действительно смотрит на нее, и совсем не тем пренебрежительным взглядом, которым ее окидывали другие мальчишки в школе, эти злые пакостники, в присутствии которых она становилась неуклюжей и тупой, девочка почувствовала, как заколотилось сердце. Мальчишки всегда насмешливо шептались у нее за спиной, но так тихо, что она не могла разобрать ни слова. Она знала: шепчутся о ней, потому что смотрят на нее. Эти же мальчишки прикрепили к ее шкафчику в раздевалке фотографию коровы, они же мычали, когда попадались Алисе в коридоре. Но Элайджа... Он смотрел совсем по-другому. Обволакивающим взглядом. Взглядом кинозвезды.

Она медленно подняла голову и смело встретилась с ним глазами, на

этот раз не прячась за спасительной завесой волос. Его экзаменационная работа уже была написана и лежала лицевой стороной вниз, карандаш отложен в сторону. Его внимание было приковано к Алисе; девочка едва дышала, околдованная его пристальным взглядом.

«Я ему нравлюсь. Я это знаю. Я нравлюсь ему».

Она прижала руку к шее над верхней пуговицей блузки. Ее пальцы пробежали по коже, оставляя на ней теплый след. Алиса вспомнила пылкий взгляд Тони Кертиса, устремленный на Лану Тернер, — взгляд, от которого пропадает дар речи и дрожат колени. Взгляд, за которым неизменно следует поцелуй. Почему-то именно в такие моменты изображение на экране становится размытым. Почему так? Почему четкость пропадает именно на том эпизоде, который больше всего хочется увидеть?..

— Класс, время вышло! Пожалуйста, сдавайте работы.

Внимание девочки снова вернулось к экзаменационному листу, лежавшему на парте; на половину вопросов она так и не ответила. О нет! Когда же прошло время? Она ведь знает ответы. Ей не хватило всего нескольких минут...

— Алиса! Алиса!

Девочка подняла голову и увидела, что госпожа Мериуэзер уже тянет к ней руку.

— Ты что, не слышишь меня? Пора сдавать работу.

— Но я...

— Никаких оправданий! Пора научиться слушать, Алиса. — Госпожа Мериуэзер выхватила у девочки листок и двинулась дальше по рядам.

Хотя Алиса и не слышала, о чем шептались девчонки на задней парте, она не сомневалась, что сплетничают о ней. Девочка обернулась и увидела, как они склонили друг к другу головы, заговорщически прикрывая рты ладонями, и хихикают. «Алиса может понять по губам, что мы говорим о ней, она не должна этого видеть».

Вот уже и мальчишки начали смеяться, показывая на нее пальцами. Что здесь смешного?

Алиса посмотрела на себя. И с ужасом обнаружила, что верхняя пуговица оторвалась и блузка разошлась на груди.

Прозвенел звонок, возвещая об окончании уроков.

Алиса подхватила портфель, прижала его к груди и выбежала из класса. Она не осмеливалась поднять глаз, просто шла, опустив голову и чувствуя, как к горлу подступают рыдания. Она бросилась в туалет и заперлась в одной из кабинок. Пока другие девочки весело щебетали, прихорашиваясь перед зеркалами, Алиса пряталась за закрытой дверью.

Она улавливала запахи их духов и каждый раз, когда открывалась дверь, чувствовала, как врывается в помещение струя воздуха. Эти «золотые» девочки в новеньких свитерах по последней моде! Они никогда не теряли пуговиц, никогда не приходили в школу в юбках, которые просились на помойку, в туфлях с картонными подошвами.

«Уходите. Пожалуйста, уходите отсюда».

Наконец дверь туалета перестала открываться.

Прижавшись ухом к двери кабинки, Алиса пыталась расслышать, есть ли кто-нибудь в помещении. Сквозь щелку она увидела, что перед зеркалом никого нет. И только тогда осмелилась выйти.

В коридоре тоже было пусто, все разошлись по домам. Больше некому мучить ее. Она шла, съежившись, словно желая защититься, по длинному коридору с обшарпанными раздевалками и постерами, объявлявшими о предстоящем через две недели танцевальном вечере по случаю Хэллоуина. Вечере, на который она, разумеется, не пойдет. Унижение, которое она испытала на дискотеке неделю назад, до сих пор жгло душу и, наверное, останется с ней навсегда. Два часа она подпирала стену в ожидании, в надежде, что кто-нибудь из мальчиков пригласит ее на танец. Наконец к ней все-таки подошел парень, но вовсе не для того, чтобы потанцевать. Вместо этого он вдруг согнулся, и его вырвало прямо ей на туфли. Все, с тех пор с танцами покончено. Она прожила в этом городе всего два месяца, но ей уже хотелось, чтобы мать в очередной раз собрала их пожитки и они переехали на новое место, где можно было бы начать все сначала. Где все наконец пошло бы по-другому.

«Только всегда все оставалось по-прежнему».

Она вышла из школы и зажмурилась от яркого осеннего солнца. Склонившись над своим велосипедом, она так сосредоточилась на отпирании замка, что не услышала шагов. Только когда на лицо ее упала тень, она поняла, что рядом стоит Элайджа.

— Привет, Алиса.

Она резко вскочила, опрокинув велосипед на землю. О, Господи, какая же она идиотка! Как можно быть такой неуклюжей?

— Трудный был экзамен, правда? — Он говорил медленно и внятно. Это было еще одно достоинство Элайджи; в отличие от других детей он выражался предельно ясно, и голос его звучал уверенно. И никогда не прятал от нее губы. Он знает мой секрет, подумала она. И все равно хочет со мной дружить. — Ты успела ответить на все вопросы? — спросил мальчик.

Она нагнулась, чтобы поднять велосипед.

— Я знала ответы. Мне просто не хватило времени. — Выпрямившись, девочка заметила, что Элайджа смотрит на ее блузку, которая разошлась из-за оторванной пуговицы. Вспыхнув, она скрестила на груди руки.

— У меня есть английская булавка, — сказал он.

— Что?

Он полез в карман.

— Я сам всегда теряю пуговицы. Это здорово достает. Давай я помогу тебе застегнуть.

Алиса затаила дыхание, когда он потянулся к ее блузке. Она с трудом сдерживала дрожь, пока Элайджа прокалывал ткань и застегивал булавку. «Интересно, он чувствует, как бьется мое сердце? — думала она. — Догадывается ли, что у меня кружится голова от его прикосновений?»

Когда он отступил, девочка перевела дух. Опустив взгляд, она заметила, что теперь блузка выглядит вполне пристойно.

— Так лучше? — спросил он.

— Да. — Алиса помолчала, чтобы собраться с силами. И произнесла с королевским достоинством: — Спасибо тебе, Элайджа. Ты очень внимателен.

Прошло немного времени. Над ними каркали вороны, а осенние листья казались яркими языками пламени, охватившего ветки деревьев.

— Ты могла бы мне кое в чем помочь, Алиса? — спросил он.

— В чем?

«Какой глупый-преглупый ответ! Ты должна была сказать „да“. Да, я все для тебя сделаю, Элайджа Лэнк».

— Я готовлю один проект по биологии. Мне нужен помощник, и я не знаю, к кому еще обратиться.

— А что это за проект?

— Я тебе покажу. Пойдем ко мне домой.

К нему домой. Она никогда еще не была в гостях у мальчика.

Она кивнула.

— Я только заброшу домой учебники.

Элайджа взял свой велосипед. Он был почти такой же разбитый, как у Алисы, с ржавыми крыльями и драным виниловым сиденьем. За этот старый велосипед она полюбила его еще больше. «Мы идеальная пара, — подумала она. — Тони Кертис и я».

Сначала они поехали к Алисе. Она не пригласила его зайти; ей не хотелось, чтобы он видел обшарпанную мебель и облупившуюся краску на стенах. Она забежала в дом, бросила портфель с учебниками на кухонный

стол и тут же выскочила на улицу.

К сожалению, за ней увязался Бадди, пес брата. Когда она выходила за дверь, он черно-белой молнией успел прошмыгнуть следом.

— Бадди! — рявкнула она. — Сейчас же домой!

— Похоже, он не очень-то слушается, — сказал Элайджа.

— Потому что он глупый пес. Бадди!

Дворняга оглянулся, вильнул хвостом и рванул на дорогу.

— Ничего страшного, — сказала она. — Он вернется домой, когда нагуляется. — Алиса села на велосипед. — Так где ты живешь?

— На Скайлайн-роуд. Ты бывала там когда-нибудь?

— Нет.

— Придется долго ехать в гору. Ты готова?

Она кивнула. «Для тебя я готова на все».

Они отъехали от дома. Алиса надеялась, что он свернет на Мэйн-стрит и они проедут мимо кафешки, где после школы часто собирались одноклассники — гоняли любимые песни в музыкальном автомате, потягивали газировку. «Они увидят нас вместе, — думала она, — и у девчонок от зависти челюсти отвалятся. Вы только посмотрите: Алиса с голубоглазым Элайджей!»

Но он не повез ее по Мэйн-стрит. Вместо этого он свернул на Локастлейн, где почти не было жилых домов; вдоль переулка тянулись задворки нескольких офисных зданий и служебная автостоянка консервного завода «Дары Нептуна». Что ж, какая разница. Ведь главное, что она едет с ним. Держась чуть позади, она рассматривала его зад на пружинящем сиденье и напряженные бедра.

Элайджа обернулся к ней, его черные волосы танцевали на ветру.

— Все нормально, Алиса?

— Отлично. — По правде говоря, девочка уже выдохлась, поскольку дорога на выезде из городка резко пошла в гору.

Элайджа, должно быть, каждый день штурмовал Скайлайн-роуд, и ему было не привыкать; казалось, он ничуть не устал — его ноги двигались словно мощные поршни. А вот она с трудом заставляла себя крутить педали. Что-то мохнатое привлекло ее внимание. Она скосила взгляд и увидела, что Бадди бежит следом. Пес тоже выглядел уставшим; высунув язык, он изо всех сил старался не отстать.

— Иди домой!

— Что ты сказала? — оглянулся Элайджа.

— Опять эта глупая собака, — еле дыша, вымолвила Алиса. — Он не отстанет. Еще потеряется...

Она свирепо взглянула на Бадди, но тот продолжал петлять вокруг велосипеда. «Что ж, валяй, — подумала она. — Изматывай себя. Мне наплевать».

Они взбирались на гору по причудливому серпантину. Сквозь деревья проглядывал Фокс-Харбор, оставшийся далеко внизу; послеполуденное солнце окрашивало воду в медный цвет. Заросли становились все гуще, и вскоре Алиса могла видеть только лес в ярко-красных и оранжевых тонах. Впереди извивалась дорога, устланная опавшей листвой.

Наконец Элайджа затормозил. У Алисы от усталости дрожали ноги, и она едва стояла. Бадди пропал из поля зрения; она надеялась только на то, что пес сумеет найти дорогу домой, потому что не собиралась искать его. Только не сейчас, когда рядом стоит Элайджа, улыбается ей и смотрит своим лучистым взглядом. Мальчик прислонил велосипед к дереву и перекинул через плечо рюкзак.

— Ну и где твой дом? — спросила она.

— Вон там, дальше. — Он показал на дорогу, на обочине которой стоял столб с ржавым почтовым ящиком.

— Разве мы не пойдем к тебе?

— Нет, у меня двоюродная сестра болеет. Ее всю ночь рвало, так что домой нельзя. В любом случае мой проект здесь, в лесу. Оставляй свой велосипед. Дальше пойдем пешком.

Алиса поставила велосипед и последовала за ним. После подъема на гору ноги казались ватными. Они углубились в лес. Деревья росли густо, земля под ногами была покрыта толстым ковром листвы. Алиса храбро шла за мальчиком, отмахиваясь от комаров.

— Так значит, сестра живет с тобой? — спросила она.

— Да, она приехала к нам в прошлом году. Боюсь, это надолго, если не навсегда. Ей негде больше жить.

— А твои родители не возражают?

— У меня только отец. Мама умерла.

— Ох! — Она не знала, что сказать. В конце концов пробормотала банальное: «Мне очень жаль», но он, похоже, не расслышал.

Заросли становились все гуще, и кусты ежевики больно царапали голые ноги. Она с трудом поспевала за ним. Юбка цеплялась за колючие ветки, и вскоре Алиса сильно отстала.

— Элайджа!

Он не ответил. словно отважный путешественник, мальчик упрямо шел вперед с рюкзаком на плече.

— Подожди!

— Ты хочешь увидеть это или нет?

— Да, но...

— Тогда иди. — В голосе Элайджа чувствовалось нетерпение, и это ее удивило. Стоя в нескольких метрах от него, девочка заметила, что его руки сжались в кулаки.

— Хорошо, — слабым голосом пролепетала она. — Я иду.

Вскоре показался просвет, и они вышли на поляну. Алиса увидела старый каменный фундамент — все, что осталось от заброшенной фермы. Элайджа обернулся к ней, и лицо его озарилось отблеском вечернего солнца.

— Это здесь, — сказал он.

— Что это?

Он нагнулся и отодвинул две деревянные доски, за которыми показалась глубокая яма.

— Загляни сюда, — сказал он. — Я три недели ее выкапывал.

Алиса медленно подошла к углублению и посмотрела вниз. Солнце уже садилось за деревья, и дно ямы утопало в тени. В самом низу девочка смогла различить лишь слой опавших листьев. По краю ямы спускалась веревка.

— Это что, ловушка для медведя или что-то в этом роде?

— Можно и так сказать. Если яму забросать сверху ветками, можно много кого поймать. Даже оленя. — Он показал рукой на дно. — Видишь это?

Девочка нагнулась. Что-то белое поблескивало сквозь листья на дне ямы.

— Что это?

— Это и есть мой проект. — Мальчик взялся за веревку и потянул.

На дне ямы зашуршали потревоженные листья. Алиса наблюдала, как натянулась веревка, когда Элайджа вытаскивал что-то из тени. Корзина. Он вытащил ее и поставил на землю. Когда мальчик смахнул листья, она поняла, что белело в глубине ямы.

Это был маленький череп.

Когда Элайджа разгреб все листья, показались кусочки черного меха и тонкие ребра. Узловатый хребет. Кости конечностей, тонкие словно пруттики.

— Ну, как тебе? Уже и не пахнет, — сказал он. — Пролежал здесь почти семь месяцев. Когда я проверял в последний раз, на нем оставалось немного мяса. А теперь все чисто. В мае, когда стало тепло, процесс разложения пошел быстрее.

— Что это?

— Не догадываешься?

— Нет.

Элайджа приподнял череп и слегка провернул его, отделяя от позвоночника. Девочка поморщилась, когда он пихнул череп ей в лицо.

— Не надо! — вскрикнула она.

— Мяу!

— Элайджа!

— Ну, ты же сама спрашивала, что это.

Она уставилась в пустые глазницы.

— Кошка?

Он достал из рюкзака полиэтиленовый пакет и начал складывать туда кости.

— Что ты собираешься делать с этим скелетом?

— Это мой научный проект. От котенка до скелета за семь месяцев.

— Где ты взял кошку?

— Нашел.

— Ты нашел дохлую кошку?

Он взглянул на нее. Голубые глаза улыбались. Но взгляд уже не напоминал о Тони Кертисе; этот взгляд пугал ее.

— Кто сказал, что она была дохлой?

У нее вдруг сильно забилось сердце. Она попятилась.

— Знаешь, мне, пожалуй, пора домой.

— Зачем?

— Уроки. Мне надо делать уроки.

Он легко вскочил на ноги. Улыбка исчезла, сменившись тайным предвкушением.

— Я... увидимся в школе, — пробормотала Алиса, продолжая пятиться назад и оглядываясь по сторонам. Кругом был все тот же лес. Откуда они вышли? Куда теперь идти?

— Но мы ведь только пришли, Алиса.

Он что-то держал в руке. Только когда он занес предмет над головой, девочка поняла, что это.

Камень.

От удара Алиса упала на колени. Она оказалась в грязи, в глазах почернело, руки и ноги онемели. Она не чувствовала боли, только тупое удивление от того, что он ударил ее. Она поползла куда-то, ничего не видя перед собой. Элайджа схватил ее за щиколотки и потащил назад. Волоча ее за ноги, он расцарапал ей лицо о землю. Она пыталась брыкаться и

кричать, но рот забился грязью и травой, а Элайджа все тянул ее к яме. Когда она почувствовала, что уже падает туда, девочка уцепилась за молодое деревцо и изо всех сил старалась удержаться.

— Отпусти, Алиса, — сказал он.

— Вытащи меня! Вытащи меня!

— Я же сказал, отпусти. — Элайджа схватил камень и ударил ее по руке.

Она закричала, ослабила хватку и тут же провалилась в яму, приземлившись на подстилку из листьев.

— Алиса! Алиса!

Ошеломленная падением, она посмотрела вверх и увидела кусочек неба над головой. На его фоне выделялся силуэт Элайджи. Он заглядывал в яму.

— Зачем ты это делаешь? — всхлипнула она. — Зачем?

— Лично против тебя я ничего не имею. Я просто хочу посмотреть, сколько времени это займет. Котенку хватило семи месяцев. А сколько понадобится тебе?

— Ты не сможешь так поступить со мной!

— Прощай, Алиса.

— Элайджа! Элайджа!

Доски закрыли дыру, и свет померк. Больше она не видела неба. «Это неправда, — подумала она. — Это шутка. Он просто пытается напугать меня. Он подержит меня здесь несколько минут, а потом вернется и выпустит. Конечно же он вернется».

Потом что-то застучало по доскам. «Камни. Он заваливает доски камнями».

Алиса встала на ноги и попыталась вскарабкаться наверх, ухватившись за сухую лозу, которая тут же рассыпалась в ее руках. Она стала скрести землю ногтями, но так и не нашла, за что зацепиться — всякий раз, чуть приподнявшись, девочка скатывалась назад. Ее крики пронзали темноту.

— Элайджа! — орала она.

Но ответом ей был только грохот камней по дереву.

Pensez le matin que vous n'irez peut-etre pas jusqu' au soir,

Et au soir que vous n'irez peut-etre pas jusqu'au matin.

Каждое утро помни о том, что можешь не дожить до вечера,

А каждый вечер — о том, что можешь не дожить до утра.

Памятная доска в парижских катакомбах

Выставленные в ряд поверх причудливого нагромождения больших берцовых и бедренных костей, черепа свирепо таращились пустыми глазницами. В двухстах метрах над ней парижские улицы были залиты июньским солнцем, а доктор Маура Айлз ежилась от холода, путешествуя по мрачной галерее, стены которой до самого потолка были выложены человеческими останками. Она была знакома со смертью даже чересчур хорошо и неоднократно встречалась с ней лицом к лицу, проводя вскрытия на секционном столе, но эта экспозиция поражала ее своим размахом. Сколько же костей хранилось в системе туннелей под Городом Света! Маршрут протяженностью в километр позволил ей увидеть лишь малую часть парижских катакомб. Недоступными для туристов оставались многочисленные боковые туннели и набитые костями камеры, чьи зияющие пасти манили даже через запертые ворота. Здесь покоились останки шести миллионов парижан, которые когда-то ощущали тепло солнца, голодали, мучились от жажды, любили, чувствовали биение собственных сердец, движение воздуха в легких. Они и представить себе не могли, что придет день, когда их кости выкопают из священных могил и переместят в этот мрачный подземный склеп.

Когда они станут экспонатами, на которые будут дивиться толпы туристов.

Полтора века назад, чтобы расчистить место для свежего притока покойников на переполненные парижские кладбища, отцы города распорядились эксгумировать кости и перевезти их в просторные ячейки древних подземных каменоломен. Рабочие, перевозившие кости, не стали бездумно сваливать их в кучи, а выполнили свою скорбную миссию с

фантазией, создав из останков причудливые композиции. Словно искусные каменотесы они выстроили высокие стены из чередующихся рядов черепов и костей, превратив разложение в произведение искусства. И они же повсеместно развесили дощечки с выгравированными на них мрачными изречениями, чтобы напомнить всем, кто бродил по этим коридорам — Смерть не щадит никого.

Одна из таких дощечек попала на глаза Мауре, и она остановилась, чтобы прочитать ее. Она силилась вспомнить значение французских слов, которые когда-то учила в высшей школе, а тем временем по коридорам пронеслось гулкое эхо неуместного детского смеха, прошелестел обрывок фразы, произнесенной мужским голосом с техасским акцентом:

— Как тебе это местечко, Шерри? У меня мурашки по коже...

Пара из Техаса прошла мимо, и голоса растворились в тишине. На мгновение Маура осталась одна в камерах, дышащих пылью веков. В тусклом мерцании лампочки была заметна зеленоватая плесень, проступившая на черепках. Во лбу одного из них зияла одинокая дырка от пули, похожая на третий глаз.

«Я знаю, как ты умер».

Холод туннеля пробирал ее до костей. Но она продолжала стоять, полная решимости понять надпись, подавить в себе страх с помощью бесполезной интеллектуальной головоломки. Давай, Маура. Три года изучала французский и не можешь справиться? Теперь это стало для нее делом чести, и все мысли о смертности на время ушли на второй план. Постепенно слова стали приобретать смысл, и она почувствовала, как кровь стынет в жилах...

Счастлив тот, кто знает час своей смерти
И каждый день готовится к концу.

Она вдруг заметила, что вокруг стало очень тихо. Ни голосов, ни эха шагов. Она развернулась и вышла из мрачного помещения. Как же она отстала от группы? Осталась одна в этом туннеле, наедине с мертвыми. Сразу возникли мысли о неожиданных сбоях в электроснабжении, о перспективе заблудиться в кромешной тьме. Маура слышала рассказ о том, как сто лет назад парижские рабочие заблудились в катакомбах и умерли с голода. Она ускорила шаг, чтобы догнать туристов, вновь оказаться среди живых. В этом лабиринте особенно остро ощущалось дыхание Смерти. Казалось, черепа смотрят на нее с негодованием, и шестимиллионный хор

бранит ее за праздное любопытство.

«Когда-то мы были живыми, как ты. Думаешь, тебе удастся избежать нашей участи?»

Наконец она выбралась из катакомб на залитую солнцем улицу Реми-Дюмонсель и жадно глотнула свежего воздуха. Впервые она обрадовалась шуму городского транспорта, плотной толпе прохожих, как будто заново родилась. Краски казались ярче, лица приветливее. «Мой последний день в Париже, — подумала она, — а я только сейчас по-настоящему оценила красоту этого города». Прошедшую неделю она в основном провела в залах заседаний, участвуя в работе Международной конференции по судебно-медицинской патологии. Времени на осмотр достопримечательностей выдалось крайне мало, и даже те экскурсии, которые предложили организаторы конференции, были так или иначе связаны со смертью и болезнями: медицинский музей, старый анатомический театр.

Катакомбы.

Какая ирония судьбы — самым ярким воспоминанием о Париже останется то, что связано с человеческими останками. «Нет, в этом есть что-то нездоровое, — пришла она к выводу, пока сидела в кафе, смакуя последнюю чашечку эспresso и клубничное пирожное. — Всего через пару дней я снова окажусь в секционном зале среди нержавеющей стали, без солнечного света. А дышать придется холодным кондиционированным воздухом. И сегодняшний день покажется раем».

Никуда не торопясь, она старалась запечатлеть в памяти приятные мелочи, которые ее окружали. Аромат кофе, вкус сдобной выпечки. Опрятные бизнесмены, деловито прижимающие к уху мобильники, затейливые узлы шарфов на шеях дам. Она даже позволила себе пофантазировать, как это делают все американцы, попадающие в Париж: «А может, опоздать на самолет? И задержаться здесь, в этом кафе, в этом восхитительном городе, до конца дней своих?»

Но все-таки Маура поднялась из-за столика и взяла такси до аэропорта. Она оставила и свои фантазии, и сам Париж, мысленно пообещав себе непременно вернуться сюда. Только вот не знала, когда это случится.

* * *

Обратный рейс задержали на три часа. «Эти три часа я могла бы гулять вдоль Сены, — ворчала про себя Маура, томясь в зале ожидания аэропорта Шарль де Голль. — Или бродила бы по кварталу Марэ, а то

заглянула бы в „Ле Аль“». ^[1] Вместо этого она была вынуждена торчать в аэропорте, настолько переполненном, что даже негде было присесть. Когда наконец она оказалась на борту самолета «Эр Франс», настроения уже не было, впрочем, как и сил. Одного бокала вина и бортпайка ей хватило, чтобы провалиться в глубокий сон без сновидений.

Она проснулась, только когда самолет начал снижаться над Бостоном. Голова раскалывалась, и заходящее солнце било прямо в глаза. Головная боль усилилась, когда Маура, уставившись на конвейерную ленту, по которой один за другим плыли чужие чемоданы, ждала багажа. Безжалостный стук в висках, сменивший боль, сопровождал ее томление в очереди на оформление претензии по утере багажа. К тому времени, когда она наконец села в такси с единственной сумкой ручной клади, уже стемнело, и ей хотелось только лечь в горячую ванну и принять солидную дозу анальгина. Она откинулась на спинку сиденья и снова задремала.

Ее разбудил внезапный скрип тормозов.

— Что такое? — услышала она голос таксиста.

Взволнованная Маура уставилась туманным взглядом на мигающие синие огни. До нее не сразу дошел смысл происходившего. Но когда стало понятно, что такси уже находится на ее улице, она очнулась и не на шутку взволновалась. Дорогу перегородили четыре патрульные машины с включенными проблесковыми маячками.

— Похоже, что-то случилось, — заметил водитель. — Это ведь ваша улица, верно?

— Да, и вон мой дом. В центре квартала.

— Где стоят полицейские машины? Вряд ли нам дадут проехать.

И словно в подтверждение слов таксиста к машине приблизился полицейский, знаком показывая, что следует развернуться.

Водитель высунул голову из окна.

— Мне нужно высадить пассажирку. Она живет на этой улице.

— Извини, приятель. Но весь квартал оцеплен.

— Знаете, я выйду здесь, — сообщила Маура, наклонившись к таксисту.

Она расплатилась, подхватила сумку и вылезла из машины. Только что она была вялой и сонной; но, окунувшись в тепло июньской ночи, почувствовала витавшее в воздухе напряжение. Маура двинулась по тротуару; ощущение тревоги нарастало по мере того, как она приближалась к дому, возле которого и были припаркованы патрульные машины. Неужели с кем-то из ее соседей случилась беда? В голове возникли самые мрачные гипотезы. Суицид. Убийство. Она подумала о Телушкине, холостом

инженере-робототехнике, который жил по соседству. Не был ли он мрачным, когда они виделись в последний раз? Вспомнила о лесбиянках Лили и Сьюзан, занимавшихся адвокатурой и обитавших с другой стороны, — их излишняя активность в деле защиты прав сексуальных меньшинств могла привести к печальным последствиям. Но вскоре Маура различила абсолютно живых соседок в толпе зевак, и ее мысли вернулись к Телушкину, которого среди зрителей не было.

Лили обернулась и заметила Мауру. Вместо того чтобы помахать рукой, она застыла, уставившись на соседку, и толкнула Сьюзан локтем. Та тоже обернулась, при виде Мауры у нее отвисла челюсть. Спустя некоторое время на нее с крайним изумлением смотрели уже все соседи.

«Почему они глазают на меня? — подумала Маура. — Что я такого сделала?»

— Доктор Айлз? — Бруклинский патрульный тоже вылупил на нее. — Это... это ведь вы? — пробормотал он.

«Что за глупый вопрос», — подумала она.

— Это мой дом. Что происходит, офицер?

— Мм... — пропыхтел патрульный, — пожалуй, вам лучше пойти со мной.

Полицейский взял Мауру за руку и повел через толпу. Соседи мрачно расступались перед ней, словно освобождали проход приговоренному узнику. Их молчание казалось странным; тишину нарушало лишь потрескивание полицейских раций. Они подошли к желтой ленте оцепления, которую натянули между колышками, — несколько штук красовались на лужайке господина Телушкина. «Он так гордится своим газоном и вряд ли этому обрадуется», — пронеслась у нее в голове спонтанная и нелепая мысль. Патрульный приподнял ленту, и Маура нырнула под нее, осознав, что попала на место преступления.

Она поняла, что это место преступления, заметив посреди лужайки знакомую фигуру. Даже издали Маура узнала детектива Джейн Риццоли из отдела убийств. На восьмом месяце беременности маленькая Риццоли выглядела спелой грушей в брючном костюме. Ее присутствие еще больше смутило Мауру. Что делает здесь, в Бруклине, бостонский детектив, ведь это не ее территория? Риццоли не замечала приближения Мауры; ее взгляд был прикован к автомобилю, припаркованному перед домом Телушкина. Явно расстроенная, она качала головой, ее растрепанные темные кудряшки прыгали во все стороны.

Первым Мауру заметил детектив Барри Фрост, напарник Риццоли. Он мельком взглянул на нее, потом быстро отвел взгляд, а затем резко, словно

спохватившись, обернулся и, разом побледнев, уставился на Мауру. Не говоря ни слова, он потянул Риццоли за руку.

Джейн остолбенела, и на ее лице, которое то и дело озаряли синие вспышки проблесковых маячков, отразилось недоверие. Словно в трансе она двинулась навстречу Мауре.

— Доктор, — тихо произнесла Риццоли, — это вы?

— А кто же еще? Почему меня все об этом спрашивают? Почему все глядят на меня, как на призрак?

— Потому что... — Риццоли запнулась. Тряхнула головой, потревожив непокорные кудряшки. — Господи! Я и сама чуть было не решила, что вы призрак.

— Что?

Риццоли повернула голову и крикнула в темноту:

— Отец Брофи!

Маура не заметила священника, который одиноко стоял в стороне. Он выплыл из тени, в темноте промелькнула белая стойка воротничка. Его обычно красивое лицо осунулось и приобрело выражение сильного потрясения. Что здесь делает Даниэл? Священников вызывали на место преступления только по просьбе родственников жертвы, если им требовались совет и утешение. Господин Телушкин был не католиком, а иудеем. Ему священник был ни к чему.

— Вы не могли бы проводить ее в дом, святой отец? — попросила Риццоли.

— Кто-нибудь объяснит мне в конце концов, что здесь происходит? — не выдержала Маура.

— Идите в дом, док. Пожалуйста. Мы объясним позже.

Маура почувствовала, как рука отца Брофи скользнула по ее талии, этим он как бы говорил: сейчас сопротивляться ни к чему. Нужно просто подчиниться просьбе детектива. Доктор Айлз позволила священнику отвести себя к передней двери дома, испытывая тайное возбуждение от тесного контакта с ним, от его теплого объятия. Он стоял так близко, что от волнения ей никак не удавалось справиться с замком. Хотя они были друзьями вот уже несколько месяцев, никогда еще Маура не приглашала отца Брофи к себе, и ее нынешняя реакция на его присутствие лишний раз напомнила о том, почему она так старательно держала дистанцию. Они вошли в гостиную, где уже горели светильники, включенные автоматическими таймерами. Маура остановилась возле дивана, не зная, что делать дальше.

Ситуацию спас отец Брофи.

— Сядьте, — сказал он, указывая на диван. — Я принесу вам что-нибудь выпить.

— Вы гость в моем доме. И это мне следовало предложить вам что-нибудь, — сказала она.

— Только не при нынешних обстоятельствах.

— Я даже не знаю, что это за обстоятельства.

— Вам расскажет детектив Риццоли.

Священник вышел из комнаты и вернулся со стаканом воды; сейчас Маура предпочла бы другой напиток, но как-то неловко просить священника принести бутылку водки. Она потягивала воду, смущаясь от его взгляда. Отец Брофи устроился в кресле напротив и неотрывно смотрел на нее, словно опасаясь, что она исчезнет.

Наконец Маура услышала, как в дом зашли Риццоли и Фрост и зашептались в холле с кем-то третьим, чей голос был ей незнаком. «Какие-то секреты, — подумала она. — Почему все от меня что-то скрывают? Почему не хотят мне говорить?»

Она подняла взгляд, когда детективы вошли в гостиную. Третьим оказался мужчина, который представился детективом Эккертом из бруклинской полиции. Это имя ни о чем не говорило Мауре, и она была уверена, что забудет его уже через пять минут. Ее внимание было приковано исключительно к Риццоли. Им уже доводилось вместе работать, и она испытывала к этой женщине симпатию и уважение.

Детективы уселись в кресла напротив Мауры. Она чувствовала себя в меньшинстве — одна под прицелом четырех пар глаз. Фрост достал свой блокнот и ручку. Что он собирается записывать? Почему все это так напоминает начало допроса?

— Как вы себя чувствуете, док? — спросила Риццоли тихим голосом, исполненным участия.

Маура рассмеялась столь банальному вопросу.

— Мне было бы значительно лучше, если бы я знала, что происходит.

— Могу я спросить вас, где вы были сегодня вечером?

— Я только что из аэропорта.

— Что вы делали в аэропорте?

— Я прилетела из Парижа. Из аэропорта Шарль де Голль. У меня был долгий перелет, и я совершенно не настроена на игру в двадцать вопросов.

[\[2\]](#)

— Как долго вы были в Париже?

— Неделю. Я улетела в прошлую среду. — Мауре показалось, что в жестких вопросах Риццоли есть оттенок обвинения, и почувствовала, как

нарастает в ней раздражение, переходящее в злость. — Если вы мне не верите, можете спросить у моего секретаря Луизы. Она заказывала для меня билеты. Я ездила на конференцию...

— Международную конференцию по судебно-медицинской патологии. Верно?

— Вы уже знаете? — опешила Маура.

— Нам сказала Луиза.

«Они задавали вопросы обо мне. Еще до моего приезда они наводили справки у секретаря».

— Она сказала, что ваш самолет должен был приземлиться в пять вечера в аэропорте Логан, — сказала Риццоли. — Сейчас почти десять. Где вы были все это время?

— Рейс задержали в Париже. Из-за какой-то дополнительной проверки безопасности. Теперь все авиалинии страдают паранойей, и нам еще повезло, что мы вылетели с опозданием всего на три часа.

— Выходит, ваш рейс был отложен на три часа.

— Я же вам только что сказала.

— В котором часу вы приземлились?

— Не знаю. Примерно в половине девятого.

— Вам понадобилось полтора часа, чтобы добраться до дома из Логана?

— Мой чемодан потерялся. Пришлось заполнять бланк заявления в «Эр Франс». — Маура замолчала, решив, что с нее довольно. — Послушайте, в чем дело, черт возьми? Прежде чем отвечать на дальнейшие вопросы, я имею право знать, что происходит. Вы меня в чем-то обвиняете?

— Нет, док. Мы вас ни в чем не обвиняем. Просто пытаемся очертить временные рамки.

— Временные рамки для чего?

— Вам кто-нибудь угрожал, доктор Айлз? — спросил Фрост.

Маура изумленно взглянула на него.

— Что?

— У кого-нибудь есть причины навредить вам?

— Нет.

— Вы уверены?

— Разве в наше время можно быть в чем-то уверенной? — усмехнулась Маура.

— Вам наверняка не раз приходилось давать показания в суде, которые могли здорово разозлить кого-нибудь, — сказала Риццоли.

— Только если этот кто-нибудь разозлился на правду.

— Вы нажили себе немало врагов. Среди преступников, которым вынесли приговор с вашей помощью.

— Уверена, что и вы тоже, Джейн. Это же ваша работа.

— Вы получали какие-нибудь конкретные угрозы? Письма или телефонные звонки?

— Номер моего телефона в справочниках не значится. А Луиза никогда не дает моего адреса.

— А как насчет писем, которые поступают на служебный адрес?

— Иногда попадают странные. Но они наверняка приходят и вам.

— Странные?

— Люди пишут об инопланетянах или тайных заговорах. Бывает, упрекают нас в том, что мы не говорим правды о результатах вскрытия. Мы подшиваем такие письма в отдельную папку. Если, конечно, в них не содержится явная угроза. В таких случаях мы передаем их в полицию.

Маура наблюдала, как Фрост строчит в своем блокноте, и ей стало интересно, что же он пишет. Она уже настолько разозлилась, что ей хотелось перегнуть через разделявший их журнальный столик и выхватить блокнот из его рук.

— Док, у вас есть сестра? — спокойно поинтересовалась Риццоли.

Вопрос, прозвучавший как гром среди ясного неба, потряс Мауру настолько, что она разом забыла о раздражении и уставилась на Риццоли.

— Что, простите?

— У вас есть сестра?

— Почему вы об этом спрашиваете?

— Просто мне нужно знать.

— Нет, у меня нет сестры, — выдохнула Маура. — К тому же вы знаете, что меня удочерили. Когда, черт возьми, вы намерены сказать мне, в чем дело?

Риццоли и Фрост переглянулись.

Фрост захлопнул блокнот.

— Думаю, пришла пора показать ей все.

* * *

Риццоли первой направилась к двери. Маура вышла из дома в теплую летнюю ночь, расцвеченную словно на карнавале вспышками проблесковых маячков на патрульных машинах. Ее организм еще жил по парижскому времени, где сейчас было четыре утра, так что она

воспринимала происходящее сквозь дымку усталости — ночь казалась нереальной и больше напоминала дурной сон. Стоило ей очутиться на пороге, как на нее устремились изумленные взоры всех присутствующих. Она снова увидела своих соседей, собравшихся на улице и разглядывающих ее из-за ленты оцепления. Как любой судмедэксперт, она привыкла быть на виду — за каждым ее шагом следили полиция и пресса, но сегодня внимание публики было совсем иным. Назойливым, даже пугающим. Она была рада тому, что ее сопровождают Риццоли и Фрост — детективы прикрывали ее от любопытных глаз по пути к темному «Форду Таурусу», припаркованному перед домом Телушкина.

Маура не узнала машину, зато узнала стоявшего рядом бородатого мужчину с пухлыми руками в латексных перчатках. Это был доктор Эйб Бристол, ее коллега из бюро судебно-медицинской экспертизы. Эйб славился отменным аппетитом: его полнота выдавала любовь к обильной пище, а обрюзгший живот нависал над ремнем.

— Боже, мистика какая, — произнес он, не сводя глаз с доктора Айлз. — Так и свихнуться недолго. — Он кивнул в сторону машины. — Надеюсь, ты готова к этому, Маура.

«Готова к чему?»

Она посмотрела на припаркованный «Таурус». Очередная синяя вспышка высветила силуэт человека, навалившегося на руль. Ветровое стекло в темных подтеках. «Кровь».

Риццоли направила фонарик на пассажирскую дверь. Маура не сразу поняла, куда нужно смотреть: ее внимание было приковано к забрызганному кровью стеклу и фигуре на водительском сиденье. Наконец она увидела, что освещал фонарь Риццоли. Под дверной ручкой были отчетливо видны три параллельные царапины, сильно повредившие полировку.

— Как будто процарапали ногтями, — сказала Риццоли и скрючила пальцы, словно пытаясь воспроизвести след.

Маура уставилась на отметины. «Нет, не ногтями, — подумала она, и холодок пробежал у нее по спине. — Это следы когтей хищника».

— А теперь подойдем к водительской двери, — сказала Риццоли.

Последовав за Джейн, Маура без лишних вопросов обошла автомобиль сзади.

— Массачусетские номера, — заметила Риццоли, посветив фонариком на задний бампер. Она остановилась у водительской двери и взглянула на Мауру: — Вот что нас всех шокировало, — произнесла она. И посветила фонариком в глубь салона.

Луч света упал на лицо женщины с устремленным в окно неподвижным взглядом. Правая щека прижата к рулю, глаза открыты.

Маура лишилась дара речи. Раскрыв рот, она смотрела на фарфоровую кожу, черные волосы, удивленно приоткрытые полные губы. Она пошатнулась, чувствуя, как тело стало безвольным и отрывается от земли. Кто-то успел подхватить ее под руки. Это был стоявший за спиной отец Брофи. Она даже не заметила, что все это время священник находился рядом.

Теперь Маура понимала, почему ее появление обернулось потрясением для окружающих. Она пристально глядела на труп в машине, на лицо, которое Риццоли освещала фонариком.

«Это я. Эта женщина — я».

Она сидела на диване, потягивая водку с содовой; кубики льда позвякивали в стакане. К черту минеральную воду! Потрясение, которое она перенесла, требовало более действенного лекарства; отец Брофи отнесся к этому с пониманием и приготовил Мауре крепкий коктейль. Не каждый день видишь себя мертвой. И не каждый день, оказавшись на месте преступления, сталкиваешься со своим бездыханным двойником.

— Простое совпадение, — прошептала она. — Эта женщина очень похожа на меня, вот и все. Мало ли у кого черные волосы. А лицо... разве можно как следует разглядеть ее лицо?

— Не знаю, док, — сказала Риццоли. — Но сходство пугающее. — Она опустилась в кресло и застонала, когда ее тяжелое тело утонуло в мягких подушках.

«Бедная Риццоли, — подумала Маура. — Женщины на восьмом месяце беременности не должны расследовать убийства».

— У нее другая прическа, — заметила доктор Айлз.

— Волосы чуть длиннее, вот и все.

— У меня челка. А у нее нет.

— Разве вам не кажется, что все это незначительные детали? Посмотрите на ее лицо. Она может оказаться вашей сестрой.

— Давайте не будем торопиться и сначала посмотрим на нее при свете. Возможно, она совсем на меня не похожа.

— Сходство очевидно, Маура, — произнес отец Брофи. — Мы все это заметили. Она точная твоя копия.

— К тому же ее обнаружили в машине недалеко от твоего дома, — добавила Риццоли. — Практически напротив него. На заднем сиденье мы нашли вот это. — Джейн достала пакет с вещдоками. Сквозь пластик Маура разглядела страницу со статьей из «Бостон глоуб». Заголовок был набран достаточно крупным шрифтом, и она смогла прочитать его, не вставая с дивана: «Младенец Роулинзов подвергнулся избиениям, свидетельствует судмедэксперт».

— Это ваша фотография, док, — сказала Риццоли. — И вот подпись под ней: «Судмедэксперт доктор Маура Айлз покидает зал суда, дав показания по делу Роулинзов». — Она перевела взгляд на Мауру. — Жертва держала это в машине.

— Почему? — Доктор Айлз покачала головой.

— Для нас это тоже загадка.
— Процесс по делу Роулинзов... это было недели две назад.
— Не помните, была ли эта женщина в зале суда?
— Нет. Я никогда раньше ее не видела.
— Но совершенно очевидно, что она видела вас. Во всяком случае, в газете. И вот она объявляется здесь. Чтобы найти вас? Чтобы выследить вас?

Маура уставилась на свой стакан. От водки мысли слегка путались. «Еще вчера я бродила по улицам Парижа, — подумала она. — Наслаждалась солнцем и ароматами уличных кафе. Как же я умудрилась вляпаться в такой кошмар?»

— У вас есть оружие, док? — спросила Риццоли.
— Что вы имеете в виду? — напряглась Маура.
— Ничего. Я ни в чем вас не обвиняю. Просто хотела узнать, сможете ли вы в случае чего защитить себя?
— Оружия у меня нет. Я видела, во что оно превращает тела людей, поэтому никогда не стала бы хранить его дома.
— Хорошо. Я просто спросила.

Маура глотнула еще немного водки, чтобы набраться мужества для следующего вопроса:

— Что вам известно о жертве?
Фрост достал свой блокнот и принялся листать его словно суетливый клерк. Барри Фрост во многом напоминал Мауре образцового бюрократа, у которого ручка всегда наготове.

— Согласно водительскому удостоверению, найденному в ее сумочке, жертву зовут Анна Джессоп, сорок лет, место жительства Брайтон. Автомобиль зарегистрирован на то же имя.

— Это же всего в нескольких милях отсюда! — встрепелась Маура.
— Она жила в многоквартирном доме. Соседи, похоже, мало что могут сказать. Мы пытаемся связаться с хозяйкой здания, чтобы нас впустили в квартиру.

— Имя Джессоп не вызывает никаких ассоциаций? — спросила Риццоли.

Доктор Айлз покачала головой.
— Я не знаю никого с таким именем.
— А есть у вас знакомые в штате Мэн?
— Почему вы спрашиваете?
— В ее сумочке мы нашли талон предупреждения за превышение скорости. Судя по всему, она прибыла сюда из Мэна два дня назад по

автостраде.

— Нет, в Мэне у меня нет знакомых. — Маура глубоко вздохнула. И спросила: — Кто обнаружил ее?

— Звонок поступил от вашего соседа, господина Телушкина, — сообщила Риццоли. — Он выгуливал собаку и заметил припаркованный у тротуара «Таурус».

— В котором часу это было?

— Около восьми вечера.

«Ну конечно, — подумала Маура. — Телушкин каждый вечер в это время выгуливает собаку. Инженеры все такие — пунктуальные и предсказуемые. Но на этот раз ему пришлось столкнуться с непредсказуемым».

— Он ничего не слышал? — поинтересовалась Маура.

— Говорит, что примерно минут за десять до этого услышал звук, который принял за «выстрел» из выхлопной трубы автомобиля. Но никто из соседей не видел, как все произошло. Обнаружив «Таурус», он позвонил девять-один-один. Сообщил, что кто-то только что застрелил его соседку, доктора Айлз. Первыми прибыли полицейские из Бруклина вместе с детективом Эккертом. Мы с Фростом приехали около девяти.

— Но почему вы? — Маура наконец задала вопрос, который мучил ее с того самого момента, как она увидела Риццоли на месте преступления. — Почему вы оказались в Бруклине? Это же не ваша территория.

Риццоли бросила взгляд на детектива Эккерта.

Слегка замявшись, он произнес:

— Видите ли, у нас в Бруклине за прошедший год было совершено всего одно убийство. И мы подумали, что, учитывая обстоятельства, имеет смысл пригласить коллег из Бостона.

Действительно, смысл в этом был, и Маура понимала это как никто другой. Бруклин всего лишь спальный пригород Бостона.

В прошлом году бостонская полиция расследовала шестьдесят убийств. Практика, конечно, великое дело.

— Мы бы все равно подключились к следствию, узнав, кто жертва, — заметила Риццоли. — Или кто считался жертвой. — Она немного помолчала. — Признаюсь, мне даже в голову не приходило, что ею окажется не вы. При первом же взгляде на жертву я предположила...

— Мы все так подумали, — добавил Фрост.

Воцарилось молчание.

— Мы знали, что вы прилетаете из Парижа сегодня вечером, — продолжала Риццоли. — Так сказала ваша секретарша. Единственное, что

вызывало у нас сомнение, — машина. Почему вы сидели в машине, принадлежавшей другой женщине?

Маура осушила стакан и поставила его на столик. Одного коктейля ей сегодня вполне хватило. В ногах ощущалась слабость, да и сосредоточиться было тяжело. Все предметы в комнате приобрели неясные очертания в теплом свечении электрических ламп. «Это неправда, — подумала она. — Я сплю в самолете, пролетающем где-то над Атлантикой, и, когда он приземлится, я проснусь и пойму, что ничего этого на самом деле не было».

— Нам пока ничего неизвестно об Анне Джессоп, — сказала Риццоли. — Одно мы знаем наверняка — мы все это видели собственными глазами — кто бы ни была эта женщина, она как две капли воды похожа на вас, док. Может, волосы у нее и длиннее. Может, обнаружатся еще какие-нибудь отличия. Но суть в том, что нас ввели в заблуждение. Всех нас. Но мы знаем вас. — Она немного помолчала. — Улавливаете, к чему я веду?

Да, Маура улавливала, но не хотела произносить это вслух. Она безотрывно глядела на пустой стакан. На тающие кубики льда.

— Если нас можно было ввести в заблуждение, то и любого другого тоже, — продолжала Риццоли. — В том числе и того, кто всадил пулю ей в голову. Это случилось около восьми вечера, когда ваш сосед услышал «выстрелы» из выхлопной трубы. Уже смеркалось. А она сидела в машине, припаркованной возле вашего дома. Любой заметивший ее предположил бы, что это вы.

— Вы считаете, пуля предназначалась мне? — уточнила Маура.

— Это вполне логично, вам так не кажется?

Маура покачала головой.

— Я вообще не вижу в этом никакой логики.

— По роду деятельности вы всегда на виду. Даете показания на заседаниях суда. Ваше имя мелькает в газетах. Вы наша Королева мертвых.

— Не называйте меня так.

— Но все копы вас так называют. Да и пресса тоже. Вы ведь это знаете, верно?

— Это не значит, что прозвище мне нравится. Честно говоря, я его терпеть не могу.

— Но все-таки вы фигура заметная. И дело не только в работе, но и в вашей внешности. Вы ведь знаете, что мужчины вас замечают? Нужно быть слепой, чтобы не видеть этого. Красивые женщины всегда привлекают внимание мужчин. Верно, Фрост?

Фрост растерялся, явно не ожидая, что его заставят высказаться по

этому поводу, и щеки его предательски вспыхнули. Бедняга Фрост, как легко он краснеет!

— Такова уж человеческая натура, — признался Барри.

Маура посмотрела на отца Брофи, но тот отвел взгляд. Ей стало интересно: а что, если святой отец подчиняется тем же законам влечения? Ей хотелось так думать; хотелось верить в то, что Даниэлу приходили в голову те же мысли, что и ей.

— Красивая женщина, все время на виду, — снова заговорила Риццоли. — Ее отслеживают, а потом нападают прямо у порога ее дома. Такое уже бывало. Как звали ту актрису из Лос-Анджелеса? Ну, которую убили?

— Ребекка Шефер, — подсказал Фрост.

— Точно. А вот еще недавнее убийство Лори Хванг. Вы помните ее, док?

Да, Маура помнила: она сама проводила вскрытие трупа телеведущей шестого канала. Лори Хванг проработала в эфире всего год, а потом ее застрелили на пороге студии. Она даже не догадывалась, что за ней следили. Преступник смотрел ее передачи, написал ей несколько писем. И однажды подкараулил ее на выходе из телестудии. Когда Лори шла к своей машине, он выстрелил ей в голову.

— В этом заключается опасность жизни на виду, — заметила Риццоли. — Никогда не знаешь, кто наблюдает за тобой по телевизору. Кто следит за твоей машиной, когда ты вечером едешь домой с работы. Нам даже в голову не приходит, что кто-то может нас преследовать. Что о нас кто-то мечтает. — Риццоли немного помолчала. И тихо добавила: — Я прошла через это. Я знаю, что такое быть чьей-то навязчивой идеей. Хотя моя внешность далека от идеала, со мной это уже случалось. — Она вытянула руки, демонстрируя шрамы на ладонях. Сувениры, оставленные навечно человеком, который дважды пытался отнять у нее жизнь. Пусть паралич отнял у него способность передвигаться, но этот человек все еще был жив.

— Поэтому я и спросила, не получали ли вы странных писем, — объяснила Риццоли. — Я подумала о ней. О Лори Хванг.

— Но убийцу арестовали, — заметил отец Брофи.

— Да.

— Значит, вы не имели в виду, что это его рук дело.

— Нет, я просто провела параллель. Один выстрел в голову. Женщины публичных профессий. Все это наводит на некоторые мысли. — Риццоли попыталась подняться. Ей нелегко было выкарабкаться из мягкого кресла.

Фрост поспешил предложить ей руку, но она проигнорировала этот жест. Даже на последних сроках беременности Риццоли упрямо отказывалась от помощи. Она перекинула сумку через плечо и испытующе посмотрела на Мауру. — Вы не хотите переночевать где-нибудь в другом месте?

— Это мой дом. С чего вдруг мне уходить?

— Я просто спросила. Думаю, нет необходимости напоминать вам о том, что нужно запереть двери на все замки.

— Я всегда это делаю.

Риццоли посмотрела на Эккерта.

— Бруклинская полиция сможет обеспечить наблюдение за домом?

Он кивнул.

— Я распоряжусь, чтобы патрульная машина курсировала здесь как можно чаще.

— Очень вам признательна, — сказала Маура. — Спасибо.

Маура проводила детективов до дверей и дождалась, пока они сядут в свои машины. Время перевалило за полночь. Улица вновь превратилась в тихую окраину. Бруклинские патрульные машины разъехали, «Таурус» отогнали в криминалистическую лабораторию. Даже желтую ленту оцепления убрали. Утром, подумала она, я проснусь и решу, что все это мне приснилось.

Она обернулась и увидела отца Брофи, который по-прежнему стоял в холле. Никогда еще его присутствие не смущало Мауру так сильно, как сейчас, когда они остались вдвоем в ее доме. Мысли о возможности побыть наедине крутились в головах обоих.

«Или только в моей? Ночью, когда ты один лежишь в своей постели, думаешь ли ты обо мне, Даниэл? Так, как я думаю о тебе?»

— Ты точно не боишься остаться одна? — спросил он.

— Все в порядке. — «А разве есть альтернатива? Ты что, можешь провести эту ночь со мной? Ты это предлагаешь?»

Священник направился к двери.

— Кто вызвал тебя сюда, Даниэл? — поинтересовалась она. — Как ты узнал?

Он обернулся.

— Детектив Риццоли сказала мне... — Он замолчал. — Знаешь, мне постоянно звонят из полиции. Кто-то где-то умирает, кому-то нужен священник. Я всегда охотно откликаюсь на такие просьбы. Но на этот раз... — Он запнулся. — Запри все двери, Маура, — прибавил он. — Еще одной такой ночи я не вынесу.

Святой отец вышел из дома и направился к своей машине. Он не сразу

завел двигатель; подождал какое-то время, чтобы убедиться: Маура в безопасности.

Она захлопнула дверь и щелкнула замком.

Из окна гостиной она наблюдала, как отъезжал Даниэл. Потом несколько секунд разглядывала опустевшую обочину тротуара, чувствуя себя одинокой и брошенной. Ей вдруг захотелось позвать его назад. И что тогда? Что бы тогда произошло между ними? Нет, от некоторых искушений лучше держаться подальше, решила она. Маура напоследок оглядела темную улицу и отошла от окна, сознавая, что ее силуэт хорошо просматривается на фоне освещенной гостиной. Она задернула шторы и прошла по всем комнатам, проверяя замки и задвижки на окнах. Теплыми ночами она обычно спала с открытым окном, но сегодня предпочла включить кондиционер.

Маура проснулась ранним утром, дрожа от потока холодного кондиционированного воздуха. Ей снился Париж. Прогулки под голубым небом, среди клумб с розами и лилиями. Очнувшись от грез, она не сразу сообразила, где находится. Ни в каком не Париже, а в собственной постели, поняла она наконец. И еще случилось что-то страшное.

Было всего лишь пять утра, но сон как рукой сняло. «В Париже сейчас одиннадцать, — подумала она. — Там светит солнце, и я бы уже выпила вторую чашку кофе». Маура знала, что джет-лэг будет мучить ее целый день, и эта утренняя вспышка бодрости погаснет уже к полудню, но заставить себя заснуть так и не смогла.

Она встала и оделась.

Улица выглядела так же, как всегда. В небе появились первые полосы рассвета. Она заметила, что в окнах господина Телушкина зажегся свет. Он рано вставал и обычно уходил на работу на час раньше, чем Маура, но сегодня она проснулась первой и вот теперь вновь окидывала взглядом округу. По улице проплыли поливальные машины, с шипением орошая водой окрестные лужайки. Мальчик — разносчик газет в бейсболке козырьком назад проехал мимо на велосипеде, и Маура услышала, как «Бостон глоуб» шлепнулась на ее порог. «Вроде все как всегда, — подумала она, — но это не так. Здесь побывала Смерть, и люди уже не забудут этого. Они будут смотреть из своих окон на то место, где стоял „Таурус“, и содрогаться при мысли о том, что Смерть подобралась так близко к ним».

Из-за угла показались светящиеся фары, и на улицу вырулил автомобиль, медленно приближаясь к дому Мауры. Патруль бруклинской полиции.

«Нет, теперь все по-другому», — подумала она, наблюдая за тем, как

проезжает мимо ее дома патрульная машина.

И уже никогда не будет по-прежнему.

* * *

Она приехала на работу еще до прихода секретаря. В шесть утра Маура уже сидела за своим столом и разбиралась с материалами, скопившимися в электронном почтовом ящике за время ее недельного отсутствия. Она просмотрела треть документов, когда до нее донесся звук приближающихся шагов. Подняв взгляд, Маура увидела в дверях Луизу.

— Вы здесь, — пробормотала секретарь.

Маура приветствовала ее улыбкой.

— Bonjour!^[3] Я решила с утра пораньше заняться бумажной работой.

Какое-то время Луиза молча разглядывала начальницу, потом зашла в кабинет и тяжело опустилась на стул напротив Мауры, как будто почувствовала внезапную усталость. Пятидесятилетняя Луиза, в два раза более выносливая и стойкая, чем Маура, которая была на десять лет моложе, сегодня выглядела изможденной, и лицо в свете флуоресцентных ламп казалось худым и болезненным.

— С вами все в порядке, доктор Айлз? — тихо спросила Луиза.

— Да. Только тяжело из-за разницы во времени.

— Я имею в виду... после того, что произошло вчера вечером. Детектив Фрост с такой уверенностью сказал, что в той машине были вы...

Маура кивнула, и улыбка померкла на ее губах.

— Как в кино, Луиза. Приехать домой и обнаружить такое скопление полицейских...

— Это было ужасно. Мы все подумали... — Луиза судорожно сглотнула и опустила взгляд. — Я испытала такое облегчение, когда мне позвонил доктор Бристол. И сообщил, что это была ошибка.

В воцарившейся тишине чувствовался упрек. До Мауры вдруг дошло, что это ей следовало позвонить своему секретарю. Она должна была догадаться, что Луиза взволнована и ей было бы приятно услышать голос начальницы. «Наверное, я слишком долго жила одинокой незамужней жизнью, — подумала Маура. — Мне никогда и в голову не приходило, что есть люди, которым не все равно, что происходит со мной».

Луиза поднялась со стула.

— Я так рада, что вы вернулись, доктор Айлз. Собственно, это я и хотела сказать.

— Луиза!

— Да?

— Я кое-что привезла тебе из Парижа. Понимаю, оправдание неубедительное, но это кое-что находится в моем чемодане. А багаж потерялся.

— Если это шоколад, для моих бедер он будет лишним, — рассмеялась Луиза.

— Ничего калорийного, обещаю. — Маура бросила взгляд на настольные часы. — Доктор Бристол еще не пришел?

— Только что подъехал. Я видела его на стоянке.

— Ты знаешь, когда он проводит вскрытие?

— Какое? У него сегодня два трупа.

— Вчерашнее огнестрельное ранение. Та женщина.

Луиза одарила Мауру долгим взглядом.

— Кажется, это вскрытие проводится вторым.

— Есть какие-то новые сведения об убитой?

— Не знаю. Вам лучше спросить у доктора Бристола.

Хотя в тот день ей не надо было проводить вскрытие, в два часа пополудни Маура спустилась вниз и переоделась в костюм патологоанатома. В женской раздевалке больше никого не было; она не спеша сняла с себя уличную одежду, аккуратно сложила в шкафчик блузку и брюки. Накрахмаленная униформа приятно холодила кожу, как свежeweыстиранные простыни, и она находила особое удовольствие в знакомой до боли рутине, подвязывая брюки и убирая волосы под шапочку. В этом хлопчатобумажном скафандре она чувствовала себя защищенной, наделенной особым статусом. Она посмотрела в зеркало на свое отражение — холодное и отстраненное лицо, лишенное всяких эмоций. Закрыв за собой дверь раздевалки, доктор Айлз прошла по коридору в секционный зал.

Риццоли и Фрост уже стояли возле стола в халатах и перчатках, их спины загораживали Мауре обзор. Первым ее появление заметил доктор Бристол. Он стоял к ней лицом в хирургическом халате огромного размера, куда едва уместалось его грузное тело, так что они сразу встретились взглядами. Она заметила, что брови коллеги хмуро сдвинулись, а в глазах промелькнул вопрос.

— Я подумала, что мне стоит поприсутствовать, — объяснила она.

Теперь и Риццоли, обернувшись, смотрела на нее. И тоже нахмурясь.

— Вы уверены?

— А разве вам не было бы любопытно?

— Но я все равно не стала бы присутствовать. Учитывая обстоятельства.

— Я просто посмотрю. Ты не возражаешь, Эйб?

Бристол пожал плечами.

— Пожалуй, мне бы тоже было любопытно, — согласился он. — Что ж, прошу к нашему столу.

Она прошла в зал и встала рядом с Эйбом. От одного взгляда на труп у нее пересохло в горле. За время работы в лаборатории она насмотрелась всякого: плоть в самых разных стадиях разложения, тела, изуродованные и обезображенные огнем до такой степени, что мало напоминали человеческие. Труп, который лежал сейчас на секционном столе, был практически нетронутым. Кровь уже смыли, а рана от пули на левом виске скрывалась под темными волосами. Лицо не имело повреждений, лишь на

теле появились первые признаки разложения в виде небольших трупных пятен. На шее и в паху виднелись свежие отметины там, где лаборант морга Йошима делал забор крови на анализ; других следов прикосновения к трупам не было: скальпель Эйба еще не сделал ни единого надреза. Если бы грудная полость была уже вскрыта и обнажена, вид трупа не вызвал бы у нее такого волнения. Вскрытые тела анонимны. Сердце, легкие, селезенка — всего-навсего лишенные индивидуальности органы, которые можно пересадить из одного организма в другой совсем как запчасти для автомобилей. Но эта женщина пока еще цела, и черты ее лица удивительно знакомы. Прошлой ночью Маура видела одетый труп, выхваченный из темноты лучом фонаря Риццоли. Сейчас в лицо жертвы безжалостно били лабораторные лампы, тело было обнажено, и женщина казалась еще более знакомой.

«Господи, это же мое лицо, это же мое тело на столе».

Только она знала, насколько близко сходство. Никто из присутствующих не видел формы обнаженных грудей Мауры, изгиба ее бедер. Они видели только то, что она позволяла, — лицо, волосы. Разумеется, никто не знал, что сходство между ней и жертвой простирается до таких интимных особенностей, как рыжевато-коричневый оттенок лобковых волос.

Маура посмотрела на руки женщины с длинными и изящными пальцами — в точности как у нее. Руки пианистки. С пальцев уже сняли отпечатки. Рентгеновские снимки черепа и зубов тоже были готовы, и на экране проектора уже светились два ряда белых зубов — ухмылка Чеширского кота. «Интересно, мои снимки будут выглядеть так же? — задалась она вопросом. — Неужели у нас и эмаль на зубах одинаковая?»

— Удалось еще что-нибудь узнать о ней? — спросила Маура и сама удивилась неестественному спокойствию своего голоса.

— Мы пока наводим справки об этом имени, Анна Джессоп, — сообщила Риццоли. — В нашем распоряжении только водительское удостоверение четырехмесячной давности, выданное в Массачусетсе. В нем указано, что ей сорок лет. Рост сто семьдесят четыре сантиметра, волосы черные, глаза зеленые. Вес шестьдесят килограммов. — Риццоли смерила взглядом труп. — Я бы сказала, что она подходит под это описание.

«Я бы тоже, — подумала Маура. — Мне тоже сорок, и рост такой же. Только вес другой — шестьдесят три килограмма. Но какая женщина не приврет насчет своего веса, оформляя водительское удостоверение?»

Она молча наблюдала за тем, как Эйб завершает поверхностный

осмотр. По ходу дела он заносил данные в распечатку схемы женского тела. Пулевое отверстие в левом виске. Трупные пятна в нижней части туловища и на бедрах. Шрам от аппендицита. Отложив в сторону дощечку с диаграммой, он направился к изножью стола, чтобы взять вагинальные мазки. Пока они с Йошимой раздвигали бедра, открывая промежность, Маура сосредоточила взгляд на животе жертвы. Ее заинтересовал шрам от аппендицита — тонкая белая полоска на коже цвета слоновой кости.

«У меня такой же».

Когда мазки были собраны, Эйб подошел к лотку с инструментами и взял скальпель.

Наблюдать за первым надрезом было практически невыносимо. Маура инстинктивно поднесла руку к груди, словно это в нее вбивалось стальное лезвие. «Я погорячилась, — подумала она, когда Эйб завершил Y-образный надрез. — Не знаю, смогу ли я все это выдержать». Но ноги приросли к полу, и она не могла отвести глаз, с отвращением наблюдая, как Эйб отделяет лоскуты кожи от грудной стенки, словно свежует добычу. Он был полностью поглощен работой и не замечал ее ужаса. Опытный патологоанатом тратит не более часа на несложное вскрытие, потому на этой стадии исследования Эйб не тратил времени на бесполезное изящество разрезов. Маура всегда симпатизировала Эйбу и считала его обаятельным жизнелюбом, знающим толк в еде, напитках и опере, но сейчас смотрела на него совсем другими глазами: с огромным животом и толстой бычьей шеей он выглядел мясником, вспарывающим тушу.

И вот из-под снятой с грудной клетки кожи и замаскированных под кожными лоскутами грудей обнажились ребра и мышцы. Йошима с секатором в руке наклонился над трупом и начал резать ребра. Маура морщилась от каждого щелчка. «Как легко сломать человеческую кость, — думала она. — Мы полагаем, что наше сердце защищено прочной клеткой ребер, а выходит, достаточно только сдавить кольца ножниц, и ребра одно за другим уступят давлению закаленной стали. Из какого же хрупкого материала мы сделаны!»

Йошима рассек последнюю кость, а Эйб перерезал уцелевшие пряди хрящей и мышц. Затем они вдвоем приподняли грудину, будто сняли крышку с коробки.

В распахнутой грудной клетке поблескивали сердце и легкие. «Молодые органы», — мелькнуло в голове у Мауры. Впрочем, нет, сорок лет — это уже не молодость. Нелегко признаваться даже самой себе в том, что в сорок лет половина жизни уже прожита. И что ее, так же как эту женщину на секционном столе, уже нельзя считать молодой.

Обнаженные органы внешне казались нормальными, без очевидных признаков патологии. Несколькими быстрыми надрезами Эйб иссек легкие и сердце и выложил их в металлический лоток. Затем сделал срезы легких и под ярким светом лампы исследовал их паренхиму.

— Не курила, — сообщил он детективам. — Эдемы нет. Прекрасные здоровые ткани.

Однако женщина была мертва.

Он опустил легкие в лоток, где они осели розовым холмиком, и взялся за сердце. Оно легко уместилось на массивной ладони Эйба. Маура вдруг особенно остро ощутила биение собственного сердца. Оно бы тоже уместилось в руке патологоанатома. К горлу подступила тошнота, когда Маура представила себе, что он держит его на ладони, переворачивает, рассматривая коронарные сосуды, — это сейчас Эйб и проделывал с сердцем жертвы. Пусть с точки зрения механики сердце представляет собой обычный насос, однако он находится в самой сокровенной части человеческого организма, поэтому при взгляде на обнаженный и незащищенный орган доктор Айлз ощутила пустоту в своей собственной груди. Она сделала глубокий вдох, но от запаха крови тошнота лишь усилилась. Маура отвернулась от трупа и встретила взглядом с Риццоли. Детектив как никто понимала ее. Они были знакомы вот уже два года, работали вместе по большому количеству дел и успели убедиться в профессионализме друг друга. Однако в этом взаимном уважении присутствовала и толика почтительной настороженности. Маура знала: интуиция у Джейн развита прекрасно, и она хорошо понимает, насколько доктор Айлз близка к тому, чтобы сбежать из секционного зала. Немой вопрос в глазах Риццоли заставил Мауру взять себя в руки. Королева мертвых вновь обрела свойственную ей рангу невозмутимости.

Она снова обратила внимание на труп.

Эйб не замечал подспудного напряжения в зале и спокойно изучал желудочки сердца.

— Клапаны выглядят вполне сносно, — заявил он. — Коронарные сосуды мягкие. Чистые. Черт, хотел бы я, чтобы мое сердце выглядело так же!

Маура бросила взгляд на необъятное брюхо коллеги и, зная его страсть к фуа-гра и жирным соусам, усомнилась в том, что его надежды сбудутся. «Наслаждайся жизнью, пока есть возможность, — вот к чему сводилась философия Эйба. — Потворствуй своим аппетитам сейчас, потому что рано или поздно мы все плохо кончим, как наши друзья на секционном столе. Что хорошего в чистых коронарных сосудах, если ты всю жизнь отказывал

себе в удовольствиях?»

Он положил сердце в лоток и принялся за живот жертвы, сделав глубокий надрез брюшины. Взору открылись печень, селезенка и поджелудочная железа. Маура давно привыкла к запаху смерти и охлажденных органов, но сегодня он действовал ей на нервы. Как будто она впервые присутствовала на вскрытии. Сегодня она смотрела на процедуру не как искушенный патологоанатом: безжалостность Эйба, орудовавшего ножницами и скальпелем, приводила ее в дикий ужас. «Боже, а ведь я это проделываю каждый день, правда, мой скальпель режет плоть незнакомых людей».

А эта женщина совсем не кажется незнакомкой.

Словно оцепенев, Маура отстраненно наблюдала за работой Эйба. Измотанная бессонной ночью и сбоем биологических часов, она уже не могла сопереживать тому, что творилось на секционном столе. Ей удалось убедить себя в том, что перед ней всего лишь труп. Никаких ассоциаций и тем более переживаний. Эйб быстро освободил завитки кишок и опустил их в лоток. С помощью ножниц и кухонного ножа он выпотрошил брюшную полость. Затем отнес лоток, наполненный брюшными органами, на столик из нержавеющей стали, где один за другим принялся их исследовать.

На препаровочном столике он вскрыл желудок и выложил его содержимое в отдельный лоток. Запах непереваренной пищи заставил Риццоли и Фроста отвернуться — оба поморщились от отвращения.

— Похоже на остатки ужина, — сказал Эйб. — Я бы предположил, что она ела салат из морепродуктов. Вижу листья салата и помидоры. И, возможно, креветки...

— За сколько часов до смерти она принимала пищу? — спросила Риццоли гнусавым голосом: она старалась оградить себя от запахов и потому зажала рукой нос.

— За час, а может, и больше. Я полагаю, она ела не дома, поскольку салат из морепродуктов — пища явно не домашняя. — Эйб взглянул на Риццоли. — Вы не нашли ресторанных чеков в ее сумочке?

— Нет. Она могла заплатить и наличными. Мы еще не получили информации по ее кредитной карте.

— Боже правый, — произнес Фрост, по-прежнему избегая взгляда на лоток. — Вряд ли я теперь отважусь съесть креветку.

— Послушай, не стоит принимать это так близко к сердцу, — сказал Эйб, надрезая поджелудочную железу. — Если разобраться, все мы сделаны из одного и того же материала. Жиры, углеводы, белки. Поедая сочный

стейк, ты на самом деле жуешь мышечную ткань. Думаешь, я отказываюсь от мяса только потому, что каждый день приходится его анатомировать? Любая мышечная ткань состоит из одних и тех же биохимических элементов, просто пахнет иногда хуже или лучше. — Он взялся за почки. Отрезал от каждой понемногу и опустил образцы ткани в сосуд с формалином. — Пока все выглядит нормально, — прокомментировал он. И перевел взгляд на Мауру. — Ты согласна?

Она механически кивнула, не сказав ни слова. Ее внимание привлекла новая серия рентгеновских снимков, которые Йошима развешивал на экране проектора. Это были изображения черепа. На латеральном снимке просматривались очертания мягкой ткани, словно полупрозрачный призрак профиля.

Маура подошла к экрану и принялась разглядывать пятно в форме звездочки, которое казалось ярким на фоне более темной кости. Оно расплылось по всему своду черепа. Небольшое входное отверстие было обманчивым: оно не давало представления о повреждениях мозга.

— Господи, — пробормотала она. — Это же пуля «Черный коготь».

Эйб поднял взгляд от лотка с брюшными органами.

— Давно я их не видел. Нужно быть поосторожнее. Металлические осколки от этой пули острые, как бритва. Ими можно пораниться даже в перчатках. — Он взглянул на Йошиму. Тот проработал в бюро судмедэкспертизы дольше всех нынешних патологоанатомов и потому служил им корпоративной памятью. — Когда в последний раз у нас была жертва с пулей «Черный коготь»?

— Примерно года два назад, — отозвался Йошима.

— Так недавно?

— Насколько я помню, вскрытие делал доктор Тирни.

— Попроси, пожалуйста, Стеллу поднять архив. Пусть посмотрит, закрыли ли дело. Пуля необычная, так что нелишне проверить, нет ли связи.

Йошима снял перчатки и направился к интеркому, чтобы связаться с секретарем Эйба.

— Алло, Стелла? Доктор Бристол просит поднять последнее дело, в котором фигурировала пуля «Черный коготь». По-моему, с этим делом работал доктор Тирни...

— Я слышал про эту пулю, — сказал Фрост, подходя к экрану и глядя в снимки. — Но первый раз сталкиваюсь с ней в работе.

— Это экспансивная пуля от «Винчестера», — сказал Эйб. — Проникая в мягкие ткани, медная оболочка раскрывается, образуя что-то

вроде шестигранника. Каждая грань острая, как коготь. — Он подошел к изголовью секционного стола. — Пули были изъяты с рынка в девяносто третьем году, после того как какой-то псих из Сан-Франциско устроил пальбу и порешил девять человек. Это была настолько плохая реклама для «Винчестера», что они сняли пули с производства. Но какое-то количество, конечно, осталось в обороте. Время от времени жертвы случаются, но их становится все меньше.

Маура никак не могла оторвать глаз от рентгеновского снимка, от смертоносного белого шестигранника. Она думала над тем, что сказал Эйб: «Каждый кончик острый, как коготь». И вспоминала отметины, оставленные на дверце автомобиля жертвы. «Царапины от когтей хищника».

Она вернулась к столу, где Эйб как раз заканчивал надрез кожи черепа. В тот краткий миг, когда он снимал лоскут кожи, Маура успела бросить последний взгляд на лицо мертвой женщины. Смерть окрасила ее губы в серовато-синий цвет. Глаза были открыты, обнаженная роговица высохла и помутнела от воздействия воздуха. Прижизненный блеск в глазах на самом деле есть не что иное, как отражение света от влажной роговицы; когда же веки перестают моргать и роговица уже не омывается жидкостью, глаза высыхают и тускнеют. Безжизненность взгляда объясняется вовсе не тем, что душа отлетает, просто отключается мигательный рефлекс. Маура посмотрела на две затуманенные каемки, защищенные роговицей глаз, и на мгновение представила себе, как могли они выглядеть при жизни. В этот момент ей показалось, что она смотрит на свое зеркальное отражение. Совершенно внезапная головокружительная мысль возникла в ее голове: а что, если это она лежит на секционном столе и это ее тело анатомируют? Ведь призраки часто задерживаются именно в тех местах, где обитали при жизни. «Вот мое пристанище, — подумала она. — Судебно-медицинская лаборатория. Я обречена провести здесь вечность».

Эйб потянул кожу черепа вперед, и лицо съежилось словно резиновая маска.

Маура содрогнулась. Отвернувшись, она заметила, что Риццоли опять наблюдает за ней. «На кого она смотрит — на меня или на мой призрак?»

Жужжание хирургической пилы «Стайкер» пронимало до мозга костей. Эйб отпиливал свод обнаженного черепа, старательно обходя сегмент с пулевым отверстием. Затем осторожно отделил и снял верхнюю часть кости. Пуля «Черный коготь» выпала из открытого черепа и со звоном шлепнулась в лоток, который подставил Йошима. Ее металлические шипы поблескивали в свете лампы и напоминали лепестки смертоносного

цветка.

Мозг был залит темной кровью.

— Обширное кровоизлияние в оба полушария. Собственно, это можно было предположить по снимкам, — заметил Эйб. — Пуля вошла сюда, в левую височную кость. Но не вышла. На снимках это хорошо видно. — Он указал на экран проектора, на котором пуля высвечивалась ярким шестигранником, упиравшимся во внутренний изгиб левой части затылочной кости.

— Странно, что она осталась с той же стороны черепа, — заметил Фрост.

— Возможно, возник внутренний рикошет. Пуля пронзила череп и начала кувыркаться, прорезая мозг. Потратила всю свою мощь на мягкие ткани. Можно сравнить с вращением ножей в блендере.

— Доктор Бристол! — прозвучал по интеркому голос Стеллы, его секретаря.

— Да.

— Я нашла то дело с пулей «Черный коготь». Имя жертвы Василий Титов. Вскрытие проводил доктор Тирни.

— А кто из детективов вел дело?

— М-м... а, вот, нашла. Детективы Ванн и Данливи.

— Я свяжусь с ними, — пообещала Риццоли. — Попробую выяснить, помнят ли они подробности.

— Спасибо, Стелла! — крикнул Бристол и взглянул на Йошиму, который уже держал фотоаппарат: — Можно приступать.

Йошима начал фотографировать мозг, чтобы запечатлеть его состояние в момент, предшествующий его извлечению из костяного дома. Вот где покоятся воспоминания всей жизни, думала Маура, глядя на блестящие складки серого вещества. Алфавит детства. Четырежды четыре — шестнадцать. Первый поцелуй, первая влюбленность, первая несчастная любовь. Все это оседает в виде групп РНК-посредников в этом сложном сплетении нейронов. Несмотря на то, что память — биохимический процесс, именно она определяет индивидуальность человека.

Несколько взмахов скальпеля — и Эйб высвободил мозг; он понес его в обеих руках, словно бесценное сокровище, на столик из нержавеющей стали. Он не станет анатомировать его сегодня, а просто поместит отмокать в тазик с формалином, чтобы заняться им позже. Впрочем, и без изучения под микроскопом повреждения были налицо; о них свидетельствовали кровавые пятна на поверхности.

— Итак, входная рана у нас на левом виске, — подытожила Риццоли.

— Да, и отверстия на коже и кости черепа идеально совпадают, — ответил Эйб.

— Это подтверждает, что мы имеем дело с прямым выстрелом в височную часть головы.

Эйб кивнул.

— Вероятно, убийца целился через водительское окно. Оно было открыто, так что стекло не могло исказить траекторию пули.

— Значит, она сидела за рулем, — начала размышлять Риццоли. — Теплый вечер. Окно открыто. Восемь часов, темнеет. Он подходит к машине. Наводит на нее дуло пистолета и стреляет. — Джейн встряхнула головой. — Зачем?

— Ее сумочку он не забрал, — сказал Эйб.

— Выходит, не грабеж, — согласился Фрост.

— Остается преступление на почве страсти. Или заказное убийство. — Риццоли взглянула на Мауру. Ну вот, опять эта вероятность целенаправленного убийства!

«Ту ли цель поразил убийца?»

Эйб опустил мозг в ковш с формалином.

— Пока никаких сюрпризов, — постановил он, возвращаясь к столу, чтобы начать препаровку органов шеи.

— Вы будете проводить токсикологическое исследование? — поинтересовалась Риццоли.

Эйб пожал плечами.

— Можно, конечно, но я не уверен, что есть необходимость. Причина смерти очевидна. — Он кивнул на экран проектора, где поблескивал шестигранник пули. — У вас есть какие-то иные соображения? Почему вы заинтересовались токсикологией? Разве в машине обнаружили наркотики или какую-то атрибутику?

— Нет, ничего. В машине все чисто. Ну, если не считать крови.

— И вся кровь принадлежит жертве?

— В любом случае, вся кровь третьей группы, резус-фактор положительный.

Эйб взглянул на Йошиму.

— Ты проверил нашу девушку?

Йошима кивнул.

— Все сходится. У нее третья группа, резус-фактор положительный.

На Мауру никто не посмотрел. Никто не заметил, как задрожал ее подбородок, как судорожно она глотнула воздух. Она резко отвернулась, чтобы никто не увидел ее лица, и, развязав маску, рывком сдернула ее.

Когда доктор Айлз направилась к мусорной корзине, Эйб окликнул ее:
— Мы тебя уже утомили, Маура?
— Это все проклятый джет-лэг, — сказала она, стягивая халат. —
Пожалуй, уйду домой пораньше. До завтра, Эйб.
Она сбежала из секционного зала, даже не оглянувшись.

* * *

Домой Маура ехала как в тумане. Только когда впереди замаячили окраины Бруклина, ее немного отпустило. Только тогда ей удалось вырваться из лассо тягостных мыслей, которые крутились в ее голове. «Не думай о вскрытии. Выброси все это из головы. Подумай об обеде, о чем угодно, только не о том, что видела сегодня».

Она остановилась у супермаркета. В ее холодильнике было пусто, и, чтобы не питаться сегодня вечером тунцом и мороженым горошком, следовало зайти в магазин. Маура испытала облегчение от возможности сосредоточиться на покупках. С маниакальным упорством она заполняла продуктовую тележку. Размышлять о еде и о том, что приготовить на неделю, было гораздо безопаснее. «Хватит думать о кровавых брызгах и женских органах в стальных лотках. Мне нужны грейпфруты и яблоки. И, по-моему, здесь хорошие баклажаны». Она взяла пучок свежего базилика и жадно вдохнула его пряный аромат, который, пусть даже на минуту, чудесным образом перебил запахи морга. После недели легкой французской пищи ей особенно сильно захотелось специй. «Сегодня, — решила она, — я приготовлю тайский зеленый карри, такой острый, чтобы обжигал рот».

Дома она переоделась в шорты и футболку и кинулась к плите. Потягивая охлажденное белое бордо, она резала цыпленка, лук и чеснок. Вскоре кухня наполнилась ароматом жасминового риса. Думать о крови группы III с положительным резус-фактором и темноволосой женщине было некогда — в кастрюле закипело масло. Пора загружать цыпленка и пасту карри. А потом опорожнить туда банку кокосового молока. Она накрыла кастрюлю крышкой и установила медленный огонь. Посмотрела в кухонное окно и вдруг увидела свое отражение на стекле.

«Я очень похожа на нее. Вылитая она».

Холодок пробежал по спине, словно из окна смотрело вовсе не ее собственное отражение, а некий призрак. Крышка на кастрюле задрожала от поднимающегося пара. Это призраки пытаются вырваться наружу.

Стараются привлечь ее внимание.

Она выключила газ, подошла к телефону и набрала номер пейджера, который знала наизусть.

Спустя мгновение Джейн Риццоли перезвонила. Фоном ее голосу служили отдаленные телефонные звонки. Значит, Риццоли звонила не из дома, а, вероятно, все еще сидела за своим рабочим столом в главном управлении на Шредер-Плаза.

— Извините, что надоедаю, — сказала Маура. — Просто мне нужно кое-что узнать у вас.

— У вас все нормально?

— Все хорошо. Я просто хочу знать о ней кое-что еще.

— Об Анне Джессоп?

— Да. Вы сказали, что у нее было массачусетское водительское удостоверение.

— Верно.

— Какая дата рождения в нем указана?

— Что?

— Сегодня в секционном зале вы сказали, что ей сорок лет. В какой день она родилась?

— Зачем это вам?

— Пожалуйста, скажите. Мне просто нужно знать.

— Хорошо. Не вешайте трубку.

До слуха Мауры донеслось шуршание страниц, а затем в трубке раздался голос Риццоли:

— Согласно водительскому удостоверению она родилась двадцать пятого ноября.

Маура молчала.

— Вы еще слушаете? — забеспокоилась Риццоли.

— Да.

— В чем проблема, доктор? Что происходит?

Маура судорожно сглотнула.

— Мне нужна ваша помощь, Джейн. Я понимаю, это может показаться бредом.

— Попробуйте объяснить.

— Я хочу, чтобы в лаборатории сравнили мою ДНК и ее.

Отдаленные телефонные звонки смолкли, и на том конце провода установилась тишина.

— Еще раз. Я что-то не поняла, — наконец произнесла Риццоли.

— Я хочу знать, соответствует ли ДНК Анны Джессоп моей ДНК.

— Послушайте, я согласна, сходство поразительное...

— Дело не только в нем.

— Что еще вы имеете в виду?

— У нас одна группа крови. Третья, резус-фактор положительный.

— И как вы думаете, у скольких еще людей третья группа, резус-фактор положительный? — вполне резонно возразила Риццоли. — У десяти процентов населения, так ведь?

— И дата ее рождения. Вы сказали, что она родилась двадцать пятого ноября. Джейн, я родилась в этот же день.

Повисло гробовое молчание.

— Слушайте, у меня от этой информации волосы под мышками дыбом встали, — мягко проговорила Риццоли.

— Теперь вы понимаете, почему я хочу сделать этот анализ? Все в ней — начиная с внешности, группы крови, даты рождения... — Маура запнулась. — Она — это я. Я хочу знать, откуда она родом. Я хочу знать, кто эта женщина.

Повисла долгая пауза. Потом Риццоли сказала:

— Ответить на этот вопрос, похоже, сложнее, чем мы думали.

— Почему?

— Сегодня днем мы получили выписку с ее кредитной карты. И выяснилось, что счет для ее «Мастеркард» открыт всего полгода назад.

— И что из этого?

— Водительское удостоверение выдано четыре месяца назад. А номерным знакам ее автомобиля всего-то три месяца.

— А что ее место жительства? Она ведь жила в Брайтоне, так ведь? Вы уже наверняка говорили с соседями.

— Вчера поздно вечером мы наконец связались с хозяйкой дома. Она говорит, что сдала квартиру Анне Джессоп три месяца назад. Она впустила нас в квартиру.

— И что?

— Квартира пуста, доктор. Ни мебели, ни сковородки, даже зубной щетки нет. Кто-то оплатил кабельное телевидение и телефон, но жильцов там не было.

— А что соседи?

— Никто ее не видел. Они называли ее призраком.

— Но ведь раньше она жила где-то. И наверняка у нее был другой банковский счет...

— Мы проверяли. И не нашли никаких более ранних сведений об этой женщине.

— И что это значит?

— Это значит, — сказала Риццоли, — что еще полгода назад Анны Джессоп не существовало.

Когда Риццоли вошла в заведение Джей Пи Дойла, его завсегдатаи уже толпились вокруг барной стойки. Большинство постоянных посетителей были полицейскими, которые за пивом и орешками делились друг с другом байками о похождениях на службе. Расположенный неподалеку от полицейской подстанции Ямайка-Плейн, бар Дойла был, наверное, самой безопасной пивной в городе. Одно неверное движение — и на тебя обрушится сразу с десятков копов. Джейн знала всю эту братию, и ее здесь тоже хорошо знали. Полицейские расступились перед беременной коллегой, и на нескольких лицах промелькнули ухмылки, когда она словно паровоз вклинилась в их ряды, неся впереди себя огромный живот.

— Бог мой, Риццоли, — выкрикнул кто-то, — ты все толстеешь?

— Да. — Она рассмеялась. — Но в отличие от тебя к августу я снова буду тощей.

Она направилась к детективам Ванну и Данливи, которые стояли у барной стойки и махали ей руками. Сэм и Фродо^[4] — такое прозвище приклеилось к этой парочке. Тощий и толстый — они работали вместе так давно, что стали вести себя как супружеская пара со стажем и, возможно, проводили больше времени друг с другом, чем со своими женами. Риццоли редко видела их порознь и даже думала, что недалек тот день, когда они станут одеваться как близнецы.

Они улыбнулись и приветствовали ее одинаковыми пинтами «Гиннеса».

— Эй, Риццоли, — начал Ванн.

— ... ты опоздала, — продолжил Данливи.

— Мы уже по второй...

— ... Будешь с нами?

Господи, каждый из них мог закончить мысль другого!

— Здесь слишком шумно, — сказала она. — Пошли в другой зал.

Они направились в обеденный зал, за излюбленный столик под ирландским флагом. Данливи и Ванн расположились на одной скамейке напротив Джейн. Она подумала о своем напарнике Барри Фросте, милом парне, даже замечательном — правда, у них не было ничего общего. В конце рабочего дня каждый из них шел своей дорогой. Они симпатизировали друг другу, но слишком тесное общение Риццоли вряд ли вынесла бы. Во всяком случае, не смогла бы проводить с Фростом столько

времени, сколько проводят вдвоем эти парни.

— Так у тебя жертва с «Черным когтем»? — уточнил Данливи.

— Да, обнаружили вчера вечером в Бруклине, — сказала она. — Это первый «Коготь» после вашего дела. Сколько лет прошло, года два?

— Да, около того.

— Оно закрыто?

— Закрыто и похоронено, — усмехнулся Данливи.

— Кто стрелял?

— Парень по имени Антонин Леонов. Украинский иммигрант, пешка, метившая в дамки. Русская мафия рано или поздно добралась бы до него, но мы арестовали его раньше.

— Идиот тот еще, — фыркнул Ванн. — Даже не подозревал, что мы его пасем.

— А с чего вы взялись его пасти? — поинтересовалась Джейн.

— Поступил сигнал, что он ждет партию наркотиков из Таджикистана, — объяснил Данливи. — Героин. Мы сидели у него на хвосте почти неделю, а он нас так и не вычислил. Короче, он привел нас к дому сообщника, Василия Титова. Тот, должно быть, разозлил Леонова или что-то в этом роде. Мы видели, как Леонов зашел в дом Титова. Потом прогремели выстрелы, и Леонов вышел.

— Тут мы его и сцапали, — вставил Ванн. — Я же говорю, идиот.

Данливи торжествующе поднял кружку с пивом.

— Короче, все было ясно. Преступник схвачен на месте с оружием. Мы были свидетелями. Не знаю, с чего ему вдруг пришло в голову доказывать свою невиновность. Суду присяжных потребовалось меньше часа, чтобы вынести приговор.

— Он так и не сказал вам, откуда у него эти пули? — спросила Риццоли.

— Шутишь? — удивился Ванн. — Он вообще ничего нам не сказал. Он с трудом говорил по-английски, но слово «Миранда»^[5] знал назубок.

— Мы провели обыск в его доме, проверили его делишки, — продолжил Данливи. — У него на складе нашли, между прочим, около восьми ящиков с «Черным когтем». Как тебе это нравится? Понятия не имею, как ему удалось заполучить такой арсенал, но запас, конечно, внушительный. — Данливи пожал плечами. — Вот, собственно, и все по этому Леонову. Честно говоря, я не вижу, как он может быть связан с вашим огнестрелом.

— За пять лет в наших краях «Черный коготь» использовали всего дважды, — возразила она. — В вашем случае и в моем.

— Ну, наверное, какое-то количество этих пуль еще крутится на черном рынке. Проверь на eBay.^[6] Я знаю только одно: мы взяли Леонова, и надолго. — Данливи осушил свою пинту. — Так что у тебя стрелял кто-то другой.

Это было и так понятно. Разборки между русскими мафиози двухлетней давности вряд ли могли иметь отношение к убийству Анны Джессоп. Выходит, пуля «Черный коготь» никуда не вывела.

— Дадите посмотреть дело Леонова? — попросила она. — Мне все-таки хочется взглянуть.

— Завтра будет у тебя на столе.

— Спасибо, ребята. — Джейн неуклюже выбралась из-за стола.

— Когда разродишься? — спросил Ванн, кивая на ее живот.

— Не очень скоро.

— Знаешь, ребята тут делают ставки. На пол ребенка.

— Шутишь.

— Уже поставили семьдесят баксов на девочку и сорок на мальчика.

— И двадцать баксов на третий вариант, — хихикнул Ванн.

* * *

Переступив порог своей квартиры, Риццоли почувствовала, как ребенок толкнул ее ножкой. Успокойся, малыш, подумала она. Ты и так весь день меня колошматил, а теперь намерен продолжить это ночью? Она не знала, кого носит под сердцем — мальчика, девочку или кого-то еще; но знала наверняка, что ребенок рвется наружу.

«Хватит упражняться в кун-фу, слышишь меня?»

Джейн швырнула сумочку и ключи на кухонный столик, скинула у двери туфли и повесила форменный пиджак на спинку стула. Два дня назад ее муж Габриэль уехал в Монтану в составе бригады ФБР, расследующей дело о тайных складах оружия. С его отъездом в квартире воцарилась прежняя уютная анархия, правившая здесь до свадьбы. Пока не вселился Габриэль, который ввел некоторое подобие дисциплины. Впрочем, чего можно ожидать от бывшего морского пехотинца? У него даже кастрюли и сковородки были рассортированы по размеру.

В спальне она увидела свое отражение. Джейн едва узнавала себя — щекастую, неуклюжую, с огромным животом в безразмерных брюках для беременных. «Когда я умудрилась исчезнуть? — подумала она. — Или я все еще здесь, прячусь где-то в этом бесформенном теле?» Она принялась

разглядывать незнакомку в зеркале, вспоминая о том, каким плоским был когда-то ее живот. Ей не нравилось располневшее лицо, по-детски розовые щеки. Габриэль называл это сиянием беременности, пытаясь убедить жену в том, что она вовсе не похожа на лоснящуюся самку кита. «Эта женщина не я, — думала Риццоли. — Она не может быть копом, который вышибает двери и ловит преступников».

Джейн плюхнулась на кровать, расставив руки словно птица, готовая взлететь. Белье пахло Габриэлем. «Я соскучилась по тебе», — подумала она. Нет, не таким должен быть брак. Две профессии, двое помешанных на работе людей. Габриэль в разъездах, она дома одна. Но ведь она с самого начала знала, что будет нелегко. Что будет много таких ночей, как сегодня, когда работа разлучит их. Она хотела опять позвонить ему, но сегодня утром они уже два раза общались по телефону, и эти разговоры были весьма разорительны.

Да черт с ними, с деньгами.

Она перекатилась на бок, приподнялась и уже потянулась к телефону, стоявшему на тумбочке, но вдруг раздался звонок. Она удивленно взглянула на определитель. Номер был незнакомым — не Габриэля.

Она сняла трубку.

— Алло.

— Детектив Риццоли? — произнес мужской голос.

— Да, слушаю.

— Прошу прощения за поздний звонок. Я только что вернулся в город и...

— Кто это говорит?

— Детектив Баллард, Ньютонское полицейское управление. Я так понимаю, вы возглавляете расследование по вчерашнему убийству в Бруклине. Жертва по имени Анна Джессоп.

— Да, верно.

— В прошлом году я вел одно дело. В нем фигурировала женщина по имени Анна Джессоп. Не знаю, та ли это женщина, но...

— Вы сказали, что вы из ньютонской полиции?

— Да.

— Вы могли бы опознать мисс Джессоп, если бы увидели ее останки?

Последовала пауза.

— Думаю, это необходимо. Мне нужно убедиться в том, что это она.

— А если окажется, что это она?

— Тогда я знаю, кто ее убил.

Еще до того как детектив Рик Баллард достал свое удостоверение, Риццоли догадалась, что этот человек из полиции. Как только она вошла в приемную бюро судмедэкспертизы, он сразу же встал по стойке «смирно». Взгляд его ярко-голубых глаз был прямым, русые волосы аккуратно подстрижены, а рубашка по-военному идеально отглажена. Своей сдержанностью и уверенностью он напоминал Габриэля, а его твердый взгляд, казалось, говорил: на меня можно положиться. Ей вдруг на мгновение захотелось выглядеть привлекательной и иметь прежнюю тонкую талию. Во время приветствий — пока они жали друг другу руки, а она рассматривала его удостоверение — Джейн чувствовала, что Рик изучает ее лицо.

«Полицейский до мозга костей», — решила она.

— Вы готовы? — спросила Риццоли. Ньютонский детектив кивнул, и она обратилась к секретарю: — Доктор Бристол уже внизу?

— Да, он как раз заканчивает вскрытие. Просил, чтобы вы спускались.

На лифте они спустились в вестибюль морга, где в шкафчиках хранились бахилы, маски и бумажные колпаки. Сквозь большое смотровое окно они могли видеть секционный зал, где доктор Бристол и Йошима работали над трупом костлявого старика. Бристол заметил их и приветственно помахал рукой.

— Еще десять минут! — сказал он.

Риццоли кивнула.

— Мы подождем.

Бристол только что сделал надрез кожи черепа. И теперь отделял ее от кости, разрушая лицо.

— Ненавижу эту часть вскрытия, — сказала Риццоли. — Когда они начинают уродовать лицо. Остальное еще терпимо.

Баллард промолчал. Джейн взглянула на него и заметила, как напряглась у него спина, а на лице появилось выражение мрачной стойкости. Поскольку он не занимался расследованием убийств, в морге ему вряд ли приходилось бывать часто и предстоящее зрелище наверняка вызывало у него ужас. Она вспомнила свой первый визит в секционный зал во время учебы в академии. Единственная женщина, она была ниже всех шестерых мускулистых курсантов мужского пола. Все ждали, что девчонка не выдержит и сбежит. Но она заняла место в первом ряду, в самом центре и даже ни разу не поморщилась, пока шло вскрытие. А вот самый крепкий

из курсантов побледнел и, шатаясь, опустился на ближайший стул. Интересно, а вдруг то же самое произойдет и с Баллардом? В свете флуоресцентных ламп его кожа приобрела мертвенно-бледный оттенок.

Между тем в секционном зале Йошима начал отпиливать свод черепа. Казалось, звук, производимый движущимся лезвием при соприкосновении с костью, доконал Балларда. Он отвернулся от смотрового окна и принялся разглядывать коробки с перчатками разных размеров, расставленные на полках. Риццоли не сочувствовала ему. Стыдно такому мужественному с виду парню расклеиваться на глазах у женщины-полицейского.

Она сунула ему табуретку, а затем подвинула еще одну для себя.

— Мне сейчас тяжело подолгу стоять на ногах.

Баллард уселся, явно испытывая облегчение оттого, что можно не смотреть на пилу.

— Это ваш первый? — спросил он, кивая на живот.

— Ага.

— Мальчик или девочка?

— Не знаю. Мы будем рады в любом случае.

— Я тоже так думал, когда родилась моя дочь. Десять пальчиков на руках и десять на ногах — вот все, о чем я мечтал... — Он немного помолчал и с трудом сглотнул, когда снова заработала пила.

— И сколько сейчас вашей девочке? — спросила Риццоли, пытаясь отвлечь его.

— Четырнадцать, из молодых да ранних. Теперь нам уже не до смеха.

— Да, трудный возраст.

— Видите, сколько у меня седых волос?

Риццоли рассмеялась.

— Моя мама тоже всегда так делала. Показывала на свою голову и говорила: «Эти седые волосы — на твоей совести». Должна признаться, в четырнадцать лет я не была ангелом. Что поделаешь, переходный возраст.

— Да, и к тому же у нас свои проблемы. В прошлом году мы с женой разъехались. Кэти разрывается между нами. Двое работающих родителей, два дома.

— Должно быть, это очень тяжело для ребенка.

К счастью, пила смолкла. Риццоли видела, как Йошима отделяет свод черепа, а Бристол осторожно достает из черепной коробки мозг. Баллард не смотрел в секционный зал, сосредоточив внимание на Риццоли.

— Трудно, наверное, да? — произнес он.

— О чем вы?

— Работать в полиции. Ну, в вашем положении.

— По крайней мере теперь никто не заставляет меня вышибать двери.
— Моя жена только начинала работать в полиции, когда забеременела.
— Она тоже из ньютонского управления?
— Нет, из бостонского. Ее хотели сразу же отстранить от дежурств. Но она сказала, что беременность имеет свои преимущества. Преступники становятся любезнее.

— Преступники? Со мной они не любезничают.

В соседней комнате Йошима уже зашивал труп, орудуя иглой и кетгутом, словно портной смерти, который оттачивает свое мастерство не на полотне, а на мертвых человеческих тканях. Бристол снял перчатки, помыл руки и, тяжело передвигаясь, вышел навстречу посетителям.

— Извините, что заставил вас ждать. Вскрытие немного затянулось. У этого парня опухоли по всей брюшной полости, но он никогда не обращался к врачам. Что ж, в итоге достался мне. — Он протянул Балларду еще влажную мясистую руку. — Детектив, я так понимаю, вы пришли посмотреть наш огнестрел.

Риццоли заметила, как напрягся Баллард.

— Детектив Риццоли попросила меня сделать это.

Бристол кивнул.

— Что ж, пойдете. Она в морозильной камере.

Патологоанатом провел их через секционный зал к другой двери, которая вела в морозильное отделение. Оно напоминало обычное помещение для хранения мяса с температурными датчиками и массивной стальной дверью. На стене висела таблица с указанием времени доставки трупов. Старик, которого только что вскрывал Бристол, тоже фигурировал в списке; его привезли вчера в одиннадцать часов вечера. Вряд ли нашлись бы желающие попасть в такой реестр.

Бристол открыл дверь, и наружу вырвались несколько облачков пара. Детективы шагнули в помещение, и от запаха охлажденного мяса Риццоли едва не стошнило. Забеременев, Риццоли утратила способность адаптироваться к омерзительным запахам: стоило ей почувствовать дух разложения, как она оказывалась у ближайшего умывальника. На этот раз ей удалось сдержать приступ тошноты, и она с мрачной решимостью принялась изучать ряд стоявших перед ними каталок. Там было пять трупов, упакованных в белые пластиковые мешки.

Бристол стал изучать прикрепленные к мешкам ярлыки. У четвертого трупа он остановился.

— Вот наша девушка, — сказал Эйб и расстегнул мешок до середины, открывая верхнюю часть туловища с уже зашитым Y-образным надрезом.

Еще один портняжный шедевр Йошимы.

Когда расстегнули мешок, Риццоли взглянула не на мертвую женщину, а на Рика Балларда. Он молча смотрел на труп. Судя по всему, зрелище повергло его в шок.

— Ну? — спросил Бристол.

Баллард моргнул, словно вышел из транса.

— Это она, — выдохнул он.

— Вы абсолютно уверены?

— Да. — Баллард с трудом сглотнул. — Что же случилось? Что вам удалось обнаружить?

Бристол взглянул на Риццоли, как бы испрашивая разрешение на разглашение информации. Она кивнула.

— Одиночный выстрел в левый висок, — начал Эйб, указывая на входную рану. — Сильные повреждения левого полушария, а также обеих теменных долей большого мозга вследствие внутричерепного рикошета. Обширное внутричерепное кровоизлияние.

— Это единственная рана?

— Верно. Смерть наступила мгновенно.

Взгляд Балларда скользнул ниже, по груди убитой. Это обычная реакция мужчины при виде обнаженной женщины, но Риццоли все равно возмутилась. Живая или мертвая, Анна Джессоп имела право на уважение. Джейн испытала облегчение, когда доктор Бристол с обыденным видом застегнул мешок, возвращая усопшей право на покой.

Они вышли из морозильной камеры, и Эйб закрыл тяжелую стальную дверь.

— Вам известно, есть ли у нее родственники? — спросил он. — Мы должны кому-нибудь сообщить о ее смерти?

— У нее никого нет, — сказал Баллард.

— Вы так в этом уверены?

— У нее нет живых... — Он вдруг осекся и замер, уставившись в смотровое окно.

Риццоли обернулась, чтобы проследить за направлением его взгляда, и сразу же поняла, что привлекло его внимание. В секционный зал зашла доктор Маура Айлз с ворохом рентгеновских снимков. Она подошла к экрану проектора, развесила снимки и включила свет. Разглядывая очертания раздробленных костей, она и не догадывалась, что за ней наблюдают. Три пары глаз смотрели на нее сквозь стекло.

— Кто это? — пробормотал Баллард.

— Это одна из наших патологоанатомов, — объяснил Бристол. —

Доктор Маура Айлз.

— Сходство пугающее, верно? — заметила Риццоли.

Баллард медленно покачал головой.

— В первый момент я подумал...

— Мы все так подумали, когда впервые увидели жертву.

В соседнем помещении Маура складывала снимки в конверт. Она вышла из зала, так и не узнав, что все это время была объектом чьего-то внимания. «Как легко следить за другими, — подумала Риццоли. — У человека нет шестого чувства, которое подсказало бы, что за ним наблюдают. Мы не чувствуем взглядов преследователей на наших спинах; только уловив движение, мы понимаем, что там кто-то есть».

Риццоли обернулась к Балларду.

— Итак, вы увидели Анну Джессоп. И подтвердили, что знали ее. А теперь скажите нам, кем она была на самом деле.

Чудо автомобильной техники. В таких восторженных тонах расписывали этот мощный автомобиль рекламные плакаты, так называл его Дуэйн, и вот сейчас Мэтти Первис пилотировала его по Вест-Сентрал-стрит, смагивая слезы; в ее голове стучало: «Ты должен быть там, Дуэйн. Пожалуйста, будь там». Беда в том, что она не знала, застанет ли его. В последнее время с мужем творилось что-то странное, ей непонятное, как будто его место занял незнакомец, чужой человек, которому не было до нее никакого дела. Он даже не смотрел в ее сторону. «Я хочу вернуть своего мужа. Но ведь я даже не знаю, как потеряла его».

Впереди замаячила вывеска «ПЕРВИС БМВ»; Мэтти свернула на стоянку и, проехав мимо других таких же сверкающих шедевров, заметила автомобиль Дуэйна, припаркованный прямо у входа в демонстрационный зал.

Она поставила машину рядом и заглушила двигатель. Какое-то время сидела в машине, выполняя дыхательные упражнения. Очистительное дыхание по методике Ламаза, которому ее обучили на курсах. Дуэйн перестал посещать занятия с месяц назад, сказав, что считает это пустой тратой времени. «Ты же рожашь, а не я. Зачем мне туда ходить?»

Уф, пожалуй, она слишком увлеклась упражнениями. Испытав легкое головокружение, Мэтти оперлась на руль. Нечаянно нажала на клаксон и вздрогнула от пронзительного звука. Она выглянула в окно и заметила, что на нее смотрит один из механиков. На идиотку жену Дуэйна, которая сигналил без толку. Ее лицо вспыхнуло. Толкнув дверцу, Мэтти бережно высвободила из салона свой огромный живот и прошла в демонстрационный зал «БМВ».

Внутри пахло кожей и автомобильным воском. «Афродизиак для настоящих мужчин» — так называл Дуэйн эту смесь запахов, вызвавшую у Мэтти легкую тошноту. Она остановилась среди роскошных соблазнительниц демонстрационного зала: в свете прожекторов новейшие модели сверкали чувственно изогнутыми хромированными боками. В этом зале мужчина просто терял голову. Оглаживая крылья с оттенком «металлик», подолгу разглядывая свое отражение в лобовом стекле, он попадал в мечту. И на мгновение становился тем, кем бы он мог быть, если бы владел одной из этих машин.

— Госпожа Первис!

Мэтти обернулась и увидела Барта Тейера, менеджера по продажам, который махал ей рукой.

— Привет, — кивнула она.

— Ищете Дуэйна?

— Да. Где он?

— Я думаю, м-м... — Барт бросил взгляд на дверь офиса. — Сейчас я посмотрю.

— Не стоит, я сама найду его.

— Нет! То есть, я хотел сказать, м-м, давайте я позову его, хорошо? Вам лучше присесть, расслабиться. В вашем положении нельзя так долго стоять. — Смешно было слышать это от Барта, чей живот был больше, чем у Мэтти.

Она с трудом выдавила улыбку.

— Я просто беременна, Барт. Но я не калека.

— И когда же это случится?

— Через две недели. Во всяком случае мы так думаем. А там как получится.

— И то правда. Мой первый сын никак не хотел появляться на свет. Родился на три недели позже срока и с тех пор всю жизнь опаздывает. — Он подмигнул Мэтти. — Я все-таки пойду поищу Дуэйна.

Барт направился к офису. Она поплелась следом, издав далеко наблюдая, как он стучит в дверь кабинета Дуэйна. Ответа не последовало, Барт постучал снова. Наконец дверь открылась, и Дуэйн высунул голову. Он вздрогнул, когда увидел в зале Мэтти, махавшую ему рукой.

— Можно с тобой поговорить? — крикнула она.

Дуэйн вышел из кабинета, закрыв за собой дверь.

— Что ты здесь делаешь? — рявкнул он.

Барт поочередно взглянул на каждого из супругов и начал медленно пятиться к выходу.

— Э-э, Дуэйн, я, пожалуй, пойду выпью чашечку кофе.

— Да, да, — пробормотал Дуэйн. — Не возражаю.

Барт удалился. Муж и жена посмотрели друг на друга.

— Я ждала тебя, — сказала Мэтти.

— Что?

— Я была у врача, Дуэйн. Ты сказал, что придешь. Доктор Фишман ждала двадцать минут, дольше она не могла. Ты пропустил сеанс ультразвука.

— О, Господи. Совсем забыл. — Дуэйн коснулся рукой своих волос и пригладил черные пряди. Он очень трепетно относился и к своей стрижке,

и к рубашке с галстуком. «Когда имеешь дело с продуктом высшего качества, — любил повторять он, — и сам должен выглядеть на все сто». — Прости.

Она полезла в сумочку и достала поляроидный снимок.

— Ты даже не хочешь взглянуть на фотографию?

— Что это?

— Наша дочка. Это снимок сонограммы.

Он взглянул на фотографию и пожал плечами.

— Ничего не видно.

— Ну, вот же ее ручка, а это ножка. Если присмотреться, можно увидеть даже личико.

— Да, здорово. — Он вернул ей снимок. — Я сегодня немного задержусь, хорошо? К шести придет клиент на тест-драйв. Я поужинаю где-нибудь сам.

Мэтти убрала снимок в сумочку и вздохнула.

— Дуэйн...

Он торопливо чмокнул ее в лоб.

— Пойдем, я провожу тебя.

— Мы не могли бы пойти выпить где-нибудь по чашечке кофе или еще чего-нибудь?

— У меня клиенты.

— Но в зале никого нет.

— Мэтти, прошу тебя, не мешай мне работать, хорошо?

Внезапно открылась дверь кабинета Дуэйна. Мэтти резко обернулась и увидела долговязую блондинку, которая быстро шмыгнула в соседний кабинет.

— Кто это? — спросила Мэтти.

— Что?

— Эта женщина, которая только что была у тебя в кабинете.

— А, эта? — Он откашлялся. — Новая сотрудница. Я так подумал и решил, что неплохо бы нанять менеджера-женщину. Ну, понимаешь, немножко разбавить команду. Она оказалась бесценным кадром. В прошлом месяце продала машин больше, чем Барт, а это кое-что да значит.

Мэтти смотрела на закрытую дверь кабинета Дуэйна и думала: «Вот когда это началось. Месяц назад. Вот когда все изменилось между нами, и в Дуэйна вселился чужой человек».

— Как ее зовут? — спросила она.

— Послушай, мне действительно некогда.

— Я просто хочу знать ее имя. — Она обернулась, посмотрела на мужа

и в то же мгновение увидела виноватый блеск в его глазах, яркий, как свет неоновых огней.

— О, Господи. — Он отвернулся. — Этого мне еще не хватало.

— Э-э, госпожа Первис, — раздался голос Барта, который ожидал Мэтти у выхода. — Знаете, у вас спустило колесо. Мне только что механик показал.

Она удивленно посмотрела на него.

— Нет. Я... я не заметила.

— Как можно не заметить, что спущено колесо? — встрял Дуэйн.

— Ну, может быть... да, пожалуй, машину слегка заносило, но...

— Поразительная беспечность. — Дуэйн уже отвернулся от нее и зашагал к выходу.

«Уходит от меня, как всегда, — подумала она. — А теперь еще и рассердился. Как так получилось, что я кругом виновата?»

Они с Бартом последовали за Дуэйном к ее машине. Он уже сидел на корточках возле правого заднего колеса и качал головой.

— Можешь поверить, что она этого не заметила? — обратился он к Барту. — Ты только взгляни на эту шину! Она просто уничтожила ее, черт возьми!

— Ничего, бывает, — сказал Барт. И сочувственно взглянул на Мэтти. — Послушай, я попрошу Эда установить новую шину. Никаких проблем.

— Но ты только взгляни на диск, он же покорежен. Как ты думаешь, сколько миль она так промоталась? Разве можно быть такой темной?

— Да ладно тебе, Дуэйн, — попытался успокоить его Барт. — Ничего страшного.

— Я не знала, — пробормотала Мэтти. — Извини.

— И ты ехала на таком колесе от врача? — Дуэйн бросил на нее взгляд через плечо, и злость, полыхавшая в его глазах, всерьез напугала ее. — Ты что, мечтала?

— Дуэйн, я не знала.

Барт похлопал Дуэйна по плечу.

— Да хватит тебе сердиться, а?

— А тебя вообще никто не спрашивает! — огрызнулся Дуэйн.

Барт ретировался, жестом показав, что сдается.

— Хорошо, хорошо. — Он мельком взглянул на Мэтти, посылая молчаливый сигнал: «Удачи тебе, дорогуша!», после чего удалился.

— Это всего лишь шина, — сказала Мэтти.

— От тебя, наверное, искры сыпались по дороге. Как ты думаешь,

сколько народу видело, как ты едешь?

— Какое это имеет значение?

— Здравствуйте! Это же «Бумер». Сидя за рулем такой машины, ты должна держать марку. Люди видят автомобиль и думают, что за рулем тоже кто-то стильный и классный. А ты мчишься со спущенным колесом, это же антиреклама. Из-за тебя обо всех водителях «Бумера» будут думать плохо. И обо мне.

— Но это всего лишь шина.

— Вот заладила одно и то же!

— Но это правда.

Дуэйн брезгливо поморщился и выпрямился.

— Сдаюсь.

Она сглотнула слезы.

— Дело ведь не в шине. Верно, Дуэйн?

— Что?

— Ну, эта стычка. Между нами что-то происходит.

Его молчание лишь усугубило ситуацию. Он не смотрел ей в глаза, а обернулся на механика, который направлялся к ним.

— Эй! — крикнул механик. — Барт велел поменять шину.

— Да, займись, пожалуйста. — Дуэйн замолчал: его внимание привлекла «Тойота», которая только что въехала на стоянку. Из машины вышел мужчина и принялся разглядывать одну из новеньких «БМВ». Пригнулся, чтобы прочитать дилерскую маркировку на лобовом стекле. Дуэйн пригладил волосы, поправил галстук и направился к потенциальному покупателю.

— Дуэйн! — окликнула его Мэтти.

— У меня клиент.

— Но я твоя жена.

Он обернулся и пробуравил ее ядовитым взглядом. «Хватит. Прекрати, Мэтти».

— Что мне нужно сделать, чтобы привлечь твое внимание? — крикнула она. — Купить в твоём салоне машину? Тебя только этим проймешь? Во всяком случае, другого способа я не вижу. — Ее голос дрогнул. — Не вижу.

— Может, лучше оставить эти попытки? По-моему, они бессмысленны.

Она посмотрела ему вслед. Видела, как на полпути к покупателю он на мгновение остановился, расправил плечи, нацепил улыбку. Его голос неожиданно стал мягким и дружелюбным, когда он поприветствовал

клиента.

— Госпожа Первис! Мэм!

Она сморгнула слезы и повернулась к механику.

— Мне понадобятся ваши ключи, если не возражаете. Я отгоню машину в бокс и поменяю резину. — Он протянул ей свою замасленную руку.

Не говоря ни слова, она передала ему связку ключей и обернулась, чтобы еще раз увидеть Дуэйна. Но он даже не взглянул в ее сторону. Как будто Мэтти была невидимкой. Пустым местом.

Она не помнила, как доехала домой.

Опомнилась лишь за кухонным столом перед стопкой с почтой, в ее руках все еще были ключи. Сверху лежал конверт с банковским счетом, выписанный на имя господина и госпожи Дуэйн Первис. Господин и госпожа. Она вспомнила тот день, когда ее впервые называли госпожой Первис, и ту радость, которая охватила ее при этом. Госпожа Первис, госпожа Первис.

«Госпожа Никто».

Ключи упали на пол. Она уронила голову на руки и заплакала. Малыш брыкался у нее в животе, а она все плакала и плакала, пока не заболело горло, пока стопка почты не намокла от слез.

«Хочу, чтобы он стал таким, как прежде, когда любил меня».

Сквозь собственные всхлипывания она услышала скрип гаражной двери. Слезы разом высохли, в сердце всколыхнулась надежда.

«Он дома! Вернулся, чтобы попросить прощения».

Мэтти так резко вскочила со стула, что опрокинула его. Вне себя от счастья, она бросилась к двери. И с недоумением уставилась на единственный автомобиль, стоявший в полумраке гаража. Это была ее машина.

— Дуэйн! — позвала она.

Краем глаза она увидела узкую полоску солнечного света, которая пробивалась из приоткрытой боковой двери. Мэтти направилась к двери и, уже захлопывая ее, услышала за спиной шаги. Ужас сковал ее, и сердце бешено забилося, когда она догадалась, что в гараже есть кто-то еще.

Она повернула голову. И в то же мгновение ее встретила темнота.

Маура сделала шаг, и яркое полуденное солнце сменилось прохладным полумраком церкви Пресвятой Богородицы. Поначалу она смогла различить лишь тени: смутные очертания скамей и одинокий силуэт прихожанки, сидевшей в первом ряду со склоненной головой. Маура скользнула в проход и опустилась на скамейку. Пока глаза привыкали к темноте, она позволила себе расслабиться, наслаждаясь благословенной тишиной. Прямо над ней находилось витражное окно, в насыщенных тонах изображавшее женщину с пышными локонами; она с вождением смотрела на дерево, на котором висело кроваво-красное яблоко. Ева в райском саду. Женщина-искусительница, соблазнительница. Разрушительница. Маура ощутила прилив беспокойства и перевела взгляд на другой витраж. Хотя она и воспитывалась в католической семье, в церкви ей всегда было неуютно. Разглядывая изображения святых мучеников, она не могла отделаться от мысли, что, сотканные из плоти и крови, они не могли быть безгрешными. И их жизненный путь наверняка был усеян и пороками, и ошибками, и мелочными желаниями. Она, как никто другой, знала, что совершенство не свойственно природе человека.

Она поднялась со скамьи, повернулась к проходу и замерла. Прямо перед ней стоял отец Брофи, и свет, лившийся из витражных окон, окрашивал его лицо разноцветными тенями. Он подошел очень тихо — Маура не слышала его шагов — и вот теперь они стояли друг перед другом, не решаясь нарушить молчание.

— Надеюсь, вы еще не уходите, — наконец произнес Даниэл.

— Я зашла на минутку, просто чтобы отвлечься, подумать.

— В таком случае я рад, что успел застать вас. Поговорим?

Она оглянулась на дверь, словно обдумывая возможность улизнуть. Потом вздохнула.

— Да. Пожалуй.

Женщина, которая сидела в первом ряду, обернувшись, наблюдала за ними. «Интересно, как это выглядит со стороны? — подумала Маура. — Молодой священник. Привлекательная женщина. Шепчутся под взглядами святых».

Отец Брофи, казалось, разделял неловкость Мауры. Он бросил взгляд на прихожанку и произнес:

— Лучше не здесь.

Они вышли в парк Ямайка-Ривервей и побрели по тенистой аллее вдоль реки. В этот теплый день компанию им составляли бегуны, велосипедисты и мамы с колясками. В таком многолюдном месте священник и встревоженная прихожанка вряд ли могли стать причиной для сплетен. «Так у нас и должно быть, — думала Маура, ныряя под развесистые ветви ивы. — Никаких поводов для скандала, ни намека на грех. То, чего я больше всего хочу от него, он не может мне дать. И все равно я здесь, рядом с ним».

Все равно мы вместе.

— Я все думал, когда же ты зайдешь, — сказал он.

— Я собиралась. Но неделя была очень тяжелая. — Она остановилась и устремила взгляд на реку. Гул городского транспорта заглушал плеск бегущей воды. — Сейчас я все время думаю о смерти.

— А раньше не думала?

— Думала, но не так. Когда на прошлой неделе я присутствовала на вскрытии...

— Ты присутствовала на них много раз.

— Да, но я не просто присутствовала, Даниэл. Я сама проводила их. Держала в руках скальпель, резала. Я делаю это почти каждый день и никогда еще не тревожилась по этому поводу. Может, я и огрубела на этой работе и уже не задумываюсь о том, что на самом деле режу человеческую плоть. Но в тот день вскрытие коснулось меня лично. Я смотрела на труп и видела себя на секционном столе. И теперь я не могу взять в руки скальпель, не вспомнив о ней. О том, какой была ее жизнь, что она чувствовала, о чем думала в тот момент, когда... — Маура запнулась и вздохнула. — В общем, тяжело возвращаться к работе. Вот и все.

— А это обязательно?

Вопрос святого отца, казалось, озадачил ее.

— А разве у меня есть выбор?

— Ты так говоришь, будто это рабская повинность.

— Это моя работа. Это я умею.

— Но это не значит, что ты должна так работать. Зачем тебе это?

— А зачем ты стал священником?

Настала его очередь растеряться. Отец Брофи на мгновение задумался, и блеск его голубых глаз приглушила тень от ивовых ветвей.

— Я принял это решение так давно, — произнес он, — что уже

перестал задумываться и задавать себе вопросы.

— Ты, должно быть, очень верил.

— Я до сих пор верую.

— Разве этого не достаточно?

— Неужели ты в самом деле считаешь, что достаточно одной лишь веры?

— Нет, конечно, нет. — Она развернулась и пошла дальше по тропинке, испещренной солнечными бликами. Избегая встречаться с ним взглядом, опасаясь, что он прочтет слишком много в ее глазах.

— Иногда полезно оказаться лицом к лицу со смертью, — сказал он. — Это заставляет нас заново взглянуть на собственную жизнь.

— Я бы предпочла не делать этого.

— Почему?

— Я не сильна в самоанализе. Уроки философии меня всегда раздражали. На эти вопросы нет ответов. Вот физика и химия — другое дело. Это я могу понять. Естественные науки действуют на меня успокаивающе, потому что их законы воспроизводимы и упорядочены. — Она остановилась и проводила взглядом женщину на роликах, толкавшую перед собой коляску с младенцем. — Я не люблю того, что не поддается объяснению.

— Понимаю. Ты всегда стремишься решить уравнение. Вот почему убийство этой женщины выбило тебя из колеи.

— Это убийство — вопрос без ответа. Именно то, что меня бесит.

Она присела на скамейку лицом к реке. День угасал, и в сгущающихся тенях вода казалась черной. Даниэл опустился рядом, и, хотя они не касались друг друга, она так остро ощущала его присутствие, что, казалось, его тепло обжигало ее обнаженную руку.

— Ты узнала что-нибудь новое от детектива Риццоли?

— Похоже, она не очень-то хочет держать меня в курсе.

— А ты ожидала, что она поступит иначе?

— Как полицейский она, конечно, не имеет права посвящать меня в подробности.

— А как друг?

— Вот-вот, и я думала, что мы друзья... Но она сказала так мало.

— Нельзя осуждать ее. Жертва была найдена убитой возле твоего дома. Вполне резонно предположить...

— Что? Что я подозреваемая?

— Или что хотели убить тебя. Именно так мы все и подумали той ночью. Что в машине ты. — Он устремил взгляд на воду. — Ты сказала, что

не можешь забыть вскрытие. А я не могу забыть ту ночь, когда стоял возле твоего дома в окружении полицейских патрулей. Я не мог поверить, что все это происходит наяву. Я отказывался верить.

Оба замолчали. Перед ними текла полноводная темная река, а за их спинами — река автомашин.

— Ты поужинаешь со мной сегодня? — внезапно спросила Маура.

Он ответил не сразу, и она вспыхнула от смущения. Какой глупый вопрос! Ей захотелось забрать слова назад, прожить заново последние шестьдесят секунд. Насколько проще было бы попрощаться и уйти. Но вместо этого она выпалила безумное приглашение, которое, как они оба знали, ему не следовало принимать.

— Извини, — пробормотала она. — Я понимаю, это не самая удачная идея...

— Отчего же, — сказал он. — С удовольствием.

* * *

Она резала помидоры для салата, и нож дрожал в ее руке. На плите дымилась кастрюля с цыпленком в винном соусе, и кухня постепенно наполнялась ароматами красного вина и курицы. Простое и знакомое блюдо, которое она могла приготовить быстро и легко, не заглядывая в кулинарную книгу. Да она и не смогла бы приготовить ничего более изысканного. Ее мысли были заняты мужчиной, который сейчас разливал по бокалам пино нуар.

— Что еще я могу сделать? — спросил он, поставив один бокал на столик перед ней.

— Ничего.

— Приготовить соус для салата? Помыть зелень?

— Я пригласила тебя сюда не для того, чтобы ты готовил. Просто подумала, что здесь уютнее, чем в ресторане, где так многолюдно.

— Ты, должно быть, устала все время быть на виду, — сказал он.

— В данном случае я больше думала о тебе.

— Даже священники ужинают в ресторанах, Маура.

— Нет, я имела в виду... — Она почувствовала, что краснеет, и снова занялась помидорами.

— Думаю, люди удивились бы, увидев нас вместе, — сказал он и устремил взгляд на Мауру. На какое-то время на кухне воцарилась тишина, нарушаемая лишь стуком ножа по разделочной доске.

«Что делать со священником на кухне? — гадала она. — Попросить его благословить пищу?» Ни один мужчина так не смущал ее, ни с кем она не чувствовала себя такой уязвимой и порочной. «А есть ли у тебя пороки, Даниэл? — подумала она, высыпая нарезанные помидоры в салатницу и поливая их оливковым маслом и бальзамическим уксусом. — Защищает ли белый воротник от искушения?»

— Позволь мне хотя бы нарезать огурец, — попросил он.

— Ты что, не можешь по-настоящему расслабиться?

— Не могу сидеть сложа руки, когда другие трудятся.

Маура рассмеялась.

— Тогда подключайся.

— Я безнадежный трудоголик. — Он вынул нож из деревянной подставки и принялся нарезать огурец, чей свежий летний аромат тотчас наполнил кухню. — Когда у тебя пятеро братьев и сестра, все время приходится помогать.

— Так вас семеро детей? Боже мой!

— Уверен, то же самое говорил мой отец, когда узнавал, что на подходе очередной ребенок.

— И каким по счету был ты?

— Четвертым. В самой серединке. И, по утверждению психологов, это означает, что я прирожденный примиритель. Вечно пытаюсь сохранить мир и покой. — Даниэл с улыбкой взглянул на нее. — А еще это означает, что я умею быстро принимать душ.

— И как же ты превратился из четвертого ребенка в священника?

Он перевел взгляд на разделочную доску.

— Как ты сама понимаешь, это долгая история.

— О которой тебе не хочется говорить?

— Возможно, мои мотивы покажутся тебе нелогичными.

— Забавно, но самые важные решения, как правило, бывают совершенно нелогичными. Взять, например, выбор спутника жизни. — Она глотнула вина и снова поставила бокал на столик. — Я, например, не смогла бы найти логичные доводы, чтобы оправдать свой брак.

Даниэл поднял взгляд.

— Страсть?

— Именно. Вот так я совершила самую большую ошибку в своей жизни. Пока самую большую. — Она снова глотнула вина. «А ты можешь стать следующей. Если бы Господь хотел от нас повиновения, Он не должен был создавать искушение».

Даниэл выложил нарезанные огурцы в салатницу. Маура наблюдала за

тем, как он, стоя к ней спиной, ополаскивал нож в раковине. Высокий и стройный, он напоминал марафонца. «Зачем мне все это? — думала она. — Почему я выбрала именно его из всех мужчин, достойных внимания?»

— Ты спрашивала, почему я стал священником, — произнес он.

— И почему же?

Он обернулся и взглянул на нее.

— У моей сестры была лейкемия.

В замешательстве она не знала что сказать. Не нашла подходящих слов.

— Софии было шесть лет, — продолжал Даниэл. — Она была самой младшей в нашей семье и единственной девочкой. — Он потянулся к полотенцу и вытер руки, потом аккуратно и неспешно повесил его на крючок, словно обдумывая, что сказать дальше. — Острая лимфоцитарная лейкемия. Наверное, этот вид болезни можно назвать удачным, если к лейкемии вообще применимы такие понятия.

— У детей эта болезнь с благоприятным прогнозом. Восемьдесят процентов больных вылечиваются. — Достоверное с научной точки зрения утверждение, но она тотчас пожалела о том, что высказала его. Бесстрастная доктор Айлз, привыкшая оперировать фактами и безжалостной статистикой. Вот так всегда она реагировала на чужие страдания, привычно играя роль ученого. Друг только что умер от рака легких? Родственник покалечился в автокатастрофе? Для каждой трагедии у нее находились нужные статистические данные, которые вселяли оптимизм и уверенность.

Она гадала, не показалось ли Даниэлу, что онаотреагировала слишком безразлично и бессердечно. Но он не казался обиженным. Просто кивнул, приняв ее статистические сведения так, как она их и преподнесла, — в виде констатации факта.

— В то время пятилетние дети выживали значительно реже, чем сейчас, — сказал он. — К тому моменту, когда ей поставили диагноз, она уже была плоха. Не могу передать, насколько мучительно это было для всех нас. Особенно для матери. Ее единственная девочка. Ее малышка. Мне тогда было четырнадцать, и я взял на себя ответственность присматривать за Софией. Несмотря на повышенное внимание к себе, она никогда не была испорченным и избалованным ребенком. И всегда оставалась на редкость милым ребенком. — Он не смотрел на Мауру, а уставился в пол, как будто не хотел раскрывать перед ней всю глубину своей боли.

— Даниэл! — позвала она.

Брофи глубоко вздохнул и выпрямился.

— Не знаю, как рассказывать эту историю такому скептику, как ты.

— Что было потом?

— Доктор сообщил, что она безнадежна. В те времена мнение врача воспринималось как окончательный приговор. Вечером того же дня родители и братья пошли в церковь. Молиться о чуде. Так я думаю. Я остался в больнице у Софии. Она уже совсем облысела после курса химиотерапии. Помню, она заснула у меня на коленях. А я молился. Молился часами, давая самые нелепые клятвы Господу. Если бы она умерла, думаю, я бы уже никогда не переступил порог церкви.

— Но она выжила, — тихо произнесла Маура.

Он посмотрел на нее и улыбнулся.

— Да, выжила. А я сдержал все данные мной обещания. Все до одного. Потому что в тот день Он услышал меня. Я в этом не сомневаюсь.

— И где сейчас София?

— Счастлива в браке, живет в Манчестере. У нее двое приемных детей. — Он сел за кухонный стол напротив Мауры. — А я это я.

— Отец Брофи.

— Теперь ты знаешь, почему я поступил именно так.

«Правильно ли?» — хотела спросить Маура, но не решилась.

Они снова наполнили бокалы. Маура нарезала хрустящий французский батон и перемешала салат. Разложила по тарелкам цыпленка в винном соусе. Путь к сердцу мужчины лежит через желудок — не к сердцу ли Даниэла Брофи она стремилась, не его ли хотела завоевать?

«Может быть, именно от сознания невозможности обладать им я себя чувствую так спокойно. Он недостижим, поэтому не может навредить мне, как это сделал Виктор».

Но, выходя замуж за Виктора, она тоже не думала, что он когда-нибудь причинит ей боль.

«Мы только думаем, что мы неуязвимы».

Трапеза уже подошла к концу, когда раздался звонок в дверь, от которого они оба вздрогнули. Хотя вечер прошел невинно, они обменялись тяжелыми взглядами, словно любовники, застигнутые врасплох.

На пороге стояла Джейн Риццоли, от влажного воздуха ее волосы превратились в неуправляемый взрыв черных кудряшек. Хотя вечер был теплым, на ней был один из тех темных брючных костюмов, который она обычно носила на работе. По мрачному взгляду Риццоли Маура догадалась, что она пришла не для светской беседы. В руке у Риццоли был портфель.

— Извините, что беспокою вас дома, доктор. Но нам необходимо поговорить. Я подумала, лучше увидеться здесь, чем у вас в офисе.

— Это связано с тем делом?

Риццоли кивнула. Излишне было уточнять, о каком деле идет речь; они обе знали. Хотя доктор Айлз и Риццоли уважали друг друга как профессионалы, их отношения по-прежнему нельзя было назвать дружескими, и сейчас обе испытывали некоторую неловкость. «Что-то случилось, — подумала Маура. — Она меня в чем-то подозревает».

— Входите, пожалуйста.

Риццоли зашла в дом и остановилась, учуяв ароматы еды.

— Я помешала ужину?

— Нет, мы уже поели.

Слово «мы» не ускользнуло от внимания Риццоли. Она вопросительно посмотрела на Мауру. Услышала шаги и, обернувшись, увидела в коридоре Даниэла, который нес на кухню бокалы.

— Добрый вечер, детектив! — воскликнул он.

Риццоли удивленно заморгала.

— Отец Брофи.

Даниэл продолжил свой путь на кухню, а Риццоли повернулась к Мауре. Хотя Джейн ничего не сказала, было совершенно ясно, о чем она думает. То же самое подумала и прихожанка в церкви. «Да, со стороны это выглядит дурно, но ничего ведь не было. Ничего, кроме ужина и светской беседы. Какого черта ты так на меня смотришь?»

— Что ж, — выдохнула Риццоли. Слишком большой смысл был вложен в эту скупую реплику. С кухни донеслось позвякивание посуды. Даниэл загружал ее в посудомоечную машину. Священник, который у нее на кухне чувствовал себя как дома. — Я бы хотела поговорить с вами с глазу на глаз, если это возможно, — добавила Риццоли.

— Это обязательно? Отец Брофи мой друг.

— Разговор будет не из легких, доктор.

— Я же не могу выставить его за дверь. — Маура замолчала, слышав приближающиеся шаги Даниэла.

— Но мне действительно пора, — сказал он. И, бросив взгляд на портфель Риццоли, добавил: — Тем более, что у вас деловой разговор.

— Да, вы правы, — подтвердила Риццоли.

Он улыбнулся Мауре.

— Спасибо за ужин.

— Подожди, — сказала Маура. — Даниэл! — Она вышла вместе с ним на крыльцо и закрыла за собой дверь. — Тебе не нужно уходить.

— Она хочет поговорить с тобой наедине.

— Извини, пожалуйста.

— За что? Вечер был чудесный.

— У меня такое чувство, будто я тебя выгоняю.

Он взял ее руку и сжал в своих теплых ладонях.

— Позвони мне, когда снова захочешь поговорить, — сказал он. — В любое время.

Она взглядом проводила его до машины. Когда Даниэл обернулся, чтобы махнуть ей рукой, в темноте мелькнул его воротник — белая вспышка в ночи.

Маура вернулась в дом. Риццоли все еще стояла в коридоре и наблюдала за ней. Разумеется, гадая об их отношениях с Даниэлом. Она не слепая и прекрасно понимает, что их дружба перерастает в нечто большее.

— Будете что-нибудь пить? — спросила Маура.

— С удовольствием. Только что-нибудь безалкогольное. — Риццоли погладила свой живот. — Малыш еще слишком мал, чтобы пьянствовать.

— Конечно.

Маура провела гостью по коридору, старательно играя роль гостеприимной хозяйки. На кухне она разложила по стаканам лед, налила апельсиновый сок. Себе в стакан плеснула немного водки. Обернувшись к столу, она увидела, что Риццоли выкладывает из портфеля папку.

— Что это? — поинтересовалась Маура.

— Может, сначала присядем, доктор? Потому что мои новости могут огорчить вас.

Маура опустилась на стул возле кухонного стола, Риццоли последовала ее примеру. Они оказались друг против друга, между ними лежала папка. «Ящик Пандоры, — думала Маура, разглядывая ее. — Может, мне лучше не знать, что внутри?»

— Помните, что я говорила вам об Анне Джессоп на прошлой неделе? Что самые ранние сведения о ней — шестимесячной давности и что ее местожительством числится пустая квартира?

— Вы называли ее фантомом.

— В некотором смысле это правда. Анны Джессоп на самом деле не существовало.

— Как это?

— А так. Анны Джессоп не было. Это вымышленное имя. А настоящее — Анна Леони. Примерно полгода назад она поменяла имя. Начала закрывать счета и покинула свой дом. С новыми документами она сняла квартиру в Брайтоне, в которую и не думала вселяться. Это был ложный след на случай, если кому-то удастся узнать ее новое имя. Потом она собрала свои вещи и переехала в штат Мэн. Поселилась в маленьком

городке на побережье. Там и прожила последние два месяца.

— Как вам удалось это узнать?

— Я говорила с полицейским, который помог ей это сделать.

— С полицейским?

— Детектив Баллард из Ньютона.

— Выходит, вымышленное имя — не потому, что она скрывалась от правосудия?

— Нет. Наверное, вы и сами догадываетесь, от чего она скрывалась. Это старо как мир.

— Мужчина?

— К сожалению, очень богатый. Доктор Чарльз Касселл.

— Мне незнакомо это имя.

— «Касл Фармасетикалз». Он основал эту компанию. Анна работала у него научным сотрудником. У них началась связь, но спустя три года она попыталась уйти от него.

— А он ее не отпустил.

— Похоже, доктор Касселл не из тех, от кого можно уйти просто так. Однажды она объявилась в ньютонском травмопункте с фингалом под глазом. А потом стало еще страшнее. Началась слежка. Угрозы. В своем почтовом ящике она нашла дохлую канарейку.

— Господи!

— Да, вот такая любовь. Иногда, чтобы остановить мужчину, нужно либо застрелить его, либо сбежать. Может, она бы осталась жива, если бы выбрала первый вариант.

— Он нашел ее.

— Нам остается только доказать это.

— А это возможно?

— Пока нам не удалось встретиться с доктором Касселлом. Естественно, он покинул Бостон наутро после убийства. Всю неделю он находится в командировке, а дома его ожидают не ранее чем завтра. — Риццоли поднесла к губам стакан с соком, и звон ледяных кубиков вызвал у Мауры нервную дрожь. Джейн поставила стакан на стол и какое-то время молчала. Казалось, она тянула время, но для чего? Маура не понимала. — Вам нужно знать про эту Анну Леони еще кое-что, — сказала Риццоли. И кивнула на папку, лежавшую на столе. — Я принесла это для вас.

Маура раскрыла досье и вновь увидела до боли знакомое лицо. Перед ней была цветная копия с небольшой фотографии — такие обычно носят в бумажнике. Черноволосая девчушка с серьезным взглядом в окружении заботливо обнимающих ее пожилых мужчины и женщины.

— И я могла бы оказаться на ее месте, — тихо произнесла она.

— Фотографию Анна носила в своем портмоне. Мы полагаем, что ей здесь лет десять, а это ее родители, Рут и Уильям Леони. Их обоих уже нет в живых.

— Это ее родители?

— Да.

— Но... они такие старые.

— Да. Матери, Рут, на этой фотографии шестьдесят два года. — Риццоли немного помолчала. — Анна была их единственным ребенком.

Единственный ребенок. Пожилые родители. «Я знаю, к чему она клонит, — подумала Маура. — И боюсь того, что она собирается сказать. Собственно, поэтому она и пришла сегодня. Дело не в Анне Леони и не в ее агрессивном любовнике; боюсь, у нее в запасе более интригующие новости».

Маура взглянула на Риццоли.

— Ее удочерили?

Риццоли кивнула.

— Госпоже Леони исполнилось пятьдесят два, когда родилась Анна.

— Старовата. В агентствах по усыновлению таких обычно не рассматривают.

— Вот поэтому они, вероятно, и организовали частное удочерение, через адвоката.

Маура подумала о своих родителях, уже покойных. Они тоже были немолоды, обоим далеко за сорок.

— Что вы знаете о своем удочерении, доктор?

Маура глубоко вздохнула.

— После смерти отца я нашла документы по удочерению. Все было оформлено через здешнего, бостонского адвоката. Несколько лет назад я позвонила ему, чтобы узнать имя своей биологической матери.

— И он назвал его?

— Нет, он сказал, что мои документы опечатаны. И отказался давать информацию.

— И вы оставили попытки?

— Да.

— Имя адвоката Теренс Ван Гейтс?

Маура лишилась дара речи. Не нужно было отвечать на вопрос; она знала: Риццоли прочтет ответ в ее изумленном взгляде.

— Откуда вы знаете? — спросила Маура.

— За два дня до смерти Анна зарегистрировалась в отеле «Тремонт»

здесь, в Бостоне. Из своего номера она сделала два телефонных звонка. Один — детективу Балларду, которого в городе в тот момент не оказалось. Второй — в адвокатскую контору Ван Гейтса. Мы не знаем, зачем она хотела с ним связаться, он до сих пор так и не перезвонил мне.

«Вот сейчас все и выяснится, — подумала Маура. — И я узнаю, почему она здесь, у меня на кухне».

— Мы знаем, что Анну Леони удочерили. У нее та же группа крови, что и у вас, и та же дата рождения. Незадолго до своей смерти она разговаривала с Ван Гейтсом — адвокатом, который занимался вашим удочерением. Совпадения прямо-таки невероятные.

— Давно вы все это знаете?

— Вот уже несколько дней.

— И ничего мне не говорили? Держали от меня в тайне?

— Я не хотела огорчать вас раньше времени.

— Знаете, я огорчена уже тем, что вы так долго выжидали.

— У меня не было другого выхода, поскольку необходимо было выяснить еще одну вещь. — Риццоли глубоко вздохнула. — Сегодня днем я беседовала с Уолтом Де Гротом из лаборатории ДНК. В начале недели я попросила его срочно сделать анализ по вашему запросу. И вот сегодня он продемонстрировал мне радиоавтограммы. У него на исследовании были два профиля. Один — Анны Леони. Второй — ваш.

Маура оцепенела в ожидании следующего удара, который — она уже знала — должен обрушиться на нее.

— Они — пара, — заключила Риццоли. — Генетические профили идентичны.

На стене кухни тикали часы. В стаканах медленно таяли кубики льда. Время неумолимо шло вперед, но для Мауры оно остановилось, и в голове бесконечно прокручивались слова Риццоли.

— Извините, — нарушила молчание Риццоли. — Я не знала, как сказать вам об этом. Но потом подумала, что вы имеете право знать о том, что у вас есть... — Риццоли осеклась.

«Была. У меня была сестра. А я даже не подозревала о ее существовании».

Риццоли потянулась через стол и взяла руку Мауры. Это было так не похоже на нее: Риццоли редко утешала или обнимала кого-то. И вот сейчас она держала руку Мауры и смотрела на нее так, словно та могла развалиться на куски.

— Расскажите мне о ней, — тихо попросила Маура. — Какой она была?

— Вам лучше поговорить с детективом Баллардом.

— С кем?

— Рик Баллард. Он из Ньютона. Ему было поручено вести дело Анны, после того как доктор Касселл избил ее. Думаю, он неплохо знал ее.

— И что он вам о ней рассказывал?

— Она выросла в Конкорде. В двадцать пять лет у нее был скоротечный брак. С мужем разошлись мирно, детей не было.

— Бывший муж вне подозрений?

— Да. После этого он еще раз женился, сейчас живет в Лондоне.

«Разведенная, как и я. Интересно, существует ли ген, предопределяющий неудачный брак?»

— Как я уже сказала, она работала в компании Чарльза Касселла «Касл Фармасетикалз». Она была микробиологом, занималась научно-исследовательской работой.

— Ученая.

— Да.

«Еще одно совпадение, — подумала Маура, вглядываясь в лицо на фотографии. — Значит, она, так же как я, ценила разум и логику. Учеными руководит интеллект. Им привычнее оперировать фактами. Мы бы с ней поняли друг друга».

— Я понимаю, это сложно осознать, — продолжала Риццоли. — Я

пытаюсь поставить себя на ваше место и даже не могу представить, что бы я чувствовала. Это все равно что открыть для себя параллельный мир, в котором живет твое второе «я». Оказывается, все это время она жила здесь, в том же городе. Если бы только... — Риццоли замолчала.

«Все бесполезные фразы начинаются с этого „если бы только...“».

— Извините, — спохватилась Риццоли.

Маура глубоко вздохнула и выпрямилась на стуле, давая понять, что не нуждается в утешении. И способна справиться с этим. Она закрыла папку и вернула ее Риццоли.

— Спасибо вам, Джейн.

— Нет, оставьте это у себя. Эту копию я сделала для вас.

Они обе встали из-за стола. Риццоли полезла в карман и выложила на стол визитную карточку.

— Возможно, это вам тоже понадобится. Он сказал, вы можете позвонить с любыми вопросами.

Маура взглянула на имя, отпечатанное на визитке: «Ричард Д. Баллард, детектив, Ньютонское полицейское управление».

— Вам стоит с ним поговорить, — заметила Риццоли.

Они вместе прошли к двери. Маура уже взяла себя в руки и вновь играла роль радушной хозяйки. Проводив гостью, она долго стояла на крыльце, потом захлопнула дверь и прошла в гостиную. Постояла, прислушиваясь к звуку отъезжающей машины и наступившей потом тишине. «Совсем одна, — подумала она. — Опять одна».

Она подошла к книжному стеллажу и сняла с полки альбом со старыми фотографиями. Маура уже много лет не листала его; пожалуй, в последний раз это было спустя несколько недель после похорон отца, когда она убиралась в его доме. Маура обнаружила этот альбом на его ночном столике и представила себе, как он сидел на кровати в последний вечер своей жизни, один в большом доме, рассматривая фотографии своей некогда молодой семьи. Последнее, что он видел, перед тем как выключил свет, были счастливые лица близких.

Она раскрыла альбом и снова взгляделась в эти лица. Страницы от времени стали хрупкими, некоторым снимкам было уже больше сорока лет. Она долго разглядывала фото матери — лучезарно улыбающейся в объектив женщины с темноволосым младенцем на руках. За ее спиной был дом, который Маура не помнила, — в викторианском стиле с эркерами. Под фотографией аккуратным почерком Джинни — так звали мать — было выведено: «Мауру привезли домой».

Фотографий из роддома не было, как не было и фотографий

беременной Джинни. Только этот неожиданный снимок счастливой матери с ребенком на руках. Она подумала о другом темноволосом младенце на руках другой матери. Возможно, в тот самый день еще один гордый отец в другом городе фотографировал свою новорожденную дочь. Девочку по имени Анна.

Маура продолжала листать страницы. Увидела себя карапузом, делающим первые шаги, и воспитанницей детского сада. Вот она на новом велосипеде, который поддерживает крепкая рука отца. А вот и первый концерт по фортепиано: темные волосы забраны в хвост зеленой лентой, руки застыли на клавишах.

Последняя страница. Рождество. Здесь ей около семи; она стоит в окружении заботливых, нежно обнимающих ее родителей. За их спинами украшенная елка, сверкающая мишурой. Все улыбаются. Счастливое мгновение, подумала Маура. Но они длятся недолго, они приходят и уходят, и мы не в силах вернуть их; остается лишь ждать новых.

Альбом кончился. Разумеется, он был не единственным; существовало по крайней мере еще четыре тома истории Мауры, где каждое событие было бережно сохранено и каталогизировано ее родителями. Но именно этот альбом отец держал в изголовье своей постели, с фотографиями, запечатлевшими то время, когда Маура была младенцем, а они с Джинни — полными сил, веселыми и счастливыми, когда седина еще не тронула их волос. Когда их жизнью еще не коснулось горе и смерть Джинни.

Маура вглядывалась в лица родителей и думала: «Какое счастье, что вы выбрали меня. Я скучаю о вас. Мне так не хватает вас обоих». Она закрыла альбом и сквозь слезы взглянула на кожаную обложку.

«Если бы только вы были рядом. И смогли рассказать мне, кто я на самом деле».

Она вернулась на кухню и взяла визитную карточку, которую Риццоли оставила на столе. На лицевой стороне был помещен служебный телефон Рика Балларда в Ньютонском полицейском управлении. Маура перевернула карточку и увидела приписку: «Звоните в любое время. Днем или ночью. Р.Б.» — и домашний телефон детектива.

Маура подошла к телефону и набрала домашний номер Балларда. После третьего гудка последовал ответ:

— Баллард. — Всего одно слово, произнесенное с жесткой деловитостью.

«Человек прямолинейный, — подумала она. — Женщина в растрепанных чувствах придется ему не по душе». На заднем фоне слышались звуки телевизионной рекламы. Он был дома, отдыхал, и,

наверное, ему совсем не хотелось, чтобы его беспокоили.

— Алло, — произнес он уже с оттенком раздражения.

Маура откашлялась.

— Извините, что звоню вам домой. Вашу визитку дала мне детектив Риццоли. Меня зовут Маура Айлз, и я... — «Что я? Хочу, чтобы вы помогли мне пережить эту ночь?»

— Я ждал вашего звонка, доктор Айлз, — сказал он.

— Я понимаю, мне бы следовало дожждаться утра, но...

— Ничего страшного. Должно быть, у вас много вопросов.

— Мне действительно сейчас очень тяжело. Я и не подозревала, что у меня есть сестра. И вдруг...

— Все для вас изменилось. Верно? — Голос, который еще минуту назад казался жестким, теперь звучал спокойно и участливо, и Маура с трудом сдержала слезы.

— Да, — прошептала она.

— Наверное, нам лучше встретиться. Вы можете приехать ко мне в любой день на следующей неделе. Или, если вы предпочитаете вечером...

— А сегодня никак нельзя?

— У меня сегодня дочь. Я не могу уехать прямо сейчас.

Разумеется, у него есть семья, подумала она. И смущенно засмеялась:

— Извините. Я что-то плохо соображаю...

— Почему бы вам не приехать ко мне домой?

Она немного помолчала, чувствуя, как застучало в висках.

— Где вы живете? — спросила она.

* * *

Он жил в Ньютоне, уютном предместье большого Бостона, всего в шести километрах от дома Мауры в Бруклине. Его жилище не отличалось от прочих домов на этой тихой улице — такой же ничем не примечательный, но ухоженный дом. Еще с улицы Маура заметила в окне голубое свечение телеэкрана и услышала монотонный грохот поп-музыки. MTV. Ничего не скажешь — странный выбор для полицейского.

Она нажала кнопку звонка. Дверь распахнулась, и на пороге появилась белокурая девчушка в линялых голубых джинсах и короткой майке, обнажавшей пупок. Весьма провокационный наряд для девочки, которой, судя по узким бедрам и едва наметившейся груди, было не больше четырнадцати. Девочка молчала, сурово глядя на Мауру, как будто охраняла

жилище от непрошеной гостьи.

— Здравствуйте, — сказала Маура. — Меня зовут Маура Айлз, я к детективу Балларду.

— Папа ждет вас?

— Да.

— Кэти, это ко мне! — крикнул из глубины дома мужской голос.

— Я думала, это мама. Она уже должна прийти.

За спиной дочери показался Баллард. Мауре с трудом верилось, что этот мужчина с консервативной стрижкой и в наглаженной строгой рубашке мог быть отцом эдакой штучки. Он крепко пожал Мауре руку.

— Рик Баллард. Входите, доктор Айлз.

Когда Маура прошла в дом, девочка развернулась и направилась в гостиную, где плюхнулась в кресло перед телевизором.

— Кэти, хотя бы поздоровайся с гостьей.

— Я пропущу передачу.

— Разве нельзя отвлечься хотя бы на минутку и проявить вежливость?

Кэти тяжело вздохнула и удостоила Мауру кивком головы.

— Здравствуйте, — буркнула она и вновь уткнулась в телевизор.

Баллард поглядел на дочь, словно раздумывая, стоит ли тратить силы на увещевания.

— Хотя бы сделай потише, — произнес он. — Нам с доктором Айлз нужно поговорить.

Девочка схватила пульт и направила его, будто оружие, на телевизор. Звук стал немного тише.

Баллард взглянул на Мауру.

— Хотите кофе? Чаю?

— Нет, спасибо.

Он понимающе кивнул.

— Вам просто хочется послушать про Анну.

— Да.

— У меня в кабинете копия ее досье.

Если верно утверждение, что кабинет отражает вкусы своего хозяина, то Рика Балларда можно было бы назвать таким же солидным и надежным, как дубовый стол, что занимал почти все пространство комнаты. Баллард предпочел не прятаться за массивным столом; вместо этого он жестом пригласил Мауру сесть на диван, а сам устроился в кресле напротив. Их разделял только кофейный столик, на котором лежала одинокая папка. Даже сквозь закрытую дверь проникал навязчивый грохот телевизора.

— Я должен извиниться за грубость своей дочери, — сказал он. — У

Кэти сейчас сложный период, и я даже не знаю, как обращаться с ней. Преступники — это пожалуйста, но четырнадцатилетние девочки... — Он грустно усмехнулся.

— Надеюсь, мой визит не доставит вам лишних хлопот.

— Поверьте, это никак не связано с вами. Просто в нашей семье сейчас происходят серьезные изменения. В прошлом году мы с женой расстались, и Кэти отказывается смириться с этим. Вот почему такая напряженная обстановка.

— Мне очень жаль.

— Развод никогда не бывает приятным.

— У меня он тоже проходил тяжело.

— Но вам удалось справиться.

Она подумала о Викторе, который совсем недавно вновь вторгся в ее жизнь. И на какое-то время вновь заронил в ее душу надежду на примирение.

— Я не уверена, что кому-то удастся справиться с этим, — сказала она. — Человек, с которым ты однажды связал свою жизнь, так или иначе остается ее частью, плохой или хорошей. Главное — помнить только хорошее.

— Иногда это бывает нелегко.

На мгновение они замолчали. Тишину нарушал лишь навязчивый ритм подростковой агрессивной музыки. Потом Рик выпрямился в кресле, расправил плечи и взглянул на Мауру. Его пристальный взгляд красноречиво говорил о том, что сейчас только она в центре его внимания.

— Итак, вы пришли, чтобы узнать про Анну.

— Да. Детектив Риццоли сказала мне, что вы были знакомы. Что вы пытались уберечь ее.

— Как видите, я не справился, — тихо произнес он. В его глазах промелькнула боль, и он взглянул на папку, лежавшую на столике. Потом взял ее в руки и протянул Мауре. — Смотреть на это не очень приятно. Но вы имеете право видеть это.

Она раскрыла папку и взглянула на фотографию Анны Леони на фоне белой стены. На ней был бумажный больничный халат. Один подбитый глаз почти не открывался, а по щеке растекся лиловый синяк. Здоровый глаз удивленно смотрел в объектив.

— Так она выглядела, когда я впервые встретил ее, — произнес Рик. — Этот снимок было сделан в травмопункте год назад, после того как ее избил сожитель. Она покинула его дом в Марблхэде и снимала жилье здесь, в Ньютоне. Однажды вечером он появился на пороге ее дома и попытался

уговорить вернуться. Анна попросила его уйти. Но Чарльз Касселл не из тех, кому можно указывать, что делать. И вот что из этого вышло.

Маура почувствовала злость в голосе Балларда и взглянула на него. Увидела, что губы его плотно сжаты.

— Я так понимаю, она выступила с иском.

— Черт возьми, да. Я руководил каждым ее шагом в этом деле. Мужчина, который способен поднять руку на женщину, понимает только одно: наказание. Я был готов сделать все от меня зависящее, чтобы он не ушел от ответственности. Мне постоянно приходится заниматься делами о насилии в семье, и каждый эпизод приводит меня в бешенство. Во мне словно что-то вспыхивает, и я горю желанием призвать обидчика к ответу. То же самое я пытался проделать и с Чарльзом Касселлом.

— И что произошло?

Баллард с отвращением покачал головой.

— Для него все ограничилось одной ночевкой в камере. Когда у тебя есть деньги, можно от чего угодно откупиться. Я надеялся, что на этом все закончится, он отстанет от нее. Но этот человек не привык проигрывать. Он продолжал звонить ей, навещался к ней домой. Анна дважды меняла местожительство, но каждый раз он находил ее. Наконец она добилась письменного предписания от суда, но это не остановило его от попыток встречи. И вот полгода назад дело приобрело серьезные масштабы.

— А именно?

Он кивнул на папку.

— Посмотрите сами. Как-то утром она нашла это на пороге своего дома.

Маура посмотрела на ксерокопию. На листе бумаги было напечатано всего три слова:

«Тебе не жить».

От страха у Мауры мурашки побежали по спине. Она представила, как просыпается ранним утром, открывает дверь дома, чтобы забрать газету, и видит на пороге листок бумаги. Разворачивает его и читает страшные слова.

— Это было лишь первое предупреждение, — сказал он. — Остальные пришли позже.

Маура перевернула страницу. И опять лист бумаги с теми же словами:

«Тебе не жить».

Третий, четвертый листки.

«Тебе не жить».

«Тебе не жить».

У нее пересохло в горле. Она посмотрела на Балларда.

— Можно было что-то сделать, чтобы остановить его?

— Мы пытались, но так и не смогли доказать, что это его рук дело. Точно так же, как не смогли доказать, что это он поцарапал ее машину и изрезал ставни. А однажды она открыла свой почтовый ящик. Там лежаладохлая канарейка со скрученной шеей. И вот тогда она решила навсегда покинуть Бостон. Она хотела исчезнуть.

— И вы помогли ей.

— Я постоянно помогал ей. Она звонила мне каждый раз, когда Касселл являлся с угрозами. Я помог ей добиться судебного приказа. Когда она решила уехать из города, я помог ей и в этом. Нелегко скрыться, когда за тобой охотится кто-то вроде Касселла с его неограниченными возможностями. Она не только сменила имя, но и зарегистрировалась под этим именем на новом месте. Сняла квартиру, но так и не вселилась туда — это был ложный след для ее преследователя. Нужно было направиться в совершенно другое место и расплачиваться только наличными. Навсегда оставить всех и вся. Иначе бесполезно.

— Но он все равно нашел ее.

— Думаю, поэтому она и вернулась в Бостон. Она поняла, что уже нигде не может быть в безопасности. Вы ведь уже знаете, что она звонила мне вечером, накануне убийства?

Маура кивнула.

— Так сказала Риццоли.

— Она оставила сообщение на автоответчике: сказала, что остановилась в отеле «Тремонт». Я был в Денвере у сестры, так что сообщение прослушал, лишь вернувшись домой. Но к тому времени Анна уже была мертва. — Он встретил взгляд Мауры. — Касселл, разумеется, будет отрицать, что это его рук дело. Но, если ему удалось найти ее в Фокс-Харборе, наверняка кто-то в этом городе видел его. Вот этим я и собираюсь заняться в ближайшее время — доказать, что он там появлялся. Нужно уточнить, помнит ли его кто-нибудь.

— Но ее убили не в Мэне. Ее убили возле моего дома.

Баллард покачал головой.

— Я не знаю, как получилось, что в этом деле возникли вы, доктор Айлз. Но думаю, что смерть Анны не имеет к вам никакого отношения.

Раздался звонок в дверь. Баллард не сделал попытки подняться и по-прежнему сидел в кресле, не сводя глаз с Мауры. Его взгляд был таким пристальным, что она не смогла отвернуться и уставилась на него в упор. «Я хочу ему верить, — думала она. — Потому что мысль о том, что я

каким-то образом виновата в ее гибели, невыносима».

— Я хочу упрятать Касселла за решетку, — сказал он. — И сделаю все, чтобы помочь Риццоли. Эта драма разворачивалась на моих глазах, и я с самого начала знал, чем все кончится. И все равно не мог предотвратить страшный конец. Я в долгу перед Анной, — произнес он. — Мне необходимо довести это дело до конца.

Вдруг их внимание привлекли возбужденные голоса. Телевизор в соседней комнате затих, и оттуда послышались крики Кэти и какой-то женщины. Когда они стали громче, Баллард покосился на дверь.

— Что ты себе думаешь, черт возьми? — кричала женщина.

Баллард поднялся.

— Извините, пойду выясню, в чем дело. — Рик вышел в соседнюю комнату и спросил: — Кармен, что происходит?

— Спроси это у своей дочери! — отозвалась женщина.

— Успокойся, мам. Успокойся, черт возьми!

— Расскажи отцу, что сегодня произошло. Ну же, расскажи, что нашли в твоём шкафу в раздевалке.

— Ничего особенного.

— Расскажи ему, Кэти.

— Ты все преувеличиваешь.

— Что случилось, Кармен? — поинтересовался Баллард.

— Меня вызывал директор. В школе сегодня проводили плановую проверку раздевалок, и угадай, что нашли в шкафу нашей дочери? Косячок марихуаны. Как тебе это нравится? Мы оба работаем в полиции, а у нее в шкафу наркотики. Нам еще повезло, что директор предложил нам самим разобраться в этом. А что, если бы он сообщил куда следует? Дожить до ареста собственной дочери!

— О Господи!

— Нужно что-то делать, Рик. Давай решать вместе.

Маура встала с дивана и подошла к двери, размышляя, как бы повежливей удалиться. Ей совсем не хотелось вмешиваться в чужую семейную жизнь, но что делать, если она оказалась невольной свидетельницей сцены, которую ей не следовало видеть. «Мне нужно попрощаться и уйти, — решила она. — Оставить измученных родителей наедине».

Она вышла в коридор и замерла возле дверей гостиной. Мать Кэти подняла удивленный взгляд на гостью. Если бы по облику матери можно было предсказать, как будет выглядеть взрослая Кэти, то девочке явно предстояло стать фигуристой блондинкой. Женщина была почти такой же

высокой, как Баллард, с той же атлетической статью. Волосы стянуты в конский хвост, на лице ни следа макияжа; впрочем, женщине с такими потрясающими скулами и не нужно ничего приукрашивать.

— Извините, что вмешиваюсь, — сказала Маура.

Обернувшись, Баллард устало усмехнулся.

— Боюсь, вы еще не знаете, что такое настоящая ссора. Это мама Кэти, Кармен. А это доктор Маура Айлз.

— Я уже ухожу, — сказала Маура.

— Но мы ведь так и не поговорили.

— Я позвоню в другой раз. Вам сейчас не до меня. — Она кивнула Кармен. — Рада была познакомиться. Всего доброго.

— Позвольте я провожу вас, — предложил Баллард.

Они вышли на крыльцо, и Рик вздохнул, словно испытал облегчение оттого, что его избавили от семейных разборок.

— Извините, что я так не вовремя, — сказала она.

— Мне очень жаль, что вам пришлось все это выслушивать.

— Вы заметили, что мы без конца извиняемся друг перед другом?

— Вам не за что просить прощения, Маура.

Они подошли к ее машине и остановились.

— Мне так и не удалось рассказать вам о вашей сестре, — посетовал он.

— Ну, может, в следующий раз?

Он кивнул.

— В следующий раз.

Маура села в машину и захлопнула дверцу. Потом опустила стекло, увидев, что Рик наклонился и хочет что-то сказать.

— Я вам все-таки кое-что скажу про нее, — произнес он.

— Да?

— Вы так похожи на Анну, что у меня дух захватывает.

* * *

Сидя в гостиной, Маура изучала фотографию юной Анны Леони и ее родителей и все время думала о том, что сказал Рик. «Все эти годы, — размышляла она, — тебя недоставало в моей жизни, а я и не догадывалась об этом. Но я должна была догадываться, подсознательно ощущать отсутствие сестры».

«Вы так похожи на Анну, что у меня дух захватывает».

«Да, действительно, — думала Маура, касаясь лица Анны на фотографии. — И у меня тоже дух захватывает». У них с Анной общая ДНК, а что еще? Анна тоже выбрала карьеру ученого, работу, в которой главенствовали разум и логика. Должно быть, она тоже была отличницей по математике. Интересно, играла ли она на фортепиано? Любила ли книги, австралийские вина и канал «Дискавери»?

«Я хочу узнать о тебе как можно больше».

Было поздно. Маура погасила лампу и пошла в спальню.

Кромешная тьма. Голова раскалывается от боли. Запах дерева и сырой земли и... чего-то еще непонятного. Шоколада. Она почувствовала запах шоколада.

Мэтти Первис широко раскрыла глаза, но с таким же успехом могла продолжать жмуриться, поскольку все равно ничего не видела. Ни проблеска света, ни игры теней. «О Боже, я что, ослепла?»

«Где я?»

Точно не в собственной постели. Она лежала на чем-то жестком, от чего ломило спину. Пол? Нет, она чувствовала, что под ней вовсе не полированный паркет, скорее грубые доски, шершавые и грязные.

Если бы только ушла эта изнуряющая головная боль.

Она закрыла глаза, с трудом сдерживая тошноту. Превозмогая боль, пыталась вспомнить, как могла оказаться в этом странном месте, где все было таким чужим. Дуэйн, подумала она. У нас была ссора, потом я поехала домой. Она старалась сложить мозаику из осколков воспоминаний. Вспомнила стопку почты на столе. Вспомнила, как плакала, и слезы капали прямо на конверты. Как вскочила из-за стола, опрокинув стул на пол.

«Я слышала шум. Пошла в гараж. Я слышала шум и пошла в гараж, и...»

Ничего. Больше она ничего не могла вспомнить.

Она открыла глаза. Все так же темно. «Плохо дело, Мэтти, — подумала она, — очень, очень плохо. Голова болит, память пропала, и ты ослепла».

— Дуэйн! — позвала она. Но расслышала только стук собственного пульса.

Нужно было встать. Обязательно. Нужно позвать на помощь, хотя бы найти телефон.

Она перекатилась на правый бок, чтобы оттолкнуться от земли, и ударилась лицом о стену. Удар вновь отбросил ее на спину. Она лежала изумленная, чувствуя, как пульсирует разбитый нос. Откуда здесь стена? Она протянула руку и ощупала неструганные деревянные доски. Ладно, подумала она, повернемся в другую сторону. Она перекатилась на левый бок.

И столкнулась с другой стеной.

Сердце забило громче, быстрее. Она снова лежала на спине и

думала: «С обеих сторон стены. Этого не может быть. Это сон». Оттолкнувшись от пола, она села и тут же стукнулась головой. И вновь рухнула на спину.

«Нет, нет, нет!»

Ее охватила паника. Размахивая руками, она всюду натыкалась на препятствия. Царапала дерево ногтями, чувствуя, как в пальцы впиваются занозы. Она слышала крики, но не узнавала собственного голоса. Крутом были стены. Она брыкалась, долбила по дереву кулаками, пока не разбила руки в кровь, пока не обессилела настолько, что уже не могла шевелить конечностями. Постепенно ее крики сменились всхлипываниями. И наконец воцарилась мертвая тишина.

«Ящик. Я в заколоченном ящике».

Она сделала глубокий вдох и уловила запах собственного пота, собственного страха. Почувствовала, как шевельнулся в ней ребенок, еще один узник, заточенный в замкнутом пространстве. Ей вспомнились русские матрешки, которые когда-то подарила ей бабушка. Кукла, в ней еще одна кукла, а в ней еще одна.

«Мы умрем здесь. Мы оба умрем — мой ребенок и я».

Закрыв глаза, она попыталась подавить новый приступ паники. «Прекрати. Прекрати сейчас же. Думай, Мэтти».

Дрожащей рукой она коснулась правой стенки. Потом потянулась влево. Коснулась другой стенки. Какое расстояние между ними? Может, метр, а может, больше. А какая длина ящика? Она протянула руку над головой и ощутила свободное пространство примерно в тридцать сантиметров. Неплохо. Ее пальцы уткнулись во что-то мягкое, лежавшее в изголовье. Подтянув к себе неизвестный предмет, она догадалась, что это простыня. Когда она развернула ее, что-то тяжелое вывалилось и с грохотом упало на пол. Холодный металлический цилиндр. Сердце вновь забилося, но уже не от паники, а от надежды.

Фонарик.

Она нащупала кнопку. И с облегчением вздохнула, когда яркий луч света прорезал темноту. «Я вижу, я вижу!» Луч скользнул по стенкам ящика. Посветив на потолок, она поняла, что сможет присесть, только пригнувшись.

С огромным животом, неуклюжая, она с трудом приподнялась и села. Только тогда она смогла разглядеть, что было у нее в ногах: пластмассовое ведро и «утка». Два больших кувшина с водой. Пакет из бакалейного магазина. Она подтянула его к себе и заглянула внутрь. Вот почему пахло шоколадом, подумала она. В пакете лежали шоколадные батончики

«Херши», упаковки с нарезанной говядиной, соленые крекеры. И батарейки — целых три комплекта новых батареек.

Она привалилась к стенке. Вдруг расслышала собственный смех. Безумный, пугающий, вовсе не похожий на ее смех. Смеялась сумасшедшая. «Нет, все это очень странно. У меня есть все необходимое, чтобы выжить, кроме...»

Воздуха.

Смех угас. Она сидела, прислушиваясь к собственному дыханию. Кислород вдыхаем, углекислый газ выдыхаем. Дыхательная гимнастика. Но кислород скоро кончится. Его запас в ящике ограничен. Кажется, дышать уже стало труднее. Да к тому же она, поддавшись панике, сделала столько лишних движений. Наверняка израсходовала много кислорода.

И тут Мэтти почувствовала легкое дуновение на своих волосах. Она подняла голову. Направила на потолок луч фонарика и увидела решетку. Она была совсем небольшая, всего несколько сантиметров в диаметре, но этого было достаточно для притока свежего воздуха. Она в изумлении уставилась на решетку. «Я в ловушке, — подумала Мэтти. — Но у меня есть еда, вода и воздух».

Тот, кто поместил ее сюда, явно хотел сохранить ей жизнь.

Рик Баллард говорил ей, что доктор Чарльз Касселл богат, но Джейн Риццоли никак не предполагала, что настолько. Поместье Марблхэд было обнесено высокой кирпичной стеной, и сквозь чугунную решетку ворот они с Фростом увидели огромное белое здание в георгианском стиле, окруженное гектарами изумрудно-зеленого газона. Вдалеке за домом поблескивали воды залива Массачусетс.

— Ого! — воскликнул Фрост. — И это все заработано на фармацевтике?

— Он начинал с продвижения на рынок одного-единственного средства для похудения, — сказала Риццоли. — За двадцать лет создал целую империю. Баллард говорит, что с этим парнем лучше не ссориться. — Она взглянула на Фроста. — А женщине уж точно противопоказано бросать его.

Джейн опустила стекло автомобильного окна и нажала кнопку интеркома.

— Назовите ваше имя, — протрещал в динамике мужской голос.

— Детективы Риццоли и Фрост, бостонская полиция. Мы к доктору Касселлу.

Ворота открылись, и они въехали на извилистую подъездную аллею, которая привела их к величественному портику. Риццоли припарковала машину возле огненно-красного «Феррари» — вряд ли когда-нибудь ее старенькой «Субару» суждено было еще раз приблизиться к такому роскошному авто. Парадная дверь распахнулась, прежде чем они успели постучаться, и на пороге возник здоровенный детина, во взгляде которого не было ни дружелюбия, ни враждебности. Даже рубашка-поло и ботинки-«докеры» цвета загара не придавали его облику непринужденности.

— Меня зовут Пол, я помощник доктора Касселла, — представился он.

— Детектив Риццоли. — Джейн протянула ему руку, но мужчина даже не удостоил ее взгляда, как будто она не заслуживала его внимания.

Пол впустил посетителей в дом, который оказался совсем не таким, как себе представляла Риццоли. Хотя фасад был выдержан в традиционном георгианском стиле, интерьер был ультрасовременным, даже холодным, и более походил на галерею абстрактного искусства. Холл занимала бронзовая скульптура со смутным намеком на эротизм, представлявшая

собой сплетенные дуги.

— Вам, конечно, известно, что доктор Касселл только вчера вечером вернулся из поездки, — напомнил Пол. — Он еще неважно себя чувствует из-за джет-лэга. Так что попрошу вас быть краткими.

— У него была деловая поездка? — поинтересовался Фрост.

— Да. Она была запланирована еще месяц назад, если вас это интересует.

«Что вовсе ничего не значит, — подумала Риццоли, — кроме того, что Касселл умеет заранее планировать свои действия».

Пол провел их через гостиную, решенную в черном и белом цветах, с единственным алым пятном в виде вазы, которая сразу бросалась в глаза. Одну стену полностью занимал домашний кинотеатр — за дымчатыми стеклами шкафа искрились уникальные образцы электроники. «Идеальное пристанище холостяка», — подумала Риццоли. Ни намека на присутствие женщины, типично мужская обстановка. До ее слуха донеслась музыка, и Джейн предположила, что включена стереосистема. Звуки джаза печально рассыпались по клавишам. Это не была ни мелодия, ни песня, просто ноты, сложенные в горестное стенание. Музыка зазвучала громче, когда Пол подвел их к раздвижным дверям. Открыв их, он объявил:

— Полиция явилась, доктор Касселл.

— Спасибо.

— Вы хотите, чтобы я присутствовал?

— Нет, Пол, можешь идти.

Риццоли и Фрост вошли в комнату, и Пол задвинул за ними двери. В помещении было так сумрачно, что они едва различили силуэт мужчины, сидевшего за огромным роялем. Выходит, это была живая музыка, а не стереосистема. Окна были задернуты тяжелыми шторами, не пропускавшими ни лучика дневного света. Касселл потянулся к настольной лампе и включил ее. Свет от круглого светильника в абажуре из японской рисовой бумаги был тусклым, но даже от него хозяин зажмурился. На рояле стоял бокал с чем-то, напоминавшим виски. Небритый, с красными глазами — совсем не холодная акула бизнеса, а убитый горем человек, которому нет никакого дела до того, как он выглядит. Но даже в таком виде доктор Касселл был вызывающе красив, а его глубокий взгляд, казалось, прожигал насквозь. Риццоли никак не ожидала, что магнат, который сделал себя сам, может быть таким молодым; ему явно еще не было пятидесяти. Достаточно молод и наверняка все еще верит в собственную несокрушимость.

— Доктор Касселл, — начала она. — Я детектив Риццоли, Бостонское управление полиции. А это детектив Фрост. Вы, вероятно, догадываетесь,

почему мы здесь?

— Потому что он натравил вас на меня. Не так ли?

— Кто?

— Этот детектив Баллард. Чертов питбуль.

— Мы здесь потому, что вы были знакомы с Анной Леони. Убитой.

Он потянулся к бокалу с виски. Судя по его потрепанному виду, за сегодняшний день это была уже не первая доза.

— Позвольте мне кое-что рассказать вам про детектива Балларда, прежде чем вы будете верить всему, что он наговорит. Это суший говнюк. — Доктор залпом допил остатки виски.

Джейн вспомнила Анну Леони, ее подбитый глаз, пурпурный синяк во всю щеку. «Думаю, мы знаем, кто на самом деле говнюк».

Касселл отставил пустой бокал.

— Расскажите мне, как это произошло, — попросил он. — Я должен знать.

— У нас к вам есть несколько вопросов, доктор Касселл.

— Сначала расскажите, что произошло.

«Вот почему он согласился принять нас, — подумала она. — Ему нужна информация. Он хочет выяснить, что нам известно».

— Я так понимаю, она была убита выстрелом в голову, — сказал он. — И ее нашли в машине?

— Совершенно верно.

— Это я уже прочитал в «Бостон глоуб». Какой тип оружия использовался? Какого калибра?

— Вы же понимаете, я не могу раскрывать тайну следствия.

— Это случилось в Бруклине? Какого черта она там делала?

— И этого я вам сказать не могу.

— Не можете сказать? — Касселл взглянул на нее. — Или не знаете?

— Мы не знаем.

— С ней был кто-то, когда это произошло?

— Других жертв не обнаружено.

— Ну и кого вы подозреваете помимо меня?

— Мы здесь для того, чтобы задавать вопросы вам, доктор Касселл.

Он неуверенно поднялся на ноги и подошел к бару. Достал бутылку виски и вновь наполнил свой бокал. Нарочито не предлагая выпить гостям.

— Пожалуй, я отвечу вам на единственный вопрос, который вас волнует, — сказал он, возвращаясь к роялю. — Нет, я не убивал ее. Я даже не виделся с ней вот уже несколько месяцев.

— Когда вы в последний раз видели госпожу Леони? — спросил

Фрост.

— Кажется, в марте. Как-то днем я проезжал мимо ее дома. Она как раз вышла, чтобы забрать почту из ящика.

— Случайно не после этого она добилась судебного приказа в отношении вас?

— Я не выходил из машины, ясно? Я даже не разговаривал с ней. Она увидела меня и сразу же ушла в дом, не сказав ни слова.

— Тогда в чем была цель вашего визита? — спросила Риццоли. — Припугнуть?

— Нет.

— Тогда в чем?

— Я просто хотел увидеть ее, вот и все. Я тосковал по ней. Я до сих пор... — Он сделал паузу и откашлялся. — Я до сих пор тоскую по ней.

«Сейчас он скажет, что любил ее».

— Я любил ее, — сказал он. — Зачем бы я стал вредить ей?

Как будто они никогда не слышали подобных высказываний от мужчин!

— Да и как бы я мог это сделать? Я даже не знал, где она. С тех пор как она в последний раз переехала, я не мог отыскать ее.

— Но пытались?

— Да, пытался.

— Вы знали, что она живет в Мэне? — осведомился Фрост.

Пауза. Доктор поднял голову, нахмурился.

— Где в Мэне?

— В маленьком городке под названием Фокс-Харбор.

— Нет, я этого не знал. Я думал, она скрывается где-то в Бостоне.

— Доктор Касселл, — вмешалась Риццоли, — где вы были в прошлый четверг вечером?

— Я был здесь, дома.

— Весь вечер?

— С пяти часов. Я собирался в поездку.

— Кто-нибудь может подтвердить, что вы были здесь?

— Нет. В тот вечер я отпустил Пола. Я признаю, что у меня нет алиби. Я был здесь совершенно один, за роялем. — Он пробежал руками по клавишам, и они откликнулись диссонансом. — Я улетел утром следующего дня. Рейсом «Нортуэст Эйрлайнз», если захотите проверить.

— Обязательно проверим.

— Билеты были зарезервированы шесть недель назад. У меня даже были распланированы все встречи.

— Это нам уже сказал ваш помощник.

— В самом деле? Ну, так это правда.

— У вас есть оружие? — поинтересовалась Риццоли.

Касселл замер, устремив на нее взгляд своих темных глаз.

— Вы действительно думаете, что это сделал я?

— Вы не могли бы ответить на мой вопрос?

— Нет. У меня нет оружия. Ни пистолета, ни ружья, ни пугача. И я не убивал ее. Я не сделал и половины того, в чем она меня обвиняла.

— Вы хотите сказать, что она солгала полиции?

— Я хочу сказать, что она преувеличила.

— Мы видели ее фотографию, сделанную в травмопункте в тот вечер, когда вы подбили ей глаз. Это она тоже преувеличила?

Он опустил глаза, словно был не в силах выдержать укоряющий взгляд Риццоли.

— Нет, — тихо произнес он. — Я не отрицаю, что ударил ее. И сожалею об этом. Но не отрицаю.

— А как насчет того, что вы постоянно курсировали возле ее дома? Нанимали частного детектива, чтобы тот следил за ней? Являлись к ней, требуя разговора?

— Она не отвечала на мои звонки. Что мне оставалось делать?

— Может быть, понять намек?

— Я не из тех, кто плывет по течению, детектив. Я никогда не сидел, сложа руки. Вот почему у меня такой дом, и этот вид из окна. Если мне чего-то очень хочется, я тружусь в поте лица, чтобы получить это. И никогда не отдаю завоеванного. Я не мог вот так просто позволить ей уйти из моей жизни.

— И чем же была для вас Анна? Еще одним приобретением?

— Не приобретением. — Доктор встретился с ней взглядом, в котором ощущалась боль потери. — Анна Леони была любовью всей моей жизни.

Риццоли опешила от его ответа. Эти простые слова, произнесенные таким тихим голосом, могли быть только правдой.

— Я так понимаю, вы были вместе три года? — уточнила она.

Касселл кивнул.

— Она была микробиологом, работала в моем исследовательском отделе. Так мы и познакомились. Однажды она выступала на совете директоров с докладом о результатах испытаний антибиотиков. Я лишь взглянул на нее и сразу понял: это она. Вы знаете, каково это — любить кого-то больше жизни, а потом наблюдать, как любимый человек уходит от тебя?

— Почему она ушла?

— Я не знаю.

— Должно быть, у вас есть предположения.

— Нет. Посмотрите сами, что у нее было! Этот дом, все, что она только хотела. Мне кажется, что и я не урод. Любая женщина была бы счастлива на ее месте.

— А потом вы подняли на нее руку.

Тишина.

— Как часто это бывало, доктор Касселл?

Он вздохнул.

— У меня нервная работа...

— Вы так это объясняете? Избили свою женщину, потому что выдался тяжелый день в офисе?

Он не ответил. Вместо этого потянулся к стакану. И в этом тоже, несомненно, кроется часть проблемы, подумала Риццоли. Возьмите высокопоставленного бизнесмена с пристрастием к алкоголю — и получите женщину с фингалом под глазом.

Доктор поставил стакан на крышку рояля.

— Я просто хотел, чтобы она вернулась домой.

— А убедить ее решили путем подсовывания под дверь записок с угрозами?

— Я этого не делал.

— Она не раз обращалась в полицию.

— Этого не было.

— Детектив Баллард утверждает обратное.

Касселл фыркнул.

— Этот идиот верил всему, что она говорила. Он любит играть в сэра Галахада, так он подчеркивает свою значимость. Вам известно, что однажды он явился сюда и пригрозил, что, если я еще раз трону ее, он вышибет мне мозги. Вот уж поистине жалкий тип.

— Она заявляла, что вы изрезали ставни на ее окнах.

— Это неправда.

— Вы хотите сказать, что она сама это сделала?

— Я хочу сказать только то, что я этого не делал.

— И вы не царапали ее машину?

— Что?

— Вы не оставляли отметин на двери ее автомобиля?

— Это для меня новость. И когда это случилось?

— А дохлая канарейка в почтовом ящике?

Касселл от души расхохотался.

— Я что, похож на извращенца? Меня даже в городе не было в то время, когда это произошло. Где доказательства, что это сделал я?

Некоторое время Риццоли молча разглядывала его и думала: «Разумеется, он отрицает это, и он прав. У нас нет доказательств, что это он разбил ставни, поцарапал машину, подбросилдохлую канарейку. Человек, добившийся такого могущества, не может быть глупым».

— С чего бы вдруг Анне лгать? — поинтересовалась Джейн.

— Не знаю, — ответил он. — Но она лгала.

К полудню Маура уже была на автостраде — еще одна путешественница, застрявшая в плотном потоке автомашин, который, словно идущие на нерест лососи, двигался из знойного города на север. Замурованные в своих автомобилях, с ноющими на задних сиденьях детьми, любители путешествий по выходным угрюмо двигались на север, к манящим прохладой пляжам и просоленному воздуху. Именно они окружали Мауру, которая томилась в растянувшейся до самого горизонта пробке. Она никогда не была в Мэне. Знала его только по картинкам из каталога «Л.Л. Бина»,^[7] с которых улыбались загорелые мужчины и женщины в парках и кедах, а в траве у их ног резвились золотистые ретриверы. По каталогам «Л.Л. Бина» штат Мэн представлялся краем лесов и туманных берегов, мифическим местом, красивым, как мечта. «Похоже, меня ждет разочарование», — подумала Маура, жмурясь от солнечного света, который отражала бесконечная вереница машин. Но именно в тех краях предстояло искать ответы на мучившие ее вопросы.

Несколько месяцев назад этим же маршрутом двигалась на север Анна Леони. Вероятно, это было ранней весной, промозглым днем, и движение было не таким напряженным, как сегодня. Выезжая из Бостона, она тоже пересекла мост Тобин-Бридж, а далее следовала по автостраде номер 95 в направлении границы штатов Массачусетс и Нью-Хэмпшир.

«Я иду по твоим следам. Мне нужно узнать, кем ты была на самом деле. Только тогда я смогу узнать, кто я».

В два часа пополудни она пересекла границу штатов Нью-Хэмпшир и Мэн; там автомобильный поток чудесным образом рассосался, словно предшествовавшая этому попытка на дороге была испытанием на прочность, и вот теперь самых достойных ожидало вознаграждение. Маура остановилась лишь однажды и быстро перекусила сэндвичем. К трем часам она свернула с федеральной трассы и теперь двигалась по автостраде номер один штата Мэн вдоль побережья на север.

«Ты тоже ехала здесь».

Пейзаж, который наблюдала Анна, определенно был другим — поля лишь начинали зеленеть, а деревья еще стояли голые. Но наверняка Анна проезжала мимо этой же лачуги, где торгуют сэндвичами из лобстеров, и этой же лавки старьевщика, во дворе которой были выставлены проржавевшие каркасы пружинных кроватей, вызвавшие у нее такое же,

как и Мауры, изумление. Кто знает, может, она тоже свернула с дороги возле городка Рок-порт, чтобы размять затекшие ноги и постоять у статуи тюленя Андрэ, любуясь видом на гавань. Ежилась от пронизывающего ветра с моря.

Маура вернулась в машину и продолжила путь на север.

Когда она миновала прибрежный городок Бакспорт и свернула на юг, к полуострову, солнечный свет уже золотил верхушки деревьев. Маура наблюдала, как, неумолимо приближаясь к берегу, на море словно голодное животное наплывает туман. К закату он накроет мою машину, подумала она. Маура не резервировала для себя отель в Фокс-Харборе, легкомысленно решив, что остановится на ночь в каком-нибудь мотеле. Но мотелей в прибрежной полосе было крайне мало, да и те, что попадались на пути, пестрели вывесками «Мест нет».

Между тем солнце опускалось все ниже.

Дорога резко свернула, и Маура крепче вцепилась в руль, огибая скалистый выступ. Узкая колея была зажата с одной стороны зарослями тощих деревцев, а с другой — крутым обрывом в море.

И вот неожиданно впереди показался Фокс-Харбор — уютный городок, гнездившийся в небольшой бухте. Маура не ожидала, что он окажется таким маленьким, чуть больше морского причала, с острым шпилем церкви и цепочкой белых домиков, обращенных фасадами к морю. На воде покачивались пришвартованные рыбацкие лодки, обреченно ожидавшие, когда их проглотит туман.

Медленно двигаясь по Мэйн-стрит, она разглядывала унылые крылечки домов, требующих срочной покраски, линялые занавески на окнах. Городок уж точно нельзя было назвать процветающим, особенно если судить по ржавым пикапам, припаркованным во дворах. Более или менее современные автомобили оказались только на стоянке у мотеля «Вид на пристань», но все они имели номера штатов Нью-Йорк, Массачусетс и Коннектикут. Городские жители, сбегавшие от жары поближе к лобстерам и прохладному раю.

Маура остановилась у приемной мотеля. «Прежде всего нужно подумать о ночлеге», — решила она, а это место, похоже, единственное в городе. Она вышла из машины, размяла затекшие конечности и вдохнула влажный солоноватый воздух. Хотя Бостон тоже был портовым городом, она редко дышала морем дома; городские запахи дизельного топлива, выхлопов и горячего асфальта отравляли любое дуновение бриза. Здесь она могла по-настоящему ощутить соленое дыхание моря. Остановившись у дверей мотеля, она подставила лицо ласковому ветру, и у нее возникло

ощущение, будто она очнулась после глубокого сна, снова проснулась, снова ожила.

Интерьер мотеля был в точности таким, как она и ожидала: деревянные панели в духе шестидесятых, унылый зеленый ковер, настенные часы в форме штурвала корабля. За стойкой регистрации не было ни души.

Маура перегнулась через нее.

— Здравствуйте, есть тут кто-нибудь?

Скрипнула дверь, и возле стойки появился мужчина, толстый и лысоватый, на его мясистом носу красовались изящные очки, напоминавшие стрекозу.

— У вас есть свободный номер на одну ночь? — спросила Маура.

Ее вопрос был встречен мертвым молчанием. Мужчина уставился на нее, разинув рот.

— Простите, — произнесла она, решив, что ее не расслышали. — У вас есть свободные места?

— Вам... нужна комната?

«Разве я спрашивала о чем-то другом?»

Он заглянул в регистрационную книгу, потом опять перевел взгляд на нее.

— Я, м-м, сожалею. Все номера заняты.

— Я проделала долгий путь из Бостона. Может быть, вы знаете, где можно переночевать?

Он с трудом сглотнул.

— На выходные съехалось столько народу! Час назад здесь была семейная пара, тоже спрашивали комнату. Я обзвонил все гостиницы, пришлось отослать их в Элсуорт.

— Где это?

— Километров сорок пять отсюда.

Маура посмотрела на часы-штурвал. Без четверти пять; поиски мотеля придется отложить.

— Мне нужно найти офис риэлторской компании «Земля и Море», — сказала она.

— Это на Мэйн-стрит. Проедете пару кварталов и свернете.

* * *

Переступив порог офиса «Земли и Моря», Маура обнаружила еще

одну вымершую приемную. Кто-нибудь в этом городе ходит на работу? В помещении пахло табачным дымом, на стойке администратора стояла пепельница, полная окурков. Стены были увешаны рекламными листовками фирмы с предложениями объектов недвижимости, многие фотографии изрядно пожелтели. Судя по всему, здешний рынок недвижимости не отличался деловой активностью. На фотографиях Маура увидела полуразрушенную конюшню («Идеальный вариант конефермы!»), домик с покосившимся крыльцом («Идеальное предложение для мастера на все руки!»), маленькую рощицу — одни деревья («Тихо и спокойно! Идеальное место для строительства дома!») «Интересно, есть в этом городе что-нибудь не идеальное?» — задалась она вопросом.

Вдруг Маура услышала скрип задней двери и, обернувшись, увидела мужчину с кофейником в руках, который он тут же водрузил на стойку. Ростом он был ниже Мауры, большеголовый, с седым ежиком волос. Одежда была ему слишком велика — рукава рубашки и брючины он подвернул, как будто донашивал одежду великана. Гремя связкой ключей, которые болтались у него на поясе, он ринулся приветствовать Мауру.

— Извините, нужно было помыть кофейник. Вы, должно быть, доктор Айлз.

Услышав его голос, Маура опешила. Хотя и хриплый — еще бы, столько окурков в пепельнице, — он явно был женским. Только сейчас она обратила внимание на характерные округлости груди, выделявшиеся под мешковатой рубашкой.

— Это... с вами я разговаривала сегодня утром? — осведомилась Маура.

— Бритта Клаузен. — Она крепко и деловито пожала руку посетительницы. — Харви сообщил мне, что вы приехали.

— Харви?

— Ну, из мотеля «Вид на пристань». Он позвонил мне сказать, что вы едете. — Женщина немного помолчала, окидывая Мауру оценивающим взглядом. — Пожалуй, нет смысла спрашивать у вас удостоверение личности. Глядя на вас, сразу можно догадаться, чья вы сестра. Поедем к дому вместе?

— Я поеду за вами в своей машине.

Мисс Клаузен тряхнула связкой ключей на поясе и удовлетворенно хмыкнула.

— Ага, вот. Скайлайн-драйв. Полиция уже закончила с обыском, так что, думаю, вас можно провести.

Маура следовала за пикапом мисс Клаузен по дороге, которая, сделав резкий поворот, взмыла вверх по крутому холму. Береговая линия осталась далеко внизу, и воду уже накрыло густой пеленой тумана. Городок Фокс-Харбор скрылся из виду. Пикап мисс Клаузен вдруг полыхнул огнем стоп-сигнала, и Маура едва успела затормозить. Ее «Лексус» занесло на мокрых листьях, и бампер уперся в колышек с табличкой «ПРОДАЕТСЯ».

Мисс Клаузен высунула голову из окна.

— Эй, вы там в порядке?

— Все нормально. Извините, я просто не обратила внимания.

— Да, последний поворот лихой. Нам сейчас направо.

— Я за вами.

— Только не слишком прижимайтесь, договорились? — хохотнула мисс Клаузен.

Грязную дорогу так тесно обступали деревья, что Мауре казалось, будто она едет по туннелю. Совершенно неожиданно впереди открылась лужайка и на ней — маленький, обшитый кедром коттедж. Маура припарковалась рядом с пикапом мисс Клаузен и вышла из «Лексуса». Некоторое время она стояла, упиваясь тишиной и разглядывая домик. Деревянные ступеньки вели к крытому крыльцу, с которого свисали неподвижные качели на веревках. В маленьком тенистом садике упорно стремились к росту наперстянка и лилейник. Казалось, со всех сторон на домик напирал лес, и Маура поймала себя на том, что ей стало трудно дышать, словно она оказалась запертой в маленькой комнате. Как будто не хватало воздуха.

— Здесь так тихо, — произнесла Маура.

— Да, до города далеко. Вот почему этот холм в цене. Знаете, скоро и сюда придет настоящий бум на недвижимость. Через несколько лет вдоль этой дороги все будет застроено. Так что сейчас самое время покупать.

Идеальное. Маура подумала, что сейчас Бритта вставит именно это словечко.

— Я тут по соседству расчищаю новый участок под застройку, — сообщила мисс Клаузен. — После того как сюда въехала ваша сестра, я решила, что пора готовить к продаже и остальные участки. Знаете, как бывает: стоит одному вселиться, и пошло-поехало. Всем почему-то сразу хочется купить дом по соседству. — Она задумчиво посмотрела на Мауру. — А вы какой доктор?

— Патологоанатом.

— Это что значит? Вы работаете в лаборатории?

Женщина начала раздражать Мауру. Она ограничилась скудным комментарием:

— Я работаю с трупами.

Этот ответ, казалось, нисколько не смутил мисс Клаузен.

— Ну, значит, у вас нормированный рабочий день. А выходные свободны. Возможно, вас заинтересует наше летнее предложение. Знаете, тут рядом скоро построят отличные домики. Если у вас есть желание подыскать хорошее местечко для отдыха, дешевле вы не найдете.

Маура поняла, что оказалась в крепких тисках агента по продаже тайм-шеров.

— Мне это совсем неинтересно, мисс Клаузен.

— Ах! — Женщина вздохнула, потом отвернулась и ступила на крыльцо. — Ну, тогда проходите. И раз уж вы здесь, то скажите, что мне делать с вещами вашей сестры.

— Я не совсем уверена в том, что имею на это право.

— Я тоже не знаю, что с ними делать. И уж, конечно, совсем не хочется платить за их хранение. Мне нужно полностью освободить дом, чтобы продать его или сдать в аренду. — Она зазвенела связкой ключей, выбирая нужный. — Я контролирую большую часть рынка недвижимости в городе, и это место было не так-то легко сдать. Ваша сестра, знаете ли, подписала договор на полгода.

«Неужели она именно так относится к смерти Анны? — спрашивала себя доктор Айлз. — Прекращение аренды, поиск нового постояльца?» Мауре не нравилась эта женщина с позвякивающими ключами на поясе и алчным взглядом. Королева недвижимости Фокс-Харбора, чья единственная забота — сбор ежемесячной арендной платы.

Наконец мисс Клаузен толкнула дверь.

— Входите.

Маура ступила в дом. Хотя окна гостиной были большими, от близости леса и сгущающихся сумерек в доме было довольно мрачно. Она увидела темные сосновые полы, потертый ковер, продавленный диван. Тусклые обои с рисунком в виде виноградной лозы только усиливали отвращение к листе.

— Я сдавала его вместе с мебелью, — пояснила мисс Клаузен. — Но, несмотря на это, немного снизила цену.

— И какова цена? — спросила Маура, выглядывая в окно, к которому почти вплотную прижималась стена деревьев.

— Шестьсот в месяц. Я могла бы брать в четыре раза дороже, будь это место ближе к воде. Но человек, который строил этот дом, ценил уединение. — Мисс Клаузен обвела комнату долгим изучающим взглядом, как будто до этого у нее не было времени рассмотреть помещение. — Знаете, я немного удивилась, когда она позвонила и спросила насчет этого домика, тем более что у меня были и другие предложения, ближе к побережью.

Маура обернулась к ней. Дневной свет стремительно угасал, и мисс Клаузен почти растворилась в тени.

— Моя сестра интересовалась именно этим домом?

Мисс Клаузен пожала плечами:

— Думаю, ее привлекла цена.

Они покинули мрачную гостиную и оказались в коридоре. Если верно утверждение, что дом — отражение индивидуальности его обитателей, тогда в этих стенах должно было сохраниться что-то от Анны Леони. Но поскольку здесь жили и другие люди, Маура с интересом разглядывала обстановку, пытаясь угадать, какие именно безделушки и картины на стенах принадлежали Анне, а какие остались от прежних хозяев. Вон тот рисунок пастелью с изображением заката повесила явно не Анна. «Такая мерзость не могла понравиться моей сестре», — подумала она. И этот застоявшийся запах сигарет — вряд ли Анна курила. Однойлицевые близнецы зачастую невероятно похожи; Анна наверняка разделяла свойственное Мауре отвращение к сигаретам. Тоже хлюпала носом и заходила в кашле от табачного дыма.

Они подошли к спальне, где стояла кровать с полосатым матрасом.

— Похоже, она не пользовалась этой комнатой, — заметила мисс Клаузен. — Шкаф и ящики комода пусты.

Настала очередь ванной. Маура вошла в нее и открыла шкафчик аптечки. На полках лежали адвил, судафед и средство от кашля «Рикола» — удивительно хорошо знакомые названия. Точно такие же лекарства она хранила в своей аптечке. «Надо же, даже в выборе средств от простуды мы похожи», — мелькнуло у нее в голове.

Она закрыла шкафчик. И продолжила путь по коридору к последней двери.

— Это ее спальня, — сообщила мисс Клаузен.

Комната была чисто прибрана, постель аккуратно заправлена, на комод ничего лишнего. «Как в моей спальне», — подумала Маура. Она подошла к шкафу и открыла дверцу. На вешалках висели отглаженные брюки, блузки и платья. Сорок шестой размер. Тот же, что у Мауры.

— На прошлой неделе полиция провела здесь обыск, все перевернули вверх дном.

— Нашли что-нибудь интересное?

— Во всяком случае, мне ничего не сказали. Вряд ли она здесь держала что-то ценное. Она ведь прожила в этом доме всего несколько месяцев.

Маура выглянула в окно. Хотя еще не стемнело, мрак окружающего леса усиливал ощущение неотвратимости ночи.

Мисс Клаузен стояла в дверях спальни словно с твердым намерением не выпускать Мауру до тех пор, пока она не внесет плату за вход.

— Дом не так уж плох, — сказала она.

«Еще как плох, — подумала Маура. — Он просто отвратителен».

— В это время года выбор небольшой. Все уже разобрано. Отели, мотели. Свободных мест нигде нет.

Маура неотрывно смотрела на лес. Все лучше, чем разговоры с этой ужасной женщиной.

— Ну, это просто как идея. Наверняка вы уже нашли, где переночевать сегодня.

Так вот к чему она клонит! Маура обернулась и посмотрела на нее.

— На самом деле мне негде остановиться. В мотеле «Вид на пристань» свободных мест нет.

Женщина ответила еле заметной улыбочкой.

— И так везде.

— Мне сказали, что можно поискать в Элсуорте.

— Да? Неужели вам охота тащиться в такую даль? В темноте будете ехать еще дальше. Там дорога сплошь серпантин. — Мисс Клаузен указала на кровать. — Я могла бы предложить вам свежее белье. А стоимость будет такая же, как в мотеле. Если, конечно, вы хотите.

Маура перевела взгляд на постель и почувствовала, как по спине пробежал холодок. «Здесь спала моя сестра».

— Ну что? Согласны?

— Я не знаю...

Мисс Клаузен хмыкнула.

— Сдается мне, что у вас нет выбора.

* * *

Маура стояла на крыльце и наблюдала, как исчезают за пеленой

деревьев огоньки пикапа Бритты Клаузен. Она на мгновение задержалась в сгущающейся темноте, вслушиваясь в трели сверчков, шорохи листьев. За спиной что-то скрипнуло, и, обернувшись, она увидела, как, словно потревоженные призраком, дернулись качели. Она вздрогнула, зашла в дом и, уже собираясь запереть дверь, обмерла. И вновь почувствовала, как по спине пробежали мурашки.

На двери было четыре замка.

Она уставилась на две цепочки, щеколду и засов. Медные пластины блестели, винты еще не проржавели. «Новые замки». Маура заперла дверь, навесила обе цепочки. Металл под ее пальцами казался ледяным.

Она зашла на кухню и зажгла свет. Увидела потертый линолеум на полу, маленький обеденный стол со старой посудой. В углу заворчал холодильник. Но внимание Мауры привлекла задняя дверь. На ней было три замка, тускло поблескивали медные пластины засовов. Сердце учащенно забилося, когда она запирала замки. Затем она обернулась и с удивлением увидела на кухне еще одну запертую дверь. Куда вела эта?

Она отодвинула засов и открыла дверь. Узкая деревянная лестница спускалась в темноту. Снизу подул прохладный ветерок, запахло сырой землей. Она почувствовала покалывание с задней стороны шеи.

«Подвал. Зачем было запирасть дверь в подвал?»

Она закрыла дверь и задвинула засов. И только тогда заметила, что этот засов отличался от остальных — он был ржавым, старым.

Теперь ей захотелось проверить, надежно ли заперты окна. Анна была так напугана, что превратила этот дом в крепость, и Маура ощущала ее страх в каждой комнате. Она осмотрела задвижки на кухонных окнах, после чего направилась в гостиную.

Только убедившись в том, что во всем доме окна заперты, она принялась обследовать спальню. Начала с гардероба. Медленно передвигая вешалки, она рассматривала каждый предмет одежды, мысленно отмечая, что все наряды были ее размера. Она сняла с вешалки платье — черное трикотажное, элегантного кроя, ей и самой такие нравились. Она представила себе, как Анна стоит в магазине и рассматривает это платье. Изучает ценник, прикладывает наряд к себе и смотрится в зеркало, думая: «Вот это мое».

Маура расстегнула свою блузку, сняла брюки. Влезла в черное платье и, застегивая молнию, ощутила нежное прикосновение ткани, которая обтянула ее бедра словно вторая кожа. Она повернулась к зеркалу. «Вот что увидела Анна», — промелькнула в ее голове. То же лицо, та же фигура. Интересно, она тоже сетовала по поводу полнеющих бедер, первых

признаков надвигающегося среднего возраста? Смотрела на себя сбоку, проверяя, насколько плоский у нее живот. Все женщины исполняют у зеркала один и тот же ритуальный танец, поворачиваясь то так, то этак. Не кажусь ли я толстой сзади?

Оглядывая себя с правой стороны, она замерла и уставилась на волосок, прилипший к ткани. Потом сняла его и поднесла к лампе. Он был такой же черный, как у нее, но длиннее. Волос покойницы.

Телефонный звонок заставил ее вздрогнуть. Она подошла к ночному столику и замерла, вслушиваясь в телефонную трель, казавшуюся невыносимо громкой в тишине дома. Не дожидаясь четвертого звонка, она сняла трубку.

— Алло! Алло!

Послышался щелчок, потом частые гудки.

«Наверное, ошиблись номером, — подумала она. — Вот и все».

На улице усилился ветер, и даже сквозь закрытые окна было слышно, как стонут деревья. Но в доме было так тихо, что в ушах отдавался стук собственного сердца. «Такими были твои ночи? — задалась она вопросом. — В этом доме, окруженном темным лесом?»

В ту ночь, прежде чем лечь в постель, она заперла дверь спальни и забаррикадировала ее стулом. Испытывая легкий стыд из-за своей трусости, она не могла не признаться в том, что здесь острее чувствовала опасность, нежели в Бостоне, городе, наводненном хищниками в человеческом обличье, которые были куда опаснее любого зверя, обитавшего в здешних лесах.

«Анне тоже было страшно».

Она чувствовала этот страх, до сих пор витавший в доме с надежными запорами на дверях.

* * *

Маура проснулась от звука, похожего на визг. Какое-то время лежала с открытыми глазами, судорожно глотая воздух, пытаясь унять бешеное сердцебиение. Это всего лишь клич совы, нет причин паниковать. В конце концов, крутом лес, и немудрено, что здесь воют звери. Простыни были влажными от пота. Перед сном она закрыла окно, и воздух в спальне был спертый, душным. «Мне нечем дышать», — подумала она.

Она встала и распахнула окно. Постояла, жадно глотая свежий воздух и глядя на деревья, которые серебрились в лунном свете. Все казалось

неподвижным, лес снова притих.

Она вернулась в постель и на этот раз проспала до рассвета.

Дневной свет разом все изменил. Она услышала пение птиц, а выглянув в окно, увидела двух оленей, которые пробежали по лужайке в лес, помахивая своими белыми хвостами. Теперь, когда в комнату ворвалось солнце, стул, приставленный к двери накануне ночью, показался Мауре нелепостью. «Никому не расскажу об этом», — подумала она, возвращая его на место.

Зайдя на кухню, она сварила себе кофе из зерен, которые нашла в холодильнике. Кофе Анны. Наливая крепкий напиток в кружку, она с наслаждением вдыхала бодрящий аромат. Все, что ее окружало, было приобретено Анной. Попкорн и спагетти. Просроченные упаковки персикового йогурта и молока. Каждый продукт символизировал мгновение в жизни ее сестры, когда она стояла перед полками в супермаркете и думала: «Это мне тоже пригодится». А потом, возвращаясь, выгружала продукты из пакетов. Заглядывая в кухонные шкафчики, Маура словно видела руку сестры, которая заботливо расставляла на полках, покрытых цветастой бумагой, баночки с тунцом.

Она вышла с кружкой на крыльцо и, потягивая кофе, принялась разглядывать садик, расцвеченный солнечными лучами. «Какое все зеленое, — восхищалась она. — Трава, деревья, сам свет. Наверху, в кронах деревьев, щебечут птицы. Теперь я понимаю, почему ей захотелось жить здесь. Просыпаться по утрам и дышать этим лесом».

Внезапно птицы вспорхнули с деревьев, встревоженные посторонним звуком — глухим урчанием бульдозера. Маура не видела самой машины, но было ясно, что отвратительно грохочущий бульдозер работает где-то очень близко. Она вспомнила, как мисс Клаузен говорила, что по соседству расчищают участок для строительства. Прощай, мирное воскресное утро.

Она спустилась с крыльца и обошла дом с другой стороны, пытаясь разглядеть бульдозер сквозь деревья, но заросли были слишком густыми. Посмотрев под ноги, она увидела следы зверей и сразу же вспомнила двух оленей, проскочивших мимо окна ее спальни. Она пошла по следам вдоль дома, отмечая другие признаки их визита — помятые листья хосты, высаженной по периметру дома, и удивляясь отваге этих животных, не побоявшихся почти вплотную приблизиться к жилищу. Она дошла до задней части дома и резко остановилась, увидев другую цепочку следов. Они не были похожи на оленьи. На мгновение она оцепенела. Сердце учащенно забилося, а руки крепче сжали чашку. Ее взгляд устремился на землю под одним из окон и остановился на цепочке свежих отпечатков.

Там, где следы подошв пропечатались особенно четко, недавно кто-то стоял и заглядывал в окно.

В окно ее спальни.

Спустя сорок пять минут по грязной дороге подкатил патрульный автомобиль полиции Фокс-Харбора. Он остановился прямо возле дома, и из него вышел полицейский лет пятидесяти с лишним, с бычьей шеей и расплзающейся по макушке лысиной.

— Доктор Айлз? — Он протянул Мауре свою мясистую руку. — Роджер Грешэм, комиссар полиции.

— Я не думала, что удостоюсь визита самого комиссара.

— Знаете, мы как раз собирались заехать сюда, когда поступил ваш звонок.

— Мы? — Она нахмурилась, заметив, как еще один автомобиль, «Форд Эксплорер», свернул с дороги и затормозил рядом с машиной Грешэма. Водитель вышел и помахал ей рукой.

— Здравствуйте, Маура! — приветствовал ее Рик Баллард.

Она немного помолчала, глядя на детектива и удивляясь его внезапному появлению.

— Я и не знала, что вы здесь, — произнесла она наконец.

— Я приехал вчера вечером. А вы давно здесь?

— Со вчерашнего дня.

— Вы ночевали в этом доме?

— В мотеле не было свободных мест. Мисс Клаузен — местный риэлтор — предложила мне переночевать здесь. — Она немного помолчала. И добавила, словно оправдываясь: — Она сказала, что полиция закончила с формальностями.

Грешэм фыркнул.

— Бьюсь об заклад, она взяла с вас плату за ночлег. Я прав?

— Да.

— Эта Бритта та еще штучка. Дай ей волю, она сдерет с вас даже за воздух. — Повернувшись к дому, он спросил: — Ну и где вы нашли эти следы?

Маура повела полицейских за угол дома. Они старались не сходить с дорожки, внимательно осматривая землю вокруг, Бульдозер затих, и теперь тишину нарушал лишь шорох листьев под ногами.

— Здесь свежие олени следы, — заметил Грешэм.

— Да, сегодня утром пробежала пара оленей, — сказала Маура.

— Возможно, это их следы сбили вас с толку.

— Комиссар Грешэм, — вздохнула Маура. — Я способна отличить человеческий след от следа оленя.

— Нет, я имел в виду, что здесь мог побывать какой-нибудь охотник. Правда, сезон охоты еще не открыт. Ну, вы же понимаете.

Баллард вдруг резко остановился и уставился на землю.

— Вы их видите? — спросила Маура.

— Да, — кивнул он. Его голос звучал на удивление спокойно.

Грешэм присел на корточки рядом с Баллардом. Прошло немного времени. Почему они молчат? Ветерок потревожил деревья. Маура поежилась и подняла голову, чтобы взглянуть на качающиеся ветви. Прошлой ночью кто-то вышел из леса. Стоял под окном ее комнаты и смотрел.

Баллард поднял взгляд на дом.

— Это окно спальни?

— Да.

— Вашей?

— Да.

— Вы задерживали шторы вчера вечером? — Рик бросил на нее взгляд через плечо, и Маура догадалась, о чем он думал: «Не устроили ли вы тут бесплатное пип-шоу?»

Она зарделась.

— В этой комнате нет штор.

— Следы большие, вряд ли это Бритта, — заметил Грешэм. — Она единственная, кто мог околачиваться возле дома, проверяя, все ли в порядке.

— Похоже на подошву «Вибрам», — сказал Баллард. — Размер сорок первый, может, сорок второй. — Он проследил взглядом, куда вели следы. — Там, у леса, на них накладываются отпечатки оленьих копыт.

— Это значит, что он был здесь раньше, — сказала Маура. — До оленей. И до того как я проснулась.

— Да, но насколько раньше? — Баллард выпрямился и заглянул в окно спальни. Он долго молчал, и Маура снова заволновалась. Ей не терпелось получить хотя бы какой-то комментарий от этих людей.

— Знаете, здесь не было дождей вот уже неделю, — сказал Грешэм. — Так что эти следы могут быть не такими уж свежими.

— Но кто же здесь ходил, заглядывал в окна? — спросила она.

— Я позвоню Бритте. Может, она нанимала рабочих. Или кто-то заглядывал сюда из простого любопытства.

— Из любопытства? — переспросила Маура.

— Здесь все слышаны о том, что произошло с вашей сестрой в Бостоне. Возможно, кому-то захотелось заглянуть в ее дом.

— Не понимаю этого нездорового любопытства. И никогда не понимала.

— Рик сказал мне, что вы судмедэксперт, верно? Ну, так вам, должно быть, хорошо известны такие вещи. Все хотят знать подробности. Вы не поверите, сколько народу приставало ко мне с расспросами. И наверняка кому-нибудь захотелось сунуть нос к ней в дом.

Маура с недоумением уставилась на него. Тишину нарушил треск рации в машине Грешэма.

— Прошу прощения, — сказал он и направился к патрульному автомобилю.

— Я так понимаю, мои опасения напрасны? — поинтересовалась она.

— Я-то как раз очень серьезно к ним отношусь.

— В самом деле? — Она посмотрела на него. — Зайдите в дом, Рик. Я хочу вам кое-что показать.

Он поднялся за ней на крыльцо и вошел в дом. Маура захлопнула дверь и обратила внимание детектива на новенькие медные замки.

— Я хотела, чтобы вы это увидели, — сказала она.

Он нахмурился.

— Ничего себе!

— Есть еще кое-что. Пойдемте покажу.

Она провела Рика на кухню. Показала сверкающие цепочки и засовы на задней двери.

— Все они новые. Должно быть, их установила Анна. Она чего-то боялась.

— Ей было чего бояться. Все эти угрозы. Она опасалась, что здесь может объявиться Касселл.

Маура взглянула на детектива.

— Вы ведь здесь по этой причине, верно? Выясняете, не его ли это рук дело?

— Я показывал его фотографию горожанам.

— И что?

— Пока никто его не вспомнил. Но это не означает, что его здесь не было. — Рик указал на замки. — Мне кажется, это многое объясняет.

Вздыхнув, она опустилась на стул.

— Как получилось, что наши жизни такие разные? Пока я летела из Парижа, она... — Маура сглотнула подступившие слезы. — А если бы я оказалась на месте Анны? Неужели все было бы так же? В таком случае

она могла бы сидеть здесь вместо меня и беседовать с вами...

— Вы разные люди, Маура. Пусть у вас то же лицо, тот же голос. Но вы не Анна.

Она подняла на него взгляд.

— Расскажите еще что-нибудь о моей сестре.

— Я не знаю, с чего начать.

— С любого места. Рассказывайте все. Вы только что сказали, что у меня такой же голос.

Он кивнул.

— Это правда. Те же интонации. Тот же тембр.

— Вы так хорошо ее помните?

— Анна — та женщина, которую нелегко забыть, — сказал Баллард. Рик пристально посмотрел на нее, и Маура вернула его взгляд. Они не прекращали смотреть друг на друга, даже когда в доме послышался грохот шагов. Только когда Грешэм ввалился на кухню, она перевела взгляд на комиссара полиции.

— Доктор Айлз, — начал Грешэм. — Не окажете ли нам любезность? Проедемте со мной, здесь недалеко. Мне нужно, чтобы вы кое на что посмотрели.

— На что именно?

— По радиации передали, что в отделение поступил сигнал от строителей, которые работают тут неподалеку. Их бульдозер наткнулся на... ну, на какие-то кости.

Она нахмурилась.

— Человеческие?

— Это-то нам и нужно узнать.

* * *

Маура поехала вместе с Грешэмом на патрульной машине, а Баллард последовал за ними на своем «Эксплорере». Впрочем, забираться в машину не стоило: сразу за поворотом они увидели бульдозер, замерший перед свежерасчищенным участком. Четверо строителей в касках стояли в тени возле своих пикапов. Когда Маура, Грешэм и Баллард вышли из машин, один из них двинулся навстречу.

— Привет, комиссар.

— Привет, Митч. Ну, где это?

— Да вон, возле бульдозера. Я, как только увидел эту кость, сразу

заглушил двигатель. Когда-то на этом месте была старая ферма. Вот уж совсем не хочется раскапывать семейное кладбище.

— Пусть сначала доктор Айлз посмотрит, что это такое, а потом я вызову экспертов. Не хочется заставлять ребят тащиться из Огасты ради медвежьих костей.

Митч повел их через поляну. Идти по разрытой земле, утыканной вырванными корнями и перевернутыми камнями, было нелегко. Лодочки Мауры явно не предназначались для таких прогулок, и, как она ни старалась обходить препятствия, все равно запачкала свои черные замшевые туфли.

Грешэм хлопнул себя по щеке.

— Чертовы гнусы! Набросились, кровопийцы!

Поляну окружали плотные заросли деревьев; воздух здесь был густым и неподвижным. Насекомые учуяли запах пришельцев и кружили в поисках крови. К счастью, Маура была в брюках; впрочем, незащищенные лицо и руки тотчас превратились в кормушку для мошкары.

К тому времени, как они добрались до бульдозера, отвороты на брюках уже были в грязи. Яркий свет солнца отражался от осколков стекла. Выкорчеванный розовый куст медленно умирал на жаре.

— Вот, — сказал Митч, указывая на кость.

Еще не нагнувшись, чтобы тщательно осмотреть предмет, торчавший из земли, Маура уже знала, что это такое. Не притрагиваясь ни к чему, она опустилась на корточки, утопая подошвами в разрытой земле. Сквозь корку сухой грязи поблескивала бледная кость. Заслышав карканье, она подняла голову и увидела рассеявшихся на ветках деревьев ворон. «Они тоже знают, что это».

— Что скажете? — поинтересовался Грешэм.

— Это подвздошная кость.

— Что это такое?

— Вот эта кость. — Она показала ее на себе, дотронувшись до бедра. И тут же поймала себя на мрачной мысли о том, что и сама является не более чем скелетом, обтянутым кожей и мышцами. Хрупкой конструкцией из пористого кальция и фосфора, которая надолго останется нетронутой, после того как сгниют мягкие ткани. — Человеческая, — добавила она.

Некоторое время все молчали. Тишину ясного июньского дня нарушали лишь вороны, висевшие на ветках словно черные плоды. Они таращились на людей своими умными глазами, а их карканье переросло в оглушительный хор. И вдруг, как по команде, он смолк.

— Что вам известно об этом месте? — спросила Маура

бульдозериста. — Что здесь было раньше?

— Какие-то старые каменные стены, — ответил Митч. — Фундамент дома. Мы сгребли камни в одну кучу — подумали, что кому-нибудь они могут пригодиться. — Он указал на глыбы, сложенные у края участка. — Стены как стены. Если тут пройти по лесам, можно найти немало заброшенных строений. Когда-то по всему побережью были разбросаны овцефермы. Сейчас уж не осталось.

— Значит, здесь могла быть старая могила, — предположил Баллард.

— Но эту кость мы обнаружили как раз под одной из старых стен, — сказал Митч. — Вряд ли кто стал бы хоронить свою матушку в такой близости от дома. Я бы не отважился. Плохая примета.

— А для кого-то, наоборот, хорошая, — возразила Маура.

— Что?

— В древние времена считалось, что младенец, заживо похороненный под угловым камнем здания, оберегает дом.

Митч воззрился на нее с изумлением. В его взгляде читалось: «Кто вы такая, черт возьми?»

— Я просто хочу сказать, что похоронные ритуалы меняются со временем, — объяснила Маура. — Вполне возможно, это как раз и есть старая могила.

Над их головами что-то захлопало. Вороны разом вспорхнули с деревьев, сотрясая воздух крыльями. Маура смотрела на них, взволнованная зрелищем: множество черных крыльев, расправленных словно по команде.

— Странно, — произнес Грешэм.

Маура выпрямилась и посмотрела на деревья. Вспомнила, как утром ревел бульдозер и каким близким казался этот звук.

— В какой стороне находится дом? Тот, где я ночевала? — спросила она.

Грешэм взглянул на солнце, чтобы сориентироваться, потом указал:

— Вон там. Вы как раз стоите лицом в ту сторону.

— Далеко отсюда?

— Сразу за деревьями. Можно дойти пешком.

* * *

Судмедэксперт штата Мэн прибыл из Огаstry спустя полтора часа. Когда он вышел из машины с чемоданчиком в руке, Маура сразу же узнала

мужчину в белом тюрбане, с аккуратно подстриженной бородкой. Она познакомилась с доктором Далджитом Сингхом год назад на конференции патологоанатомов, а в феврале они вместе ужинали, когда он приезжал в Бостон на региональное совещание по судебной медицине. Он был невысок, но в своем безупречном одеянии и традиционном сикхском головном уборе казался более крупным и внушительным. Маура всегда восхищалась его спокойствием и высоким профессионализмом. А еще у него были очень выразительные глаза: блестящие, карие, с такими длинными ресницами, каких она никогда не встречала у мужчин.

Они обменялись рукопожатием — теплое приветствие двух коллег, явно симпатизирующих друг другу.

— Ну, и что ты здесь делаешь, Маура? Мало тебе работы в Бостоне? Хочешь отнять мой хлеб?

— Просто выходные обернулись рабочими буднями.

— Ты осмотрела останки?

Она кивнула, и улыбка померкла на ее губах.

— Там в земле зарыт левый подвздошный гребень. Мы еще не трогали его. Я знала, что для начала тебе захочется увидеть все как есть.

— Других костей не обнаружили?

— Пока нет.

— Ну что ж... — Он окинул взглядом расчищенную поляну, словно размышляя, как лучше добраться до места. Маура отметила, что он приехал подготовленный — в сапогах из каталога «Л. Л. Бин», на вид совсем новых, еще не знавших грязи. — Посмотрим, что там нарыл ваш бульдозер.

Время перевалило за полдень, и жара усилилась, так что лицо Далджита очень скоро покрыл пот. Когда они двинулись через поляну, насекомые радостно набросились на новенького, упиваясь свежей кровью. Детективы Корсо и Йейтс из полиции штата Мэн, прибывшие минут на двадцать раньше, уже рыскали по полю вместе с Баллардом и Грешэмом.

Корсо помахал рукой и крикнул:

— Не так, наверное, хотелось провести воскресный денечек, а, доктор Сингх?

Далджит отмахнулся в ответ и присел на корточки возле находки.

— Здесь когда-то стоял дом, — сказала Маура. — Рабочие обнаружили старый фундамент.

— Но остатков гроба нет?

— Мы не нашли.

Доктор бросил взгляд на груды грязных камней, выкорчеванные пни и истребленные сорняки.

— Этот бульдозер мог разбросать кости повсюду.

— Я нашел кое-что еще! — раздался возглас детектива Йейтса.

— Так далеко? — удивился Далджит, и они с Маурой пересекли поляну и подошли к нему.

— Я осматривал этот участок, и нога застряла в корнях ежевики, — объяснял Йейтс. — Я споткнулся, упал и вдруг вижу... — Маура присела на корточки рядом с ним, и Йейтс осторожно раздвинул колючие корни. Целое облако moskitov поднялось с влажной почвы, едва не ослепив Мауру, которая разглядывала полузасыпанный землей предмет. Череп. Из смотрящей на нее пустой глазницы торчали усики корней ежевики, пробившиеся там, где когда-то находились глаза.

Она взглянула на Далджита.

— У тебя есть секатор?

Доктор открыл свой чемоданчик. Извлек оттуда перчатки, садовые секатор и совок. Они вместе принялись высвобождать череп. Маура обрезала корни, а Далджит осторожно копал землю. Солнце нещадно палило, да и сама земля, казалось, источала жар. Маура несколько раз прерывалась, чтобы отереть пот. Средство от насекомых, которое она нанесла час назад, давно испарилось, и гнусы вновь устремились в атаку.

Маура и Далджит отложили инструменты и начали рыть землю руками в перчатках, то и дело сталкиваясь головами. Пальцы все глубже погружались в прохладную почву, которая уже становилась податливей. Череп был виден уже почти полностью, и Маура, прекратив рыть, устремила взор на височную кость. На обширную трещину, которая теперь хорошо просматривалась.

Они с Далджитом переглянулись, одновременно подумав об одном и том же: «Эта смерть не была естественной».

— Думаю, мы уже все разгребли, — сказал Далджит. — Давай вытаскивать.

Он расстелил пластиковую простыню, а потом обеими руками полез в яму. Бережно извлек оттуда череп и нижнюю челюсть, которые в нескольких местах были скреплены завитками корней. Он выложил сокровище на салфетку.

Некоторое время все молчали. И смотрели на раздробленную височную кость.

Детектив Йейтс указал на блеснувший металлом коренной зуб.

— Это, наверное, пломба? В том зубе? — поинтересовался он.

— Да. Но дантисты использовали амальгамные пломбы сто лет назад, — сказал Далджит.

— Выходит, это все-таки старое захоронение.

— Но где фрагменты гроба? Если это традиционное захоронение, должен быть гроб. И есть еще одна маленькая деталь. — Далджит указал на трещину в черепе. И поднял взгляд на склонившихся над ним детективов. — Каков бы ни был возраст этих останков, думаю, они связаны с преступлением.

Все присутствовавшие столпились вокруг патологоанатомов, и воздух стал таким тяжелым, будто из него выкачали весь кислород. Жужжание moskitov казалось теперь пульсирующим гулом.

«Какая жара», — подумала Маура. Она поднялась, двинулась на непослушных ногах к опушке леса, где раскидистый дуб и клен предлагали столь желанную тень. Присев на камень, она обхватила голову руками и подумала: «Вот что значит не позавтракать».

— Маура! — окликнул ее Баллард. — С вами все в порядке?

— Это все жара. Мне нужно немного остыть.

— Может, воды? Я принесу из машины, если, конечно, вы не брезгуете пить из моей бутылки.

— Спасибо. Было бы неплохо.

Она смотрела ему вслед, пока Рик шел к машине; на спине его рубашки расплылись пятна пота, напоминавшие крылья. Он не стал обходить поляну по краю, а шел напролом, по грязи. Решительный и целеустремленный. Только так мог ходить Баллард — человек, который знал, что нужно делать, и просто делал это.

Бутылка, которую он принес из автомобиля, была теплой. Маура сделала жадный глоток, и вода потекла по подбородку. Опустив бутылку, она обнаружила, что Баллард наблюдает за ней. На мгновение она перестала слышать назойливое жужжание насекомых и бормотание мужчин, которые работали в отдалении. Здесь, в тенистых зарослях деревьев, она могла смотреть только на него. Ощущать его прикосновение, когда он забирал бутылку. Разглядывать его волосы, в которых золотилось солнце, паутинку морщин в уголках глаз. Маура слышала, как ее окликнул Далджит, но не ответила и даже не обернулась; так же как и Баллард, для которого, казалось, время тоже замерло. «Один из нас должен разорвать это наваждение, — пронеслось у нее в голове. — Один из нас должен очнуться. Но, похоже, я на это не способна».

— Маура! — Далджит внезапно оказался рядом, хотя она не слышала, как он подошел. — У нас проблема весьма интересная, — заявил он.

— Какая проблема?

— Пойдем еще раз взглянем на подвздошную кость.

Она медленно поднялась, уже более уверенно держась на ногах; в голове заметно прояснилось. Глоток воды и прохлады придали ей сил. Маура, Баллард и Далджит вернулись к месту первой находки, и она заметила, что доктор Сингх уже провел раскопки: из-под земли теперь торчали и другие кости таза.

— С этой стороны я докопался до крестца, — сказал он. — Так что можно увидеть и выход из таза, и седалищный бугор, вот здесь.

Маура опустила на корточки рядом. Немного помолчала, разглядывая кость.

— В чем проблема? — спросил Баллард.

— Нужно извлечь ее полностью, — сказала она. И взглянула на Далджита. — У тебя есть еще один совок?

Сингх передал ей совок — на мгновение ей показалось, что она сжимает в руке ручку скальпеля. Маура вновь окунулась в работу со всеми ее мрачными подробностями. Стоя на коленях, с совками в руках, они с Далджитом принялись разгребать каменистую почву. Корни деревьев проросли сквозь кости, намертво закрепляя их на месте погребения, поэтому, чтобы освободить кость, пришлось обрубать клубок, похожий на спутанный моток проволоки. Чем глубже они копали, тем сильнее билось сердце у Мауры. Кладоискатели пытались нарыть в земле золото; она же искала секреты. Ответы на вопросы, которые скрывала могила. С каждым взмахом совка кости таза обнажались все больше. Они работали с диким азартом, загоняя совки все глубже и глубже.

Когда наконец кость целиком открылась их глазам, оба от удивления онемели.

Маура поднялась и направилась туда, где до сих пор на пластиковой простыне лежал череп, чтобы взглянуть на него еще раз. Опустившись на колени возле него, она сняла перчатки и провела пальцами по глазнице, ощущая шершавый изгиб надбровной дуги. Затем перевернула череп, чтобы осмотреть затылочный выступ.

Она решительно ничего не понимала.

Маура чувствовала, как от напряжения дрожат колени. Влажная блузка противно липла к телу. На поляне воцарилась тишина, если не считать жужжания насекомых. Со всех сторон ее обступали деревья, строго охраняющие свои тайны. Вглядываясь в эту непроницаемую зеленую стену, она как будто встречала ответный взгляд. Лес наблюдал за ней. Ждал от нее следующего шага.

— Что такое, доктор Айлз?

Она подняла взгляд на детектива Корсо.

— У нас проблема, — ответила она. — Этот череп...

— Что с ним?

— Видите эти тяжелые дуги над глазами? А теперь посмотрите сюда, на основание черепа. Если вы проведете по нему пальцем, то почувствуете шишку. Она называется затылочным выступом.

— Ну и...

— В этом месте к черепу крепится вейная связка, соединяющая голову с мышцами задней стороны шеи. Тот факт, что выпуклость слишком большая, свидетельствует о крепкой мускулатуре. С большой долей вероятности можно предположить, что это череп мужчины.

— Ну и в чем проблема?

— Кости таза, которые мы обнаружили, принадлежат женщине.

Корсо ошалело уставился на нее. Потом перевел взгляд на Сингха.

— Я полностью согласен с доктором Айлз, — сказал Далджит.

— Но это означает...

— Что мы имеем дело с останками двух совершенно разных людей, — закончила за него Маура. — Мужчины и женщины. — Она поднялась и встретила взглядом с Корсо. — Вопрос в том, сколько еще людей здесь погребено.

На мгновение Корсо, казалось, лишился дара речи. Потом повернулся и окинул поляну медленным взглядом, словно впервые видел ее.

— Комиссар Грешэм, — сказал он, — нам понадобятся люди. И много. Полицейские, пожарные. Я вызову бригаду из Огасты, но их нам мало. Во всяком случае, на такой объем работ.

— И сколько, по-вашему, нужно людей?

— А сколько нужно, чтобы все здесь осмотреть? — Корсо оглядел заросли деревьев. — Нам придется прочесывать всю местность. Поляну, леса. Если здесь и вправду погребено больше, чем двое, я намерен найти всех остальных.

Джейн Риццоли выросла в бостонском пригороде Ревер, прямо за мостом Тобин-Бридж. Это рабочий район, застроенный приземистыми домиками с малюсенькими участками, где каждый год четвертого июля на задних дворах жарились хот-доги, а над крылечками гордо развевались американские флаги. Семья Риццоли знавала взлеты и падения, в числе которых было несколько кошмарных месяцев, когда отец потерял работу. Джейн тогда было десять лет. В этом возрасте она уже понимала страх матери и проникалась злобным отцовским отчаянием. Она и двое ее братьев знали, что такое жизнь на грани краха, и, хотя у Джейн уже давно был стабильный достаток, далекое детство нет-нет, да и напоминало о себе тревожным шепотком. Она никогда не забывала своих корней, и в ней до сих пор жила девчонка из Ревера, мечтавшая о большом доме с красивой лужайкой, в котором будет несколько ванных комнат и не придется каждое утро колотить в дверь, заявляя свои права на очередь в душ. О доме с кирпичной трубой, двустворчатой входной дверью и медным дверным молотком. Жилище, которое она сейчас разглядывала из окна своего автомобиля, имело все эти атрибуты и даже больше: медный молоток, двустворчатая дверь и не одна труба, а целых две. Все, о чем она когда-то мечтала.

Но более уродливого дома она еще не встречала.

Остальные строения на Ист-Дедхам-стрит вполне соответствовали уровню среднего класса: гаражи на две машины и аккуратные лужайки. У ворот припаркованы автомобили последних моделей. Никакой помпезности, ничего кричащего: «Посмотри на меня!». А этот дом — нет, он не просто обращал на себя внимание. Он словно бы вопил, чтобы его заметили.

Так бы наверняка выглядел особняк Тара из «Унесенных ветром», если бы вдруг торнадо перенес его на городской участок.

Двора как такового не было и в помине — так, узкая полоска земли по периметру, на которую даже нельзя было втиснуть газонокосилку. Белые колонны поддерживали парадное крыльцо, с которого Скарлет О'Хара могла бы любоваться движением транспорта по Спраг-стрит. Дом навеял воспоминания об их реверском соседе Джонни Сильве, который потратил весь свой первый заработок на вишнево-красный «Корветт». «Пускает пыль в глаза, — сказал тогда ее отец. — Денег нет даже на то, чтобы

съехать от родителей, а он покупает себе роскошную спортивную машину. Самые большие неудачники покупают самые крутые машины».

«Или строят себе самые большие дома», — подумала она, разглядывая Тару на Спраг-стрит.

Она ловко высвободила свой огромный живот из-под рулевого колеса. Когда она поднималась по ступеням крыльца, ребенок исполнял чечетку на ее мочевом пузыре. «Никуда не денешься, — подумала она. — Придется проситься в туалет». Дверной звонок не просто звонил, он издавал долгий низкий звук словно колокол, созывающий на молебен.

Блондинка, открывшая дверь, казалось, была здесь совершенно не к месту. Ничего общего со Скарлет О'Хара — скорее, классическая Барби с пышными волосами, пышным бюстом, утянутая в розовый капроновый спортивный костюм. Лицо ее было напрочь лишено выразительности — не иначе как после инъекций ботокса.

— Я детектив Риццоли, хотела бы встретиться с Теренсом Ван Гейтсом. Я вам уже звонила.

— Да-да, Терри ждет вас. — Девичий голос, высокий и слащавый. В малых дозах вполне сносный, но уже через час он покажется вам отвратительнее, чем поскребывание ногтей по школьной доске.

Риццоли шагнула в холл, где сразу же наткнулась на гигантскую картину маслом. Она изображала Барби в зеленом вечернем платье, стоящую возле огромной вазы с орхидеями. Все в этом доме казалось безразмерным. Картины, потолки, груди.

— В его офисе идет ремонт, так что он сегодня работает дома. Прямо по коридору и направо.

— Простите... мне очень неловко, но я не знаю вашего имени.

— Бонни.

Бонни, Барби. Вполне созвучно.

— Вы, видимо... госпожа Ван Гейтс? — спросила Риццоли.

— Ага.

Жена-трофей. Ван Гейтсу, должно быть, около семидесяти.

— Могу я воспользоваться туалетом? Мне сейчас приходится бегать туда каждые десять минут.

И тут Бонни заметила, что Риццоли беременна.

— Ах, дорогуша! Конечно. Уборная вон там.

Риццоли никогда еще не видела туалета в карамельно-розовых тонах. Унитаз возвышался на подиуме словно трон, а рядом на стене висел телефон. Неужели кому-то приспичит вести деловые переговоры, не отрываясь от других дел, не менее важных? Она вымыла руки розовым

мылом над розовой мраморной раковиной, вытерла их розовым полотенцем и вышла в коридор.

Бонни исчезла, но сверху доносились звуки музыки и топот ног. Вероятно, Бонни выполняла свои упражнения. «Мне тоже потом придется попотеть, чтобы вернуть форму, — подумала Риццоли. — Но я не стану делать это в таком розовом скафандре».

Она направилась по коридору в поисках кабинета Ван Гейтса. Сначала заглянула в просторную гостиную с белым роялем, белым ковром и белой мебелью. Белая комната, розовая комната. Что дальше? В коридоре ей встретился еще один портрет Бонни, на этот раз в образе греческой богини — белое платье-туника, сквозь прозрачную ткань просвечивают соски. Боже, этим людям место в Лас-Вегасе!

Наконец она добралась до кабинета.

— Господин Ван Гейтс! — окликнула она хозяина.

Мужчина, сидевший за столом вишневого дерева, оторвался от бумаг, и Джейн увидела водянистые голубые глаза, немолодое лицо в складках, с отвисшим подбородком, волосы... Боже, что за оттенок? — то ли желтые, то ли оранжевые. Окрас явно получился по недоразумению, плохая работа парикмахера.

— Детектив Риццоли? — осведомился он и уставился на ее живот. Как будто никогда не видел беременного копа!

«Смотри на меня, а не на живот». Риццоли подошла к столу и протянула руку для пожатия. Заметила предательски торчащие на его голове клочки пересаженных волос — последняя отчаянная попытка повернуть время вспять. Издержки обладания женой-трофеем.

— Присаживайтесь, присаживайтесь, — сказал он.

Джейн устроилась в гладком кожаном кресле. Оглядевшись по сторонам, она отметила, что декор кабинета радикально отличался от интерьера остальных помещений. Он был выполнен в традиционном адвокатском стиле, с обилием кожи и темного дерева. Полки из красного дерева были забиты юридической литературой. Ни намек на розовый цвет. Было совершенно очевидно, что это его вотчина — зона, свободная от Бонни.

— Даже не знаю, чем могу вам помочь, детектив, — начал он. — Удочерение, которое вас интересует, состоялось сорок лет назад.

— Ну, не такая уж древняя история.

Он рассмеялся.

— Думаю, вас в то время еще и на свете не было.

Интересно, это намек? Пытается сказать: ты, мол, слишком молода,

чтобы беспокоить меня такими расспросами?

— Разве вы не помните имена участвовавших в сделке людей?

— Я просто хочу сказать, что это было очень давно. В то время я только-только стал юристом. Работал в арендуемом офисе с арендованной мебелью и даже без секретаря. Сам отвечал на телефонные звонки. Я брался за любые дела — будь то разводы, усыновления или вождение в нетрезвом состоянии. За все, что позволяло мне оплачивать аренду.

— И, разумеется, у вас сохранились все материалы по этим делам. Даже самым давним.

— Они в архиве.

— В каком?

— В Квинси. Но, прежде чем мы продолжим, я должен вам кое-что сказать. Стороны, участвовавшие в интересующей вас сделке, просили об абсолютной конфиденциальности. Биологическая мать не хотела, чтобы ее имя было предано огласке. Все материалы давно опечатаны.

— Речь идет о расследовании убийства, господин Ван Гейтс. Одна из приемных дочерей погибла.

— Да, я знаю. Но я не вижу связи с удочерением сорокалетней давности. Какое это может иметь отношение к вашему расследованию?

— Зачем вам звонила Анна Леони?

Он явно опешил. И, что бы он потом ни говорил, это не могло замаскировать первоначальную реакцию — выражение крайней растерянности.

— Простите? — переспросил он.

— За день до убийства Анна Леони позвонила вам в офис из своего номера в отеле «Тремонт». Мы получили распечатку ее телефонных звонков. Ваш разговор длился тридцать семь минут. Так вот мне кажется, что эти тридцать семь минут вы должны были о чем-то говорить. Не могли же вы заставить бедняжку так долго ждать на линии?

Он не ответил.

— Господин Ван Гейтс!

— Этот... этот разговор был конфиденциальным.

— Мисс Леони была вашей клиенткой? Вы выставили ей счет за эту консультацию по телефону?

— Нет, но...

— Выходит, вы не связаны обязательствами по отношению к этому клиенту.

— Да, но я связан обязательством по отношению к другому клиенту, который просил о конфиденциальности.

— К биологической матери.

— Да, она была моей клиенткой. Она отказалась от своих детей с одним условием — что ее имя навсегда останется в тайне.

— Это было сорок лет назад. Возможно, она уже передумала.

— Понятия не имею. Я не знаю, где она сейчас. Я даже не знаю, жива ли она вообще.

— Поэтому звонила Анна? Узнать о своей матери?

Он откинулся на спинку кресла.

— Усыновленные дети часто интересуются своим происхождением. Для некоторых оно становится навязчивой идеей. И тогда они начинают охотиться за документами. Вбухивают тысячи долларов, доводят себя до инфаркта в поисках матерей, которые вовсе не желают быть найденными. И, если они все-таки находят их, конец редко бывает как в сказке. Но она искала именно это, детектив. Сказку. Иногда лучше забыть о корнях и продолжать жить своей жизнью.

Риццоли подумала о своем детстве, о своей семье. Она всегда знала, кто она. Видела своих бабушек и дедушек, родителей, замечала в их лицах свои черты. Она была одной из них, вплоть до ДНК, и, как бы порой ни раздражали ее родственники, Джейн знала, что они одной крови.

А вот Маура Айлз никогда не видела своих родных. Может быть, идя по улице, она искала в лицах прохожих похожие черты?

Знакомый изгиб губ или носа? Риццоли очень хорошо понимала отчаянное желание докопаться до своих корней. Узнать, что ты не оторванный побег, а ветка дерева с глубокими корнями.

Она посмотрела в глаза Ван Гейтсу.

— Кто мать Анны Леони?

Он покачал головой.

— Я вынужден вновь повторить. Это никак не связано с вашим...

— Позвольте мне решать. Назовите имя.

— Зачем? Чтобы вы разрушили жизнь женщины, которой совсем не хочется вспоминать об ошибках молодости? При чем здесь ваше убийство?

Риццоли подалась вперед, опершись ладонями о стол. Агрессивно вторгаясь на его территорию. Сладкая малышка Барби, возможно, не решилась бы на такое, но ей, полицейской девчонке из Ревера, все было нипочем.

— Мы можем через суд поднять ваши документы. Но сейчас я прошу вас об этом вежливо.

Некоторое время они в упор смотрели друг на друга. Потом он издал вздох, означающий капитуляцию.

— Хорошо, я больше не вынесу этого. Я скажу вам, и на этом все, договорились? Имя матери Амальтея Лэнк. Ей было двадцать четыре года. И ей очень нужны были деньги, очень.

Риццоли нахмурилась.

— Вы хотите сказать, что она получила деньги за то, что отказалась от своих детей?

— Ну...

— Сколько?

— Сумма была значительная. Достаточная для того, чтобы начать новую жизнь.

— Сколько?

Он моргнул.

— Двадцать тысяч долларов за каждую.

— За каждую дочь?

— Две счастливые семьи получили по ребенку. Она ушла с наличными. Поверьте мне, приемные родители платят сегодня намного больше. Знаете, как трудно в наше время усыновить здорового белого ребенка? Тем более что его еще поискать надо. В общем, есть спрос и есть предложение, вот и все.

Риццоли откинулась в кресле, с ужасом представляя себе женщину, которая смогла продать собственных детей за холодную твердую наличность.

— Это все, что я могу рассказать вам, — произнес Ван Гейтс. — Если вы хотите узнать больше, возможно, вам, полицейским, лучше поговорить между собой. Вы сэкономите много времени.

Последние слова озадачили ее. Потом она вспомнила, что он сказал чуть раньше: «Я больше не вынесу этого».

— Кто еще наводил справки об этой женщине? — поинтересовалась она.

— Вы все действуете по одной схеме. Приходите, угрожаете, что сделаете мою жизнь несчастной, если я не стану сотрудничать...

— Это был полицейский?

— Да.

— Кто?

— Я не помню. Это было несколько месяцев назад. Я запомнил его имя.

— А почему он интересовался?

— Потому что она подключила его к этому делу. Они приходили вместе.

— Анна Леони приходила с ним?

— Он помогал ей. Делал любезность. — Ван Гейтс фыркнул. — Всем бы нам таких любезных полицейских!

— Это было несколько месяцев назад? Они приходили к вам вместе?

— Я же только что сказал.

— И вы назвали ей имя матери?

— Да.

— Тогда зачем Анна звонила вам на прошлой неделе, если она уже знала имя матери?

— Потому что увидела какую-то фотографию в «Бостон глоуб». Там была женщина, похожая на нее как две капли воды.

— Доктор Маура Айлз.

Он кивнул.

— Мисс Леони напрямую спросила меня, и я ей сказал.

— Что сказали?

— Что у нее есть сестра.

Кости изменили все.

Маура планировала в тот же вечер вернуться в Бостон. Вместо этого она забежала в коттедж, переоделась в джинсы и майку, а потом на своей машине вернулась на поляну. «Побуду еще немного, — решила она, — а часа в четыре уеду». Но день уже был в разгаре, а когда прибывшая из Огасты бригада криминалистов и поисковые группы принялись прочесывать местность, Маура и вовсе потеряла счет времени. Прервалась лишь на минутку, чтобы с жадностью уплести сэндвич с курицей, который привезли вновь прибывшие. Еда сильно отдавала средством от насекомых, которым Маура обильно сбрызнула лицо, но она была так голодна, что с удовольствием вгрызалась в хрустящую корочку хлеба. Утолив голод, она снова натянула перчатки, схватила совок и опустилась на колени рядом с доктором Сингхом.

Так миновало время запланированного отъезда.

Картонные коробки постепенно наполнялись останками. Ребра и поясничные позвонки. Бедренные и большеберцовые кости. На самом деле бульдозер раскидал кости не так уж далеко. Женские останки оказались в радиусе двух метров; мужские застряли в паутине ежевичных корней и лежали довольно компактно. Похоже, трупов было всего два, но на то, чтобы откопать их, ушел весь день. Увлечшись раскопками, Маура не смогла заставить себя уехать, ведь каждое движение совка сулило новый трофей. А вдруг найдется пуговица, пуля или зуб? Студенткой Стэнфордского университета она провела целое лето на археологических раскопках в Баха. Хотя жара тогда стояла не чета нынешней и единственным источником тени служила ее широкополая шляпа, она не прекращала работу даже в самое пекло, одержимая азартом кладоискателей, которые верили, что до бесценного сокровища рукой подать. Вот и сейчас она была во власти той же горячки, несмотря на колючие сорняки и жадную до крови мошкарку. Она же заставила ее копать целый день, а потом и вечер, когда небо заволочло грозовыми тучами. И вдалеке прогремел гром.

К этому азарту примешивалось еще и тайное волнение, которое она испытывала всякий раз, когда к ней приближался Рик Баллард.

Даже ковыряясь в грязи, распутывая корни, она ощущала его присутствие. Его голос, его близость. Это он принес ей бутылку воды,

передал сандвич. Он положил руку ей на плечо и поинтересовался, как она себя чувствует. Ее коллеги-мужчины редко прикасались к ней. Возможно, причиной тому была ее холодность или исходивший от нее молчаливый сигнал, который предупреждал, что физический контакт ей неприятен. Но Баллард без тени смущения обнимал ее за плечи, клал руку ей на спину.

Она вспыхивала от его прикосновений.

Когда криминалисты начали убирать свои инструменты, она с удивлением обнаружила, что уже семь вечера и смеркается. Мышцы ныли, одежда была мокрой и грязной. Она встала, ощущая невероятную слабость в ногах. Далджит заклеил скотчем обе коробки с останками, и они понесли их через участок к машине Сингха.

— С тебя ужин, Далджит, — сказала она.

— В ресторане «Жульен», обещаю. Как только приеду в Бостон.

— Учти, я все помню.

Он загрузил коробки в багажник и захлопнул дверцу. Потом они пожали друг другу руки — одинаково грязные. Она помахала ему вслед. Поисковые группы в основном разъехались; на поле осталось всего несколько машин.

Среди них был и «Эксплорер» Балларда.

Она задержалась в сгущающихся сумерках и оглядела поляну. Он стоял у кромки леса спиной к ней и беседовал с детективом Корсо. Она помедлила еще немного, надеясь, что он заметит ее.

И что потом? Что между ними может быть?

«Убирайся отсюда, если не хочешь выглядеть идиоткой».

Она резко развернулась и поспешила к своей машине. Завела стартер и сорвалась с места так быстро, что взвизгнули шины.

Вернувшись в коттедж, она скинула с себя грязную одежду. Долго стояла под душем и дважды намыливалась, чтобы смыть остатки маслянистого средства от moskitov. Выйдя из ванной, она обнаружила, что переодеться не во что. Она ведь планировала провести в Фокс-Харборе всего одну ночь.

Она открыла дверцу шкафа и оглядела гардероб Анны. Вся одежда была ее размера. А что еще оставалось делать? Она достала летнее платье из белого хлопка, немного девчоночье, как ей показалось, но весьма подходящее для теплого вечера. Надевая его, она ощутила ласковое прикосновение ткани и задалась вопросом: когда в последний раз оно скользило по бедрам Анны, когда она завязывала пояс на талии? Он был замят на том месте, где находился узел. «Все, что я вижу здесь, к чему прикасаюсь, хранит ее отпечаток», — пронеслось в голове у Мауры.

Телефонный звонок заставил ее обернуться. Еще не сняв трубку, она уже знала, что это Баллард.

— Я не заметил, как вы уехали, — сказал он.

— Я торопилась в душ. Вид у меня был неважный.

Он рассмеялся.

— Я выгляжу не лучше.

— Когда вы возвращаетесь в Бостон?

— Сегодня уже поздно. Думаю, останусь еще на одну ночь. А вы?

— Мне тоже не хочется уезжать сегодня.

Короткая пауза.

— Вы нашли, где остановиться? — спросила она.

— У меня с собой палатка и спальный мешок. Остановлюсь в кемпинге по дороге.

Ей хватило пяти секунд, чтобы принять решение. Пять секунд, чтобы взвесить все. Обдумать последствия.

— Здесь есть свободная комната, — сказала она. — Можете переночевать в ней, если хотите.

— Мне совсем не хочется обременять вас своим присутствием.

— Но она все равно пустует, Рик.

Пауза.

— Я с радостью соглашусь. Но с одним условием.

— Что такое?

— Я привезу вам ужин. Здесь на Мэйн-стрит есть ресторан, который торгует на вынос. Правда, там нет ничего особенного, разве что отварные лобстеры.

— Не знаю, как насчет вас, Рик. Но в моем понимании лобстеры — это нечто особенное.

— Что будете пить — вино или пиво?

— Сегодня хочется пива.

— Я буду через час. Не перебивайте аппетит.

Она повесила трубку и вдруг поняла, что умирает с голоду. Еще совсем недавно она чувствовала себя настолько усталой, что не могла думать о поездке в город, решила обойтись без ужина и просто плюхнуться в постель. Но теперь ей хотелось не только поужинать, но еще и пообщаться.

Она слонялась по дому, раздираемая противоречивыми желаниями. Всего несколько дней назад она ужинала в компании Даниэла Брофи. Но церковь уже давно наложила запрет на святого отца, и она даже не смела надеяться на какое бы то ни было продолжение. Безнадежные варианты, возможно, соблазнительны, но редко приносят счастье.

С улицы слышались раскаты грома, и Маура подошла к обтянутой сеткой двери. Сумерки сгустились, и стало совсем темно. Хотя вспышек молнии видно не было, но сам воздух, казалось, был наэлектризован. В нем сгустились надежды и желания. По крыше застучали первые капли дождя. Поначалу это были робкие удары, но вскоре небо как будто разверзлось, обрушив на дом сотню барабанщиков, которые нещадно колотили по крыше. Потрясенная мощью грозы, она вышла на крыльцо, чтобы поглядеть на стену дождя и ощутить, как долгожданные порывы прохладного ветра колышут ее платье и волосы.

Серебристую пелену ливня прорезал свет фар.

Маура замерла, и, когда машина притормозила у дома, ее сердце застучало в такт дождю. Из автомобиля выбрался Баллард с большим пакетом и упаковкой пивных бутылок. Пригнув голову, он резво взбежал по ступенькам на крыльцо.

— Вот уж не думал, что здесь придется плавать, — сказал Рик.

Она рассмеялась.

— Проходите, я дам вам полотенце.

— Вы не возражаете, если я запрыгну в ваш душ? Мне ведь так и не удалось ополоснуться.

— Вперед. — Она взяла у него пакет с едой. — Ванная прямо по коридору. В шкафу чистые полотенца.

— Только достану свою сумку из багажника.

Маура отнесла пакет на кухню, поставила пиво в холодильник. Она слышала, как хлопнула входная дверь, когда Рик вернулся в дом. И уже через мгновение в душе зашумела вода.

Она присела к столу и глубоко вздохнула. «Это всего лишь ужин, — подумала она. — Всего лишь ночь под одной крышей». Она вспомнила, как недавно готовила ужин Даниэлу, и тот вечер с самого начала был совсем другим. Глядя на Даниэла, она понимала, что он недостижим. «А что я понимаю, глядя на Рика? Может быть, я возомнила себе больше, чем следует».

Шум воды в ванной стих. Маура сидела неподвижно, вслушиваясь в воцарившуюся тишину, и ее чувства обострились до предела, так что она кожей ощущала даже движение воздуха. Скрипнули половицы, и благоухающий мылом Баллард, одетый в голубые джинсы и свежую рубашку, внезапно возник в дверях кухни.

— Надеюсь, вы не против компании босоногого мужчины, — сказал он. — Мои ботинки такие грязные, что в них нельзя ходить по дому.

Маура рассмеялась.

— Тогда я тоже буду бегать босиком. Сделаем вид, что у нас пикник. — Она скинула сандалии и прошла к холодильнику. — Готовы выпить пива?

— Я был готов уже несколько часов назад.

Она откупила две бутылки, одну из которых протянула Рику. Потягивая пиво, она наблюдала, как он задрал голову и сделал долгий жадный глоток. «Даниэла я никогда не увижу таким, — отметила она про себя. — Беззаботным и босым, с волосами, влажными после душа».

Она отвернулась и заглянула в пакет с едой.

— Ну, и чем будете угощать?

— Позвольте мне. — Подойдя к ней, он полез в пакет и принялся выкладывать на рабочую поверхность кухонного столика завернутые в фольгу формочки. — Печеный картофель. Сливочное масло. Кукуруза в початках. И главное блюдо. — Он извлек большой контейнер и, сняв крышку, продемонстрировал двух ярко-красных лобстеров, еще пышущих паром.

— Как же мы их разделаем?

— Не знаете, как управляться с этими чудовищами?

— Надеюсь на вас.

— Ничего сложного. — Он достал из пакета два комплекта щипцов. — Готовы к хирургической операции, доктор?

— Ну вот, теперь я начинаю нервничать.

— Все дело в технике. Но сначала нам нужно приодеться.

— Что, простите?

Он опять полез в пакет и на этот раз извлек оттуда два пластиковых нагрудника.

— Да вы что!

— Думаете, в ресторанах выдают эти штуки, чтобы выставить туристов идиотами?

— Да.

— Давайте-ка, включайтесь в игру. Не стоит пачкать это изумительное платье. — Он встал у нее за спиной и принялся повязывать нагрудник. Пока он возился с тесемками, она чувствовала его дыхание на своих волосах. От прикосновений его пальцев по спине пробежала дрожь.

— Теперь ваша очередь, — тихо произнесла она.

— Моя?

— Не одной же мне выглядеть нелепо.

Он вздохнул и повязал себе нагрудник. Они посмотрели друг на друга, в одинаковых слюнявчиках с мультяшными лобстерами на груди, и

приснули от смеха. Так, смеясь, они и устроились за столом. «Несколько глотков пива на голодный желудок, и я уже себя не контролирую, — подумала она. — Но это так здорово!»

Он взял щипцы.

— Итак, доктор Айлз, приступим. Готовы к операции?

Она сжала в руке щипцы, как сжимает скальпель хирург, собирающийся сделать первый надрез.

— Готова.

Дождь все еще барабанил по крыше, когда они отламывали клешни и крошили панцири, чтобы добраться до лакомых кусочков мяса. Они ели руками, словно забыв о вилках, маслянистыми пальцами откупоривали новые бутылки пива, разламывали теплые печеные картофелины. В этот вечер хорошие манеры были благополучно позабыты; это был пикник, и они, босые, сидели за столом, облизывая пальцы. И украдкой поглядывали друг на друга.

— Так гораздо веселее, чем с ножом и вилкой, — призналась она.

— Вы никогда раньше не ели лобстер руками?

— Хотите верьте, хотите нет, но мне впервые приходится иметь дело с неочищенным лобстером. — Она потянулась к салфетке и обтерла жирные пальцы. — Я ведь не из Новой Англии. Переехала сюда всего два года назад из Сан-Франциско.

— Вы меня немного удивили.

— Чем?

— Вы производите впечатление настоящей янки.

— В каком смысле?

— Самодостаточная. Сдержанная.

— Я стараюсь.

— Хотите сказать, что на самом деле вы другая?

— Все мы играем роли. На работе я прячусь за маской официоза. Там я исключительно доктор Айлз.

— А когда вы с друзьями?

Она отхлебнула пива и медленно опустила бутылку на стол.

— Пока у меня не так много друзей в Бостоне.

— Да, для этого нужно время. Особенно приезжим.

Приезжая. Да, именно так она чувствовала себя в Бостоне. Она видела, как полицейские похлопывают друг друга по спинам. Слышала, как они обсуждают барбекю и софтбол, на которые ее никогда не приглашали, потому что она не была копом. Ученая степень доктора медицины отгораживала ее от других невидимой стеной. Коллеги медики из бюро

судмедэкспертизы, все женатые, тоже не знали, что с ней делать. Симпатичные разведенные женщины неудобны в компании. Представляют собой либо угрозу, либо искушение, и никому не хотелось лишних проблем.

— Так что привело вас в Бостон? — поинтересовался он.

— Мне казалось, что нужно круто изменить жизнь.

— Карьерный рост?

— Нет, совсем не это. Я была вполне счастлива в медицинской школе. Занималась вскрытиями в университетском госпитале. К тому же у меня была возможность работать с талантливой молодежью.

— Ну, если не работа, тогда любовь.

Она оглядела стол с остатками ужина.

— Вы угадали.

— Сейчас вы скажете, что это не мое дело.

— Я разошлась с мужем, вот и все.

— Что-нибудь хотите рассказать?

Она пожала плечами.

— Что рассказывать? Виктор — яркая, харизматическая личность...

— Эй, я уже начинаю ревновать.

— Но быть женой такого человека трудно. Жизнь слишком насыщена. В большом огне быстро сгораешь. А он... — Маура запнулась.

— Что?

Она потянулась за пивом. Медленно отпила из бутылки, потом поставила ее на стол.

— Он был не до конца честен со мной, — закончила она. — Вот и все.

Она понимала, что Рику хочется узнать больше, но он все же уловил нотку завершенности в ее голосе: «Все, достаточно расспросов». Он встал из-за стола и залез в холодильник за пивом. Откупорил еще две бутылки и поставил одну перед ней.

— Если мы станем говорить о наших бывших супругах, — сказал он, — нам понадобится еще много пива.

— Тогда не будем. Если это больно.

— Возможно, нам больно, потому что мы не говорим об этом.

— Еще ни у кого не возникало желания слушать про мой развод.

Он сел к столу и в упор посмотрел на нее.

— Значит, я буду первым.

«Никогда еще мужчина не смотрел на меня так пристально», — думала Маура, не в силах отвести взгляд. Она стала дышать глубже, втягивая в себя запахи дождя и жирный чувственный аромат расплавленного сливочного

масла. Она смотрела на него и видела как будто впервые, подмечая детали, на которые прежде не обращала внимания. Проблески седины в волосах. Шрам на подбородке — еле заметная белая ниточка под губой. Передний зуб со щербинкой. «Я встретила с ним совсем недавно, — подумала она, — а он смотрит на меня так, будто мы знакомы всю жизнь». Из спальни донеслась слабая телефонная трель, но ей не хотелось вставать. Телефон звонил долго, потом замолк. Не в ее правилах пропускать звонки, но сегодня все было по-другому. Она сама была другой. Беспечной. Женщиной, которая не подходит к телефону и ест руками.

Женщиной, которая может переспать с почти незнакомым мужчиной.

Телефон вновь напомнил о себе.

На этот раз звонки были слишком настойчивыми, и их непросто было проигнорировать. Она неохотно встала из-за стола.

— Думаю, лучше ответить.

К тому времени как она дошла до спальни, телефон затих. Она вызвала голосовую почту и услышала два новых сообщения, оба от Риццоли.

— Доктор, мне необходимо поговорить с вами. перезвоните мне.

Второе сообщение прозвучало ворчливо:

— Это опять я. Почему не отвечаете?

Маура села на кровать. И, глядя на матрас, невольно поймала себя на мысли, что вдвоем здесь не уместиться. Она встряхнула головой, стремясь выбросить из нее все эти глупости, и, глубоко вздохнув, набрала номер Риццоли.

— Вы где? — осведомилась Риццоли.

— Все еще в Фокс-Харборе. Извините, я не успела снять трубку.

— Вы уже виделись с Баллардом?

— Да, мы только что закончили ужинать. Откуда вы узнали, что он здесь?

— Он звонил мне вчера, спрашивал, куда вы уехали. Я так поняла, что он собирался в те же края.

— Он в соседней комнате. Хотите, чтобы я позвала его?

— Нет, я хочу поговорить с вами. — Риццоли немного помолчала. — Сегодня я была у Теренса Ван Гейтса.

Неожиданная смена темы подействовала на Мауру как удар плетью.

— Что? — удивленно спросила она.

— У Ван Гейтса. Вы же сами сказали, что он тот адвокат, который...

— Да, я знаю, кто это. И что он сказал?

— Кое-что интересное. Об удочерении.

— Неужели он говорил с вами об этом?

— Да, просто поразительно, как некоторые типы раскрываются, стоит показать им удостоверение. Так вот он поведал, что ваша сестра приходила к нему несколько месяцев назад. Так же, как и вы, пыталась отыскать свою родную мать. Он дал ей от ворот поворот, как и вам. Мол, документы опечатаны, мать просила сохранить конфиденциальность, ну и все такое прочее. Вскоре она вернулась со своим другом, который в итоге убедил Ван Гейтса в том, что в его же интересах назвать имя матери.

— И он назвал?

— Да.

Маура так крепко прижимала трубку к уху, что слышала, как пульсирует кровь в висках.

— Вы знаете, кто моя мать, — тихо произнесла она.

— Да. Но это еще не все...

— Назовите мне ее имя, Джейн.

Пауза.

— Лэнк. Ее зовут Амальтея Лэнк.

«Амальтея. Мою мать зовут Амальтея».

Маура шумно выдохнула.

— Спасибо вам! Господи, даже не верится, что я наконец знаю...

— Подождите. Я еще не закончила.

В голосе Риццоли Маура уловила угрожающие нотки. Должно последовать что-то плохое. Что-то неприятное для нее.

— Что еще?

— Хотите знать, кто тот приятель Анны, который говорил с Ван Гейтсом?

— Да.

— Рик Баллард.

Маура оцепенела. С кухни доносился звон посуды, шипение льющейся из-под крана воды. «Я провела с ним целый день, и вдруг оказывается, что я совершенно не знаю, какой он человек».

— Доктор!

— Тогда почему он не сказал мне об этом?

— Я знаю, почему.

— Почему?

— Будет лучше, если вы сами спросите у него. Заодно попросите рассказать и все остальное.

Вернувшись на кухню, Маура обнаружила, что Рик уже убрал со стола, а панцири лобстеров выбросил в мусорную корзину. Он мыл руки под краном и не замечал, что она наблюдает за ним, стоя в дверях.

— Что вам известно об Амальтее Лэнк? — спросила Маура.

Он не обернулся, но было заметно, как напряглась его спина. Последовала долгая пауза. Он потянулся к кухонному полотенцу и стал медленно вытирать руки. «Нарочно тянет время, чтобы как-нибудь выкрутиться», — подумала она. Сейчас она не смогла бы принять ни единого довода, и что бы он ни сказал, ничего уже не могло растопить лед ее недоверия.

Наконец Рик повернулся к ней.

— Я надеялся, что вы этого не узнаете. Знакомство с Амальтеей Лэнк не доставит вам удовольствия, Маура.

— Она действительно моя мать? Черт возьми, скажите мне правду наконец.

Он неохотно кивнул.

— Да. Она ваша мать.

Ну, вот он и сказал это. Все подтвердил. Она молчала, пытаясь осмыслить тот факт, что он скрывал от нее столь важную информацию. Он смотрел на нее с участием.

— Почему вы не сказали мне раньше? — спросила она.

— Я думал исключительно о вас, Маура. Все это в ваших же интересах...

— Правда не входит в число моих интересов?

— В данном случае нет. Не входит.

— Что это значит, черт возьми?

— Я совершил ошибку с вашей сестрой, серьезную ошибку. Она так отчаянно хотела найти свою мать, что я решил помочь ей. Я понятия не имел, чем все это обернется. — Он шагнул к ней. — Я пытался уберечь вас, Маура. Я видел, что стало с Анной. И не хотел, чтобы то же самое произошло с вами.

— Я не Анна.

— Но вы такая же, как она. Вы настолько похожи на нее, что это меня пугает. Дело даже не во внешнем сходстве, а в том, что вы думаете так же, как она.

Она саркастически усмехнулась.

— Так вы уже способны читать мои мысли?

— Не мысли. Ваш характер. Анна была упрямой. Если хотела что-то узнать, она шла напролом. И вы тоже не остановитесь, пока не докопаетесь

до истины. Точно так же, как сегодня копали в лесу. Это ведь была не ваша работа, вы не несете за нее ответственность. Вы могли и не участвовать в этом деле, если бы не ваше обостренное любопытство. И упрямство. Вы хотели найти эти кости, и вы это сделали. Такой же была и Анна. — Он вздохнул. — Мне просто жаль, что она все-таки нашла то, что искала.

— Каким человеком была моя мать, Рик?

— Женщина, знакомству с которой вы не обрадуетесь.

До Мауры не сразу дошел смысл его ответа. «Он говорит в настоящем времени».

— Моя мать жива?

Он неохотно кивнул.

— И вы знаете, где ее найти.

Он не ответил.

— Черт возьми, Рик! — взорвалась она. — Почему вы не можете просто сказать мне?

Он подошел к столу и сел, как будто у него уже не было сил продолжать эту битву.

— Потому что я знаю: это причинит вам боль. Тем более учитывая, кто вы. Я имею в виду вашу работу.

— При чем здесь моя работа?

— Вы связаны с правоохранительными структурами. Помогаете вершить правосудие над убийцами.

— Я не вершу правосудие. Я только предоставляю факты. Иногда эти факты оказываются неприятными для вас, полицейских.

— Но вы работаете на нашей стороне.

— Нет. На стороне жертвы.

— Хорошо, пусть будет так. Именно поэтому вам не понравится то, что я расскажу о ней.

— Пока вы мне ни слова не сказали.

Он вздохнул.

— Хорошо. Может, для начала лучше сказать вам, где она находится?

— Расскажите.

— Амальтея Лэнк — женщина, которая отказалась от вас, — находится в заключении в исправительной колонии города Фрэммингэм, штат Массачусетс.

Почувствовав слабость в ногах, Маура опустилась на стул. Локоть заскользил в лужице растопленного масла, которая растеклась по столу. Воспоминание о веселом ужине, которым они наслаждались всего час назад, прежде чем в ее жизни произошел резкий поворот.

— Моя мать в тюрьме?

— Да.

Маура уставилась на него, не в силах задать следующий очевидный вопрос, опасаясь услышать ответ. Но она уже ступила на этот путь и, хотя не знала, куда он приведет, повернуть назад уже не могла.

— Что она сделала? — спросила Маура. — Почему она в тюрьме?

— Она отбывает пожизненный срок, — ответил Рик. — За двойное убийство.

* * *

— Именно это я пытался скрыть от вас, — объяснил Баллард. — Я видел, что творилось с Анной, когда она узнала, в чем обвиняется ее мать. Когда она поняла, чья кровь течет в ее жилах. Никому не хочется иметь такую родословную — убийца в семье. Естественно, она отказывалась верить в это. Она думала, что это ошибка, что, возможно, ее мать невиновна. И после того как они увиделись...

— Постойте. Анна видела нашу мать?

— Да. Мы с ней вместе ездили во Фрэммингэм. В женскую тюрьму. Это была еще одна моя ошибка, потому что после этого визита Анна окончательно запуталась. Она просто не могла смириться с тем, что ее мать оказалась чудов... — Он осекся.

«Чудовище. Моя мать чудовище».

О недавнем ливне напоминало лишь легкое постукивание капель по крыше. Хотя гроза прошла, со стороны моря еще доносились далекие раскаты грома. Но здесь, на кухне, царила тишина. Они сидели за столом, и Рик смотрел на нее с молчаливым беспокойством, словно опасаясь, что она вот-вот рассыплется на куски. «Он не знает меня, — думала Маура. — Я не Анна. Я не дрогну. И мне не нужен никакой помощник».

— Рассказывайте все остальное.

— Остальное?

— Вы сказали, что Амальтея Лэнк была осуждена за двойное убийство. Когда это было?

— Пять лет назад.

— Кого она убила?

— Мне нелегко говорить об этом. А вам нелегко будет это услышать.

— Вы уже сказали, что моя мать убийца. Кажется, я восприняла это относительно спокойно.

— Лучше, чем Анна, — признал он.

— Так что выкладывайте, кого она убила, и не вздумайте ничего утаивать. Я категорически не выношу одного, Рик: когда от меня скрывают правду. Я была замужем за человеком, который имел слишком много секретов от меня. Это погубило наш брак. Больше я не потерплю такого.

— Хорошо. — Он подался вперед, пристально глядя ей в глаза. — Вы хотите подробностей, тогда я открою вам жестокую правду. Потому что подробности на самом деле жестоки. Убитые — две сестры, Тереза и Никки Уэллс, тридцати пяти и двадцати восьми лет от роду из Фитчбурга, штат Массачусетс. У машины спустило колесо, и они застряли на обочине. Дело было в конце ноября, и внезапно разыгралась настоящая снежная буря. Они, должно быть, очень обрадовались, когда к ним подъехала попутная машина с предложением подвезти. Спустя два дня их трупы были обнаружены за двадцать километров оттуда, в сгоревшем дотла сарае. Неделей позже полиция Вирджинии остановила Амальтею Лэнк за нарушение правил дорожного движения. Выяснилось, что у нее на машине краденые номера. Потом на заднем бампере обнаружили пятна крови. Полиция обыскала машину. В багажнике нашли бумажники погибших и домкрат с отпечатками пальцев Амальтеи. Позже экспертиза обнаружила на нем и следы крови Никки и Терезы. И последним доказательством стала видеозапись, сделанная камерой наблюдения на автозаправочной станции в Массачусетсе. На ней видно, как Амальтея Лэнк заливает бензин в пластиковую канистру. Бензин, которым она облила тела жертв. — Он снова посмотрел на нее в упор. — Вот и все. Я открыл вам жестокую правду. Вы этого хотели?

— Какова была причина смерти? — спросила она. Ее голос прозвучал со странным, ледяным спокойствием. — Вы сказали, что тела сожгли, но как были убиты женщины?

Некоторое время он с интересом смотрел на нее, как будто пораженный ее выдержкой.

— Рентгеновские снимки обгоревших останков показали трещины на черепках обеих женщин, нанесенные, по всем признакам, тем самым домкратом. Младшая сестра, Никки, получила такой сильный удар в лицо, что он пробил лицевые кости и оставил глубокую вмятину. Это к вопросу о жестокости убийства.

Она мысленно представила себе картину, которую он только что нарисовал. Заснеженная дорога, у обочины две сестры, мечущиеся возле спущенного колеса. Когда рядом останавливается женщина и предлагает помощь, они нисколько не сомневаются в ее добрых намерениях, тем более

что она уже в возрасте. Убеленная сединой. Женщины должны помогать друг другу.

Маура взглянула на Балларда.

— Вы сказали, что Анна не верила в ее виновность.

— Я просто пересказал вам то, что было предъявлено суду. Домкрат, видеозапись с автозаправки. Украденные бумажники. Любой присяжный счел бы эти улики достаточными для обвинения.

— Это случилось пять лет назад. Сколько тогда было Амальтее?

— Не помню точно. Лет шестьдесят.

— И ей удалось справиться с двумя женщинами, которые были намного моложе ее?

— Господи, вы идете тем же путем, что и Анна. Подвергаете сомнению очевидное.

— Очевидное не всегда является правдой. Любой физически здоровый человек мог оказать сопротивление и убежать. Почему этого не сделали Тереза и Никки?

— Должно быть, нападение застало их врасплох.

— Обеих сразу? Если напали сначала на одну, почему вторая не убежала?

— Одна из них была не совсем здорова.

— Что вы имеете в виду?

— Младшая сестра, Никки, была на девятом месяце беременности.

Мэтти Первис не знала, день сейчас или ночь. Часов у нее не было, и она не могла определить, сколько прошло часов или дней. Пожалуй, это было самое трудное — мучиться в неведении, не зная, сколько времени она провела в заточении; сколько ударов сердца, сколько вдохов и выдохов она была наедине со своим страхом. Она пыталась отсчитывать секунды, потом минуты, но уже после пятой сдалась. Бесполезное занятие, хоть и отвлекает.

Она уже исследовала каждый сантиметр своей клетки. Но не нашла ни одной проплешины или трещины, которые можно было бы расковырять. Она расстелила под собой одеяло, и теперь жесткие доски не впивались в спину. Научилась пользоваться судном так, чтобы ничего не расплескивать. Даже в ящике жизнь идет по своим правилам, превращаясь в рутину. Поспать. Глотнуть воды. Пописать. Мерилем времени стал для нее запас пищи. Сколько шоколадных батончиков съедено, сколько осталось.

В пакете она насчитала еще десяток.

Она сунула в рот кусочек шоколадки, но жевать не стала. Пока он плавился на языке, смаковала мускусную сладость. Она всегда любила шоколад и, проходя мимо кондитерской, непременно останавливалась у витрины, чтобы полюбоваться трюфелями, которые словно темные драгоценные камни покоились в уютных бумажных гнездышках. Она вспомнила горькую какао-пудру, кисловатую вишневую начинку и ромовый сироп, обычно капавший на подбородок — совсем не то, что этот простой шоколадный батончик. Но шоколад есть шоколад, и она наслаждалась тем, что было.

Тем более что навечно его не хватит.

Она посмотрела на смятые обертки, устилавшие пол ящика, и ужаснулась своей неводержанности. Скоро ее запасы иссякнут, и что дальше? Разумеется, что-то должно произойти. Зачем похитителю снабжать ее едой и питьем — неужели для того, чтобы на несколько дней отодвинуть ее голодную смерть?

Нет, нет, нет. Меня оставили жить, а не умирать.

Она приблизила лицо к решетке и сделала несколько глубоких вдохов. «Мне сохранили жизнь, — в который раз повторила она про себя. — Я должна жить».

Но почему?

Она привалилась к стенке ящика, прокручивая в голове мучивший ее вопрос. Выкуп — только такой ответ приходил на ум. Боже, какой глупый похититель. Попался на уловки Дуэйна. «БМВ», часы «Брайтлинг», дизайнерские галстуки. «За рулем машины такого класса ты должен поддерживать имидж». Ее охватил истерический смех. Меня похитили из-за имиджа, созданного с помощью денег, взятых в долг. Дуэйн не в состоянии заплатить выкуп.

Она представила себе, как он приходит домой и замечает, что ее нет. «Он увидит мою машину в гараже, стул, валяющийся на полу, — подумала она. — Он ничего не поймет, пока не обнаружит записку от похитителя. Пока не прочтет требование о выкупе. Ты ведь заплатишь, правда?»

«Заплатишь?»

Свет фонарика стал слабее. Она схватила его и потрясла. Лампочка вспыхнула ярче, но всего на мгновение, потом вновь стала угасать. О Боже, батарейки. Идиотка, нельзя было так надолго оставлять фонарь включенным! Она порылась в пакете и вскрыла новую упаковку батареек. Они высыпались и закатились в разные углы.

Свет погас.

Темноту наполняло ее собственное дыхание. Свидетельство нарастающей паники. «Спокойно, Мэтти, прекрати. Ты же знаешь, у тебя есть новые батарейки. Ты просто должна правильно их вставить».

Она ощупала пол, собирая рассыпавшиеся батарейки. Глубоко вздохнув, она раскрутила фонарик и осторожно пристроила крышечку на согнутом колене. Вытащив старые батарейки, отложила их в сторону. Каждое движение совершалось в кромешной тьме. Если бы она обронила какую-то нужную деталь, то уже не смогла бы найти ее без света. «Не торопись, Мэтти. Ты же умеешь менять батарейки. Вставляй их по одной, начиная с плюса. Одна, вторая. А теперь накручивай крышку...»

Свет вспыхнул внезапно, яркий и прекрасный. Она вздохнула с облегчением и откинулась на спину, обессиленная, словно бежала полуторакилометровую дистанцию. «Свет у тебя есть, теперь береги его». Она выключила фонарик и погрузилась в темноту. Дыхание стало ровным и спокойным. Никакой паники. Да, она ничего не видит, но палец лежит на выключателе, и в любую минуту можно зажечь свет. «Я контролирую ситуацию».

Единственное, что ей не удавалось держать под контролем, так это страх, который все сильнее охватывал ее. «Дуэйн уже, должно быть, знает, что меня похитили, — думала она. — Он прочитал записку, или ему позвонили. „Деньги или жена“. Он заплатит, конечно, заплатит». Она

представила себе, как он умоляет своего анонимного собеседника по телефону: «Только не трогайте ее, пожалуйста, не трогайте!» Представила, как он в слезах сидит за кухонным столом и кается во всех своих грехах. Мысленно просит прощения за все обидные слова, которые говорил ей. За то, что унижал ее, предавал. Теперь он хотел только одного: забрать все свои слова обратно и сказать о том, как много она для него значит...

«Ты размечталась, Мэтти».

Ее одолела такая сильная душевная боль, которая, казалось, пронзала все ее тело и безжалостным кулаком сдавливала сердце, что она крепко зажмурилась, пытаясь защититься.

«Ты знаешь, что он тебя не любит. Знаешь давно».

Мэтти окружила руками свой живот, обнимая себя и ребенка. Здесь, в этой темнице, она уже не могла закрывать глаза на правду. Она вспомнила, с каким отвращением он разглядывал ее живот однажды вечером, когда она вышла из душа. Вспомнила дни, когда подходила к нему со спины, чтобы поцеловать в шею, а он только отмахивался. Вечеринку в доме Эвереттов два месяца назад, когда она долго не могла найти его, а потом обнаружила в беседе, флиртующим с Джен Хокмайстер. И таких улик было много, слишком много, но она старалась не замечать их, потому что верила в настоящую любовь. Верила с того самого дня, когда ее впервые представили Дуэйн Первису на каком-то дне рождения и она поняла, что это ее мужчина, пусть даже в нем были некоторые вещи, которые ей не нравились. Например, когда они начали встречаться, он всегда делил ресторанный счет на двоих, а еще останавливался возле каждого зеркала, чтобы поправить прическу. Все эти мелочи казались не стоящими внимания, ведь у них была любовь, которая должна была навечно соединить их. Эту милую ложь она приберегала для себя, лелея романтические чувства, увиденные, возможно, в кино, но не имеющие никакого отношения к ее жизни.

Вот она, ее жизнь. Сидение в ящике, тягостное ожидание, что ее муж, который вовсе не жаждал получить ее обратно, все-таки заплатит выкуп.

Она подумала о настоящем, а не вымышленном Дуэйне, который сейчас, возможно, сидел на кухне и читал требование о выкупе. «Ваша жена у нас. Пока Вы не заплатите миллион долларов...»

Нет, пожалуй, миллион — это чересчур. Ни один похититель, будь он в своем уме, не стал бы запрашивать такую сумму. Сколько же сегодня требуют за жен? Сто тысяч, пожалуй, куда более разумная цена. Но Дуэйн стал бы артачиться даже из-за такой суммы. Он бы взвесил, что у него в активе. «Бумеры», дом. Стоит ли жена таких трат?

«Если ты меня любишь, если когда-нибудь любил, ты заплатишь. Пожалуйста, пожалуйста, заплати».

Она вытянулась на полу, обнимая свой живот и погружаясь в отчаяние. Этот ящик — ее тюрьма, самая темная и страшная из всех существующих.

— Дамочка! Дамочка!

Она уже собиралась всхлипнуть, но оцепенела. Это был чей-то шепот, или ей показалось? Ну вот, начинается. Она слышит голоса. Значит, сходит с ума.

— Скажите мне что-нибудь, дамочка.

Она зажгла фонарик и направила луч света вверх. Голос доносился именно оттуда, из вентиляционной решетки.

— Вы меня слышите? — Это был мужской голос. Низкий, вкрадчивый.

— Кто вы? — спросила она.

— Вы нашли еду?

— Кто вы?

— Не торопитесь. Этого должно хватить надолго.

— Мой муж вам заплатит. Я знаю, что заплатит. Пожалуйста, выпустите меня отсюда!

— У вас нет никаких болей?

— Что?

— Нигде не болит?

— Я хочу выбраться отсюда! Выпустите меня!

— Всеу свое время.

— И как долго вы намерены держать меня здесь? Когда вы меня выпустите?

— Позже.

— Что это значит?

Ответа не последовало.

— Эй, вы! Эй, господин! Сообщите моему мужу, что я жива. Скажите ему, что он должен заплатить вам!

Она услышала скрип половиц — шаги удалялись.

— Не уходите! — закричала Мэтти. — Выпустите меня! — Она подняла руку и стала барабанить в потолок, продолжая кричать: — Вы должны выпустить меня!

Шаги стихли. Она уставилась на решетку. «Он сказал, что вернется, — подумала она. — Завтра он вернется. Когда Дуэйн заплатит ему, он выпустит меня».

Она снова подумала о Дуэйне. И ей пришло на ум, что голос ни разу не

упомянул о ее муже.

Джейн Риццоли вела себя на дороге как настоящий бостонский водитель: чуть что, не колеблясь, жала на клаксон, виртуозно лавируя на своем «Субару» в плотном потоке автомобилей, выезжавших на автомагистраль Тернпайк. Беременность нисколько не смягчила ее агрессии; во всяком случае, пробки, поджидавшие их на каждом перекрестке, вызывали в ней бурю негодования.

— Я не знала об этом, доктор, — объясняла она, нетерпеливо постукивая пальцами по рулевому колесу в ожидании переключения светофора. — Представляю, как это на вас подействовало. Думаете, вам станет легче после встречи с ней?

— По крайней мере, я узнаю, кто моя мать.

— Вам известно ее имя. Вы знаете, какое преступление она совершила. Разве этого не достаточно?

— Нет.

Сзади загудела машина. На светофоре загорелся зеленый.

— Козел! — выругалась Риццоли, и «Субару» с ревом проскочил перекресток.

Они выехали на автостраду Массачусетс—Тернпайк и двинулись в западном направлении, на Фрэммингэм. Автомобиль Риццоли казался карликом в окружении угрожающего вида фур и внедорожников. После уик-энда на спокойных дорогах Мэна Маура испытала потрясение, оказавшись на привычно загруженной по будням трассе, где малейшая оплошность или невнимательность водителя могли стоить ему жизни. От скоростной и бесстрашной езды Риццоли ей было не по себе; она, избегавшая риска, а потому выбравшая для себя самую надежную модель автомобиля с двойными подушками безопасности, всегда следившая за тем, чтобы стрелка бензобака не опускалась ниже предельно допустимой отметки, неуверенно чувствовала себя в роли пассажира, лишенная возможности контролировать ситуацию. Тем более, когда ревущие двухтонные грузовики притирались почти вплотную к окну.

Только когда они свернули на автостраду номер 126 в направлении центра Фрэммингэма, Маура откинулась на спинку сиденья и несколько расслабилась, уже не стремясь вцепиться в торпеду. Но теперь ее поджидали другие страхи, уже не в виде груженных фур или скрипа тормозов. Больше всего она боялась предстоящей встречи.

И своей реакции.

— Вы всегда можете передумать, — заметила Риццоли, словно читая ее мысли. — Только скажите, и я тут же развернусь. Можем вместо этого поехать в «Френдлиз», выпить по чашечке кофе. Еще и пирог яблочный прихватить.

— Беременные женщины когда-нибудь забывают о еде?

— Только не та беременная женщина, что перед вами.

— Я не передумаю.

— Хорошо, хорошо. — Риццоли замолчала, но только на мгновение. — Сегодня утром ко мне приходил Баллард.

Маура посмотрела на нее, но взгляд Риццоли был устремлен на дорогу.

— Зачем?

— Хотел объяснить, почему не рассказал нам о вашей матери. Послушайте, доктор, я понимаю, что вы злитесь на него. Но думаю, он действительно пытался уберечь вас.

— Это он так сказал?

— Я ему верю. Может, даже согласна с ним. У меня ведь тоже были мысли скрыть от вас эту информацию.

— Но вы этого не сделали. Вы позвонили мне.

— Я хочу сказать, что мне понятны мотивы его поступка.

— Невозможно оправдать то, что он скрыл от меня эту информацию.

— Понимаете, это логика мужчины. А может, еще и полицейского.

Ими всегда движет желание защитить хрупкую женщину...

— И поэтому они скрывают правду?

— Я просто хочу сказать, что понимаю его.

— А вас это не разозлило бы?

— Еще как.

— Тогда почему вы его защищаете?

— Может, потому что он вам нравится?

— Я вас умоляю!

— Я просто хотела сказать, что он действительно очень сожалеет. Но думаю, он вам и сам уже все объяснил.

— Я была не в настроении выслушивать его извинения.

— И что, так и будете беситься?

— Почему мы вообще это обсуждаем?

— Не знаю. Может, все дело в том, как он говорил о вас. Как будто между вами там уже что-то было. Я угадала?

Маура чувствовала на себе проницательный взгляд копа и знала, что, если солжет, Риццоли обязательно заметит это.

— Мне сейчас не нужны лишние сложности.
— И что это за сложности? Ну, кроме того, что вы злитесь на него?
— Дочь. Бывшая жена.
— Мужчины его возраста — все бывшие в употреблении. У всех есть прежние жены.

Маура взглянула на дорогу.

— Знаете, Джейн, не каждая женщина создана для замужества.
— Я тоже так думала, и посмотрите, что со мной стало. Сегодня мужчина меня бесит, а завтра я без ума от него. Кто бы мог подумать, что у меня все кончится свадьбой.

— Габриэль хороший человек.

— Да, он парень честный. Но, знаете, своими поступками он очень напоминает мне Балларда. Все эти игры в мачо. Поначалу меня это жутко злило. Никогда не угадаешь, каким твой парень окажется на самом деле.

Маура подумала о Викторе. О своем несчастном браке.

— Это точно.

— Но для начала стоит обратить внимание на тех, с кем может хоть что-то получиться. И выбросить из головы безнадежные варианты. — Хотя они не обсуждали его, Маура знала, что обе они думают о Даниэле Брофи. Недостижимая цель, запретное желание. Соблазнительный мираж, который может преследовать всю жизнь, до глубокой старости. И посадит на мель в полном одиночестве.

— А вот и выезд, — сказала Риццоли, сворачивая на Лоринг-драйв.

У Мауры сильнее забилося сердце, когда она увидела указатель на исправительную колонию Фрэммингэма. «Ну вот, пора узнать, кто я есть на самом деле».

— Все еще можно передумать, — повторила Риццоли.

— Мы уже закрыли эту тему.

— Да. Я просто хотела сказать, что здесь можно развернуться.

— А вы бы отступили, Джейн? Всю жизнь мучиться вопросом, кто твоя мать, как она выглядит, а потом отступить? В тот самый момент, когда вплотную приблизились к разгадке?

Риццоли повернулась и взглянула на Мауру. Риццоли — сгусток энергии, вечный двигатель — сейчас смотрела на нее спокойно и с пониманием.

— Нет, — призналась она. — Я бы не смогла.

В административном корпусе здания «Бетти Коул Смит» они предъявили свои удостоверения и зарегистрировались. Вскоре к ним спустилась суперинтендант Барбара Герли. Маура ожидала увидеть внушительную тюремную надзирательницу, но женщина больше походила на библиотекаря — коротко стриженные седеющие каштановые волосы, изящная фигурка в юбке цвета загара и розовой хлопчатобумажной блузке.

— Рада познакомиться с вами, детектив Риццоли, — произнесла Герли. И повернулась к Мауре: — А вы доктор Айлз?

— Да. Спасибо, что согласились принять нас. — Маура тоже пожала ей руку, отметив, что рукопожатие коменданта было сдержанным. «Она знает, кто я, — подумала Маура. — Знает, почему я здесь».

— Пойдемте в мой кабинет. Я приготовила для вас ее досье.

Герли повела гостей по коридору. Спина прямая, шаг четкий, никаких лишних движений, даже ни разу не обернулась, чтобы посмотреть, не отстали ли посетители. Они зашли в лифт.

— Это заведение четвертого уровня? — спросила Риццоли.

— Да.

— Разве четвертый — это не средний уровень надежности? — поинтересовалась Маура.

— Мы еще только работаем над созданием заведения шестого уровня. Наше учреждение — единственная женская колония в штате Массачусетс, так что пока нам приходится содержать преступников всех мастей. У нас тут представлен весь спектр.

— Даже серийные убийцы? — спросила Риццоли.

— Если они женского пола, то их привозят сюда. Правда, мы не оснащены такими серьезными системами безопасности, как мужские тюрьмы. К тому же у нас и подход к заключенным другой. Мы делаем упор на воспитательной работе и реабилитации. Многие наши подопечные не вполне адекватны или имеют серьезные проблемы, связанные с насилием. К тому же среди них много матерей, страдающих в разлуке с детьми, так что нам приходится сталкиваться с дополнительными психологическими проблемами. Знаете, сколько детских слез мы видим, когда кончается время свиданий?

— А что Амальтея Лэнк? С ней есть какие-то особые проблемы?

— Да... — Герли замаялась, устремив взгляд прямо перед собой. — Есть кое-что.

— Что именно?

Двери лифта открылись, и Герли вышла первой.

— Вот мой кабинет.

Они прошли в приемную. Две секретарши стрельнули глазами на Мауру и тут же снова вперились в экраны своих компьютеров. «Все избегают смотреть мне в глаза, — подумала она. — Интересно, что я должна прочесть в их взглядах?»

Герли провела посетителей в свой кабинет и закрыла дверь.

— Присаживайтесь, пожалуйста.

Обстановка кабинета выглядела неожиданно. Маура думала, что она будет отражать сущность хозяйки, деловой и строгой. Но здесь повсюду висели фотографии улыбающихся людей. Женщины с младенцами на руках, дети, аккуратно причесанные и в отглаженных костюмчиках. Новобрачные в окружении стайки детишек. Много-много фотографий.

— Мои девочки, — пояснила Герли, с улыбкой глядя на стену с фотографиями. — Те, кто вернулся к нормальной жизни. Сделали правильный выбор и стали полноправными членами общества. К сожалению, — улыбка померкла на ее губах, — фотографии Амальтеи Лэнк никогда не будет на этой стене. — Она села за стол и в упор взглянула на Мауру. — Я не уверена в том, что ваш визит сюда — удачная идея, доктор Айлз.

— Я никогда не видела свою родную мать.

— Это меня и беспокоит. — Герли откинулась на спинку кресла и какое-то время пристально разглядывала Мауру. — Все мы хотим любить своих матерей. Хотим видеть в них женщин особенных, потому что это делает и нас, их дочерей, особенными.

— Я не надеюсь на то, что смогу полюбить ее.

— А на что вы надеетесь в таком случае?

Этот вопрос озадачил Мауру. Она вспомнила образ матери, который рисовала в своем воображении еще ребенком, даже после того, как кузен выдал ей жестокую правду о том, что ее удочерили. Это наконец объяснило ей, почему в семье, где все блондины, только у нее черные волосы. Вот почему она сочинила свою сказку, объяснявшую природу этих темных волос. В этой сказке ее мать была итальянской принцессой, которая была вынуждена отказаться от дочери, зачатой от простолюдина. Или же испанской красавицей, которую бросил любимый, и она умерла от горя. Герли была права, когда сказала, что девочки наделяют маму особенными, даже волшебными качествами. И вот сейчас ей предстояло встретиться не с фантазией, а с реальной женщиной, и от этой перспективы ей было не по себе.

— Почему вы считаете, что им не следует встречаться? — поинтересовалась Риццоли у Герли.

— Нет, вы меня неправильно поняли. Я всего лишь прошу отнестись к этому свиданию с определенной долей осторожности.

— Почему? Она что, опасна?

— Не в том смысле, что она вдруг вскочит и бросится на вас. На самом деле внешне она очень спокойна.

— А внутренне?

— Подумайте о том, что она совершила, детектив. С какой яростью нужно было обрушить удар, чтобы размозжить череп? А теперь ответьте на вопрос: что скрывается в душе Амальтеи? — Герли перевела взгляд на Мауру. — Я должна была открыть вам глаза, чтобы вы понимали, с кем имеете дело.

— Пусть у нас с ней общая ДНК, — сказала Маура. — Но я не испытываю душевной привязанности к этой женщине.

— Выходит, вами движет исключительно любопытство.

— Я должна пройти через это. Чтобы успокоиться и жить дальше.

— Возможно, так же считала и ваша сестра. Вы ведь знаете, что она приезжала к Амальтее?

— Да, слышала.

— Не думаю, что она успокоилась после этой встречи. Мне кажется, это ее еще больше расстроило.

— Почему?

Герли протянула Мауре папку, лежавшую на столе.

— Это данные ее психиатрического обследования. Все, что вам нужно знать о ней, содержится в этой папке. Почему бы вам просто не прочитать эти документы? Прочитать, уйти и забыть о ней навсегда.

Маура даже не притронулась к папке. Вместо нее это сделала Риццоли, которая осведомилась:

— Она что, под наблюдением психиатра?

— Да, — ответила Герли.

— Почему?

— Потому что Амальтея страдает шизофренией.

Маура посмотрела на суперинтенданта.

— Тогда почему ее осудили? Шизофреников не должны сажать. Их должны лечить.

— Как и многих других наших подопечных. Скажите это суду, доктор Айлз, я уже пыталась пробить эту стену. Сама система ненормальная. Будь вы хоть трижды псих, совершающий убийство, на суде редко удастся доказать это.

— Вы считаете, что она действительно душевнобольная? — тихо

спросила Риццоли.

Маура повернулась к Джейн. Увидела, что та внимательно читает записи психиатра.

— У вас вызывает сомнения ее диагноз?

— Я знаю психиатра, которая осматривала ее. Доктор Джойс О'Доннел. Она не из тех, кто тратит время на заурядных шизофреников. — Джейн взглянула на Герли. — Почему именно ее привлекли к делу?

— Вас это, похоже, беспокоит, — заметила Герли.

— Если бы вы были знакомы с доктором О'Доннел, вас бы это тоже беспокоило. — Риццоли захлопнула папку и глубоко вздохнула. — Есть что-нибудь еще, что должна знать доктор Айлз, прежде чем увидится с заключенной?

Герли посмотрела на Мауру.

— Я так понимаю, вы не изменили своего решения?

— Нет. Я готова встретиться с ней.

— Тогда я провожу вас вниз, в приемную для посетителей.

«Я еще могу передумать».

Эта мысль крутилась в голове Мауры, когда она проходила процедуру регистрации. Когда снимала часы и прятала их вместе с сумочкой в шкафчик. В комнату свиданий запрещалось проносить драгоценности и бумажники, и она чувствовала себя голой без сумочки, лишенная удостоверения личности и всех пластиковых карточек, которые могли бы сообщить миру, кто она. Маура захлопнула дверцу шкафа, и металлический скрежет напомнил ей о том мире, в который ей предстояло вторгнуться: мире, где двери были на замке, а его обитатели коротали жизнь в камерах.

Маура надеялась, что свидание будет приватным, но, когда надзирательница провела ее в комнату, поняла, что ошиблась. Послеобеденные свидания начались часом раньше, и в комнате царил сущий хаос — шумели дети, громко кричали взрослые. Монеты звонко сыпались в торговый автомат, который выдавал завернутые в целлофан сэндвичи, чипсы и шоколадки.

— Амальтею сейчас приведут, — сообщила надзирательница. — Почему бы вам пока не поискать свободное место?

Маура подошла к незанятому столу и села. Пластиковая поверхность была липкой от пролитого сока; она сложила руки на коленях и стала ждать. Сердце учащенно билось, в горле пересохло. «Первая реакция организма на стресс — „дерись или беги“, — подумала она. — Какого черта я так разнервничалась?»

Она встала и подошла к умывальнику. Наполнила водой пластиковый стакан и залпом осушила его. Но в горле все равно было сухо. Такую жажду нельзя утолить водой; жажда, учащенный пульс, потливость ладоней — тот же самый рефлекс, подготовка организма к неминуемой угрозе. «Расслабься, расслабься. Ты встретишься с ней, скажешь несколько слов, удовлетворишь свое любопытство и уйдешь. Какие сложности?» Она смяла стаканчик, обернулась и застыла на месте.

Дверь как раз открылась, и в комнату вошла женщина — спина прямая, плечи расправлены, подбородок горделиво вскинут. Ее взгляд выделил из толпы Мауру и на мгновение остановился на ней. Но стоило Мауре подумать: «Это она», как женщина отвернулась и с улыбкой раскрыла объятия, в которые устремился ребенок.

Маура смутилась, не зная, сесть ли ей или продолжать стоять. Дверь

снова открылась, и надзирательница, с которой она говорила ранее, за руку ввела в помещение женщину. Она не шла, а едва волочила ноги по полу; ссутулившись, она все время смотрела под ноги, как будто что-то искала на полу. Надзирательница подвела ее к столу Мауры и, выдвинув стул, усадила.

— Вот, Амальтея. Эта дама пришла к тебе на свидание. Почему бы тебе не поболтать с ней, а?

Амальтея по-прежнему не поднимала головы, уставившись на поверхность стола. Спутанные пряди волос сальным занавесом спадали ей на лицо. Густо испещренные сединой, они явно когда-то были черными. «Как у меня, — подумала Маура. — Как у Анны».

Надзирательница пожала плечами и посмотрела на Мауру.

— Ну, я оставлю вас? Когда закончите, махните мне рукой, и я уведу ее.

Когда надзирательница отошла, Амальтея даже не поглядела ей вслед. Она как будто и не замечала женщину, сидевшую прямо перед ней за столом. Она пребывала в каком-то странном оцепенении, спрятавшись за вуалью грязных волос. Арестантская роба свисала с ее плеч, и казалось, что тело под одеждой усохло. Рука, лежавшая на столе, сотрясалась в бесконечной дрожи.

— Здравствуйте, Амальтея, — произнесла Маура. — Вы знаете, кто я?

Ответа не последовало.

— Меня зовут Маура Айлз. Я... — Маура судорожно сглотнула. — Я очень долго искала вас. — «Всю жизнь».

Женщина дернула головой. Но не в ответ на слова Мауры, это был произвольный тик. Импульс, пронесшийся по нервным окончаниям и мышцам.

— Амальтея, я ваша дочь.

Маура замерла в ожидании реакции. Она дрожала от нетерпения. Ей казалось, что они одни в этой комнате, она уже не замечала ни какофонии детских голосов, ни грохота автомата, ни скрипа стульев. Центром ее вселенной стала эта измученная, разбитая женщина.

— Вы можете посмотреть на меня? Пожалуйста, посмотрите на меня.

Наконец голова медленно поднялась — рывками, как у заводной куклы с ржавым механизмом. Нечесанные волосы упали с лица, и взгляд ее глаз остановился на Мауре. Непостижимые глаза. Маура не видела в них ничего, в них не было осознанности. Не было души. Губы Амальтеи дрогнули, но беззвучно. Очередная судорога, непреднамеренная, бессмысленная.

Мимо проковылял маленький мальчик, от которого пахло мокрым памперсом. За соседним столом помойного вида блондинка в арестантской робе, закрыв лицо руками, тихо всхлипывала, а сидевший напротив мужчина безучастно наблюдал за ней. В комнате свиданий разыгрывались десятки семейных драм; Маура была всего лишь одним из действующих лиц.

— К вам приезжала моя сестра Анна, — сказала Маура. — Она похожа на меня. Вы ее помните?

У Амальтеи задвигались челюсти, словно она пережевывала пищу. Воображаемую пищу, вкус которой могла оценить только она.

«Нет, конечно, она не помнит, — подумала Маура, в раздражении разглядывая безучастное лицо Амальтеи. — Она вообще не соображает, кто я и зачем я здесь. Я кричу в пустоту, а в ответ слышу лишь эхо».

Решив добиться хоть какой-то реакции, Маура произнесла с нарочитой жестокостью:

— Анна мертва. Ваша вторая дочь погибла. Вы знаете об этом? Никакого ответа.

«Какого черта я настаиваю? У нее явно не все дома. Глаза совершенно пустые».

— Хорошо, — сказала Маура. — Я приду в другой раз. Может, тогда вы поговорите со мной. — Вздыхнув, Маура поднялась из-за стола и стала искать глазами надзирательницу. Та была в другом конце комнаты.

Маура подняла руку, чтобы махнуть ей, когда вдруг услышала голос. Вернее, еле слышный шепот:

— Уходи.

Маура потрясенно уставилась на Амальтею, которая сидела все в той же позе и с отсутствующим взглядом шамкала губами. Маура медленно опустилась на стул.

— Что вы сказали?

Амальтея подняла на нее взгляд. И на мгновение в нем появились признаки сознания. Проблеск разума.

— Уходи. Пока он тебя не увидел.

Маура оцепенела. Мурашки пробежали у нее по спине, и волосы на затылке встали дыбом.

За соседним столом по-прежнему плакала блондинка. Мужчина, навещавший ее, встал из-за стола и сказал:

— Мне очень жаль, но ты должна смириться с этим. Ничего не поделаешь. — Он развернулся и пошел прочь, возвращаясь в свою жизнь на воле, где женщины носят красивые блузки, а не синие арестантские

рубахи. Где запертые двери можно открыть поворотом ключа.

— Кто? — тихо спросила Маура.

Амальтея не ответила.

— Кто меня увидит, Амальтея? — настаивала Маура. — Что вы хотите этим сказать?

Но взгляд Амальтеи снова затуманился. Короткая вспышка сознания погасла, и Маура вновь смотрела в пустоту.

— Ну что, свидание окончено? — прозвучал бодрый голос надзирательницы.

— Она всегда такая? — спросила Маура, наблюдая за тем, как шевелятся губы Амальтеи, беззвучно произнося какие-то слова.

— Очень часто. Бывает то лучше, то хуже.

— Она практически не говорила со мной.

— Когда привыкнет к вам, заговорит. Она очень замкнутая, но иногда выходит из этого состояния. Пишет письма, даже звонит по телефону.

— И кому она звонит?

— Не знаю. Наверное, своему психиатру.

— Доктору О'Доннел?

— Блондиночка такая. Она несколько раз бывала здесь, и Амальтея чувствует себя с ней комфортно. Правда, милая? — Взяв заключенную под руку, надзирательница сказала: — Ну, пойдем, божий одуванчик. Назад в твою каморку.

Амальтея послушно встала и позволила надзирательнице увести ее от стола. Она сделала всего несколько шагов и вдруг остановилась.

— Амальтея, пойдем.

Но арестантка не двигалась. Она стояла, как будто у нее вдруг онемели конечности.

— Милая, я не могу ждать тебя целый день. Пойдем.

Амальтея медленно повернулась. Ее взгляд был по-прежнему пустым. И слова, которые прозвучали в следующий момент, казалось, произнес не человек, а заводной механизм. Заключенная взглянула на Мауру.

— Теперь и ты тоже умрешь, — сказала она. После чего отвернулась и побрела назад, в свою камеру.

* * *

— У нее поздняя дискинезия, — сказала Маура. — Вот почему суперинтендант Герли пыталась отговорить меня от свидания. Она не

хотела, чтобы я видела Амальтею в таком состоянии. И узнала, что они с ней сделали.

— И что же они с ней сделали? — спросила Риццоли. Она вновь была за рулем, бесстрашно лавируя среди грузовиков, которые заставляли дорогу вибрировать и неистово сотрясали маленький «Субару». — Вы хотите сказать, что они превратили ее в зомби?

— Вы видели заключение психиатра. Сначала врачи лечили ее фенотиазинами. Это группа антипсихотических лекарственных средств. Для пожилых женщин они могут иметь разрушительные побочные эффекты. Один из них называется поздней дискинезией — непроизвольные движения рта и лицевых мышц. Пациентка как будто постоянно что-то жует, надувает щеки или высовывает язык. Она не может контролировать себя. Представляете, какое впечатление это производит на окружающих? Все глазют на то, как ты постоянно корчишь рожи. И выглядишь полным дураком.

— И как это остановить?

— Это невозможно. Они должны были отменить эти препараты, как только проявились первые симптомы. Но они слишком долго ждали. Потом к лечению подключилась доктор О'Доннел. Она наконец отменила этот курс. Поняла, что происходит. — Маура сердито вздохнула. — Поздняя дискинезия, к сожалению, неизлечима. — Она устремила взгляд в окно. Сейчас она не испытывала беспокойства при виде несущихся мимо многотонных грузовиков. Ее мысли крутились вокруг Амальтеи Лэнк; она снова видела ее беспокойные губы, будто нашептывающие какие-то секреты.

— Вы хотите сказать, что ей вообще не требовались эти лекарства?

— Нет, просто их нужно было отменить как можно раньше.

— Так она сумасшедшая? Или все-таки нет?

— Таков был первоначальный диагноз. Шизофрения.

— А каков ваш диагноз?

Маура вспомнила безучастный взгляд Амальтеи, ее загадочные слова. Слова, казалось бы, лишённые всякого смысла, более похожие на параноидальный бред.

— Наверное, я бы согласилась с их диагнозом, — сказала она и, вздохнув, откинулась на спинку сиденья. — В ней нет ничего моего, Джейн. Все в этой женщине чужое.

— Ну разве это не облегчение, учитывая обстоятельства?

— Но ведь связь между нами существует. Невозможно отказаться от собственной ДНК.

— Помните старую поговорку: «Свой своему поневоле брат»? Все это ерунда, доктор. У вас нет ничего общего с этой женщиной. Она родила вас и сразу же отказалась. Вот и все. Конец всяким отношениям.

— Она знает столько ответов на мои вопросы! Кто мой отец. Кто я.

Риццоли метнула взгляд в ее сторону, потом опять уставилась на дорогу.

— Пожалуй, я дам вам совет. Знаю, вы удивитесь, с чего я это взяла. Поверьте, это не высосано из пальца. Вам нужно держаться подальше от этой Амальтеи Лэнк. Не встречайтесь с ней, не разговаривайте. Даже не думайте о ней. Она опасна.

— Да она же просто залеченная шизофреничка.

— Я в этом не очень уверена.

Маура посмотрела на Риццоли.

— Что вы знаете о ней такого, чего не знаю я?

Некоторое время Риццоли вела машину молча. Но не потому, что была слишком увлечена дорогой; казалось, она тщательно обдумывала, как ей лучше построить ответ.

— Помните Уоррена Хойта? — спросила она наконец. Хотя ее вопрос прозвучал непринужденно, Маура заметила, как окаменело ее лицо, а руки крепче сжали руль.

«Уоррен Хойт, — подумала Маура. — Хирург».

Такое прозвище дали ему полицейские. Он заслужил его зверствами, которым подвергал свои жертвы. Его инструментами были скотч и скальпель, а добычей становились мирно спавшие женщины, которые и не подозревали о том, что в темноте над ними склонился убийца, предвкушавший удовольствие от первого надреза. Джейн Риццоли стала последним объектом его фантазий, оппонентом в игре разума, проиграть в которой он не собирался.

Но именно Риццоли обезвредила его единственным выстрелом, поразившим позвоночник. Вселенная парализованного Уоррена Хойта усохла до размеров больничной койки, и его единственной радостью остались фантазии, игры ума, столь же блестящего и опасного, как прежде.

— Конечно, я помню его, — ответила Маура. Она видела результаты его работы, ужасные увечья, которые его скальпель оставил на теле одной из жертв.

— Я ведь постоянно навожу о нем справки, — продолжила Риццоли. — Ну, просто для того, чтобы убедиться: хищник по-прежнему в клетке. Да, он действительно прикован к постели. И каждую среду вот уже в течение восьми месяцев его кое-кто навещает. Доктор Джойс О'Доннел.

Маура нахмурилась.

— Зачем?

— Она уверяет, что это необходимо для ее исследований в области психологии жестокого поведения. По ее теории, убийцы не несут ответственности за свои действия. Корни, дескать, в родовых травмах или тяжелом детстве, которые вызывают у них тягу к насилию. Разумеется, для адвокатов она просто находка. Ее послушать, так Джеффри Дамер^[8] был попросту не понят, а Джона Уэйна Гэйси^[9] слишком часто били по голове. Она оправдывает кого угодно.

— Видимо, она выполняет работу, за которую платят.

— Я не думаю, что она делает это из-за денег.

— Тогда из-за чего?

— Ей просто хочется личного контакта с теми, кто убивает. Она говорит, что это ее исследовательская работа, что она делает это ради науки. Ну да, Йозеф Менгеле^[10] тоже убивал ради науки. Все это отговорки, она просто стремится придать лоск респектабельности тому, что она делает.

— И что же она делает?

— Ищет источник возбуждения. Она балдеет, когда слушает о фантазиях убийцы. Ей нравится погружаться в его душу, смотреть на мир его глазами. Понимать, что значит быть чудовищем.

— Вы так говорите, будто она и сама такая.

— Возможно, ей хочется быть такой. Я видела письма, которые она писала Хойту, когда тот находился в тюрьме. Она просила его поделиться с ней деталями совершенных убийств. О да, она обожает детали.

— Многие люди любопытствуют по поводу того, что касается смерти.

— Она не просто любопытна. Ей хочется знать, каково это — резать кожу и наблюдать, как жертва истекает кровью. Что значит наслаждаться бесконечной властью. Она жаждет подробностей, как вампир жаждет крови. — Риццоли немного помолчала. Потом усмехнулась: — Знаете, я только сейчас поняла кое-что. А ведь она и в самом деле вампир. Они с Хойтом питают друг друга энергией. Он пересказывает ей свои фантазии, а она говорит, что в них нет ничего плохого. Что абсолютно нормально заводится от мысли о чьей-то перерезанной глотке.

— И вот теперь она навещает мою мать.

— Да. — Риццоли взглянула на нее. — Интересно, какими фантазиями делится с ней ваша мать?

Маура подумала о тех преступлениях, в которых обвинили Амальтею

Лэнк. Интересно, что она думала, когда подбирала двух сестер на дороге? Возбуждало ли ее предвкушение убийства, пьянящая доза власти?

— Сам факт, что О'Доннел сочла Амальтею достойной своего внимания, кое о чем говорит, — заметила Риццоли.

— И о чем же?

— О'Доннел не тратит время на заурядных убийц. Ей неинтересен вооруженный грабитель, который палит из пистолета. Или муж, который в порыве ярости сбрасывает жену с лестницы. Нет, она предпочитает иметь дело только с теми, кому нравится убивать. Кто лишний раз прокручивает нож в теле жертвы, потому что ему нравится скрести лезвием по кости. Она проводит время только с особенными убийцами. С чудовищами.

«С моей матерью, — подумала Маура. — Выходит, она тоже чудовище?»

Дом доктора Джойс О'Доннел в Кембридже — белый особняк в колониальном стиле — ничем не отличался от своих впечатляющих собратьев, украшавших престижную Браттл-стрит. Чугунные ворота открывались во двор с идеальной лужайкой и мульчированными древесной корой клумбами, на которых послушно цвели розы. В саду царил строгий порядок, и Маура на выложенной гранитными плитами дорожке по пути к парадному крыльцу уже представляла себе обительницу дома. Ухоженная, аккуратно одетая. В мыслях порядок, такой же, как и в саду.

Женщина, открывшая дверь, оказалась в точности такой, какой ее нарисовала себе Маура.

Доктор О'Доннел была пепельной блондинкой с бледной, безупречной кожей. Голубая хлопчатобумажная рубашка, заправленная в отутюженные белые брюки, была скроена так, чтобы подчеркнуть тонкую талию. Во взгляде, которым она окинула Мауру, тепла было мало. Скорее, в нем угадывалось любопытство. Взгляд ученого, рассматривающего новый экземпляр.

— Доктор О'Доннел? Я Маура Айлз.

О'Доннел ответила деловым рукопожатием.

— Проходите.

Маура зашла в дом, такой же холодно-элегантный, как и его хозяйка. Теплый оттенок придавали лишь восточные ковры на темных тиковых полах. О'Доннел провела гостью в строгую гостиную, где Маура осторожно присела на краешек дивана, обитого белым шелком. О'Доннел устроилась в кресле напротив. На разделявшем их журнальном столике палисандрового дерева стопкой лежали папки и цифровой диктофон. Хотя и выключенный, он излучал невидимую угрозу и добавлял Мауре неловкости.

— Спасибо, что согласились принять меня, — начала Маура.

— Мне стало любопытно. Хотелось посмотреть, как выглядит дочь Амальтеи. Я ведь знаю о вас, доктор Айлз, но только из газет. — Она откинулась на спинку кресла, чувствуя себя в высшей степени комфортно. Преимущество хозяйки дома. Она делала одолжение, в то время как Маура выступала в роли просительницы. — А вот о вашем характере я ничего не знаю. Но очень хочу узнать.

— Почему?

— Я хорошо знакома с Амальтеей. И мне интересно...

— ...похожа ли дочь на мать?

О'Доннел приподняла красивую бровь.

— Заметьте, вы это сказали, а не я.

— Так я угадала причину вашего любопытства?

— А в чем причина вашего любопытства? Что привело вас ко мне?

Взгляд Мауры скользнул по картине, висевшей над камином. Строго современное, написанное маслом полотно, испещренное ярко-красными и черными полосами.

— Я хочу знать, кто на самом деле эта женщина, — наконец произнесла она.

— Вы знаете, кто она. Просто не хотите в это поверить. Ваша сестра тоже не верила.

Маура нахмурилась.

— Вы встречались с Анной?

— Нет, мы не встречались. Но месяца четыре назад мне позвонила женщина, которая назвалась дочерью Амальтеи. Я уезжала в двухнедельную командировку в Оклахому, поэтому не смогла с ней встретиться. Мы просто поговорили по телефону. Она как раз вернулась из Фрэмингэма, поэтому знала, что я психиатр Амальтеи. Она хотела узнать как можно больше о матери. О детстве Амальтеи, ее семье.

— А вам все это известно?

— Кое-что я узнала из архива ее школы. Что-то она сама рассказывала в минуты просветления. Я знаю, что она родилась в Лоуэлле. Когда ей было девять лет, умерла ее мать, и она переехала жить к дяде и двоюродному брату в Мэн.

— В Мэн? — напряглась Маура.

— Да. Она окончила среднюю школу в городке Фокс-Харбор.

«Теперь я понимаю, почему Анна выбрала этот город. Я шла по следам Анны, а она — по следам матери».

— После средней школы записи обрываются, — продолжала О'Доннел. — Мы не знаем, уехала ли она оттуда, как вообще она жила. Скорее всего, именно в этот период у нее начала развиваться шизофрения. Как правило, эта болезнь проявляется в юности. Видимо, с годами она прогрессировала, и сегодня вы сами видите, чем все закончилось. Она совершенно неменяема. — О'Доннел посмотрела на Мауру. — Довольно мрачная картина. Ваша сестра очень тяжело переживала это, никак не могла поверить в то, что это ее мать.

— Я смотрю на нее и не нахожу ничего знакомого. Ничего общего со мной.

— А я вижу сходство. У вас тот же цвет волос. Тот же овал лица.

— Мы совершенно не похожи.

— Вы действительно не видите этого? — О'Доннел подалась вперед и пристально посмотрела на Мауру. — Скажите, пожалуйста, доктор Айлз, почему вы выбрали патанатомию?

Сбитая с толку вопросом, Маура молча устремила взгляд на собеседницу.

— Вы ведь могли выбрать любую область медицины. Гинекологию, педиатрию. Могли работать с живыми пациентами, но предпочли патанатомию. И именно судебно-медицинскую.

— Почему вас это интересует?

— Понимаете, это доказывает, что так или иначе вас тянет к мертвым.

— Но это абсурд.

— Тогда почему вы выбрали эту область?

— Потому что я люблю полные ответы на все вопросы. Не люблю головоломок. Предпочитаю видеть диагноз под микроскопом.

— То есть вы не любите неопределенности.

— А разве кто-то любит?

— В таком случае вы могли бы выбрать математику или инженерное дело. Есть много профессий, которые требуют точности. И полных ответов. Но вы все-таки стали судмедэкспертом и имеете дело с трупами. — О'Доннел немного помолчала. И тихо спросила: — Вы получаете от этого удовольствие?

Маура в упор посмотрела на нее.

— Нет.

— Выходит, вы выбрали профессию, которая не доставляет вам радости?

— Я выбрала сложную работу. Я испытываю от нее удовлетворение. Даже если то, что я делаю, не очень приятно.

— Но вы ведь понимаете, к чему я веду? Вы говорите, что не замечаете сходства между собой и Амальтеей Лэнк. Глядя на нее, вы, возможно, видите ужасное существо. Или, по крайней мере, женщину, которая совершила ужасное преступление. Но ведь найдутся люди, которые, глядя на вас, доктор Айлз, подумают то же самое.

— Вы не можете нас сравнивать.

— Вам известно, в чем обвинили вашу мать?

— Да, мне сказали.

— А вы видели отчеты о вскрытии трупов?

— Еще нет.

— А я видела. В процессе суда адвокаты попросили меня дать заключение по психическому состоянию вашей матери. Я видела фотографии с места преступления, изучила всю доказательную базу. Вы ведь знаете, что жертвами были две сестры? Молодые женщины, которые застряли на дороге.

— Да.

— Младшая была на девятом месяце беременности.

— Все это мне известно.

— Тогда вы знаете, что ваша мать подобрала их на шоссе. Она увезла их за сорок пять километров в лесной сарай. Разбила им головы домкратом. И после этого совершила удивительный, пугающе логичный поступок. Она поехала на заправку и наполнила канистру бензином. Потом вернулась к сараю и подожгла его вместе с трупами. — О'Доннел подняла голову. — Вы не находите это занятным?

— Я нахожу это отвратительным.

— Да, но, возможно, на каком-то уровне подсознания вы испытываете что-то другое, в чем не хотите себе признаваться. Что вы заинтригованы этими поступками, и не только как простой загадкой. Возможно, что-то в этом вас завораживает, даже возбуждает.

— Так, как, судя по всему, это возбуждает вас?

О'Доннел несколько не смутилась от этой реплики. Напротив, она улыбнулась, с легкостью принимая вызов.

— Мой интерес чисто профессиональный. Это моя работа — изучать убийства. Сейчас я просто хочу понять причины вашего интереса к Амальтее Лэнк.

— Два дня назад я не знала, кто моя мать. Теперь я пытаюсь примириться с правдой. Я пытаюсь понять...

— ...кто вы есть? — тихо спросила О'Доннел.

Маура выдержала ее взгляд.

— Я знаю, кто я.

— Вы уверены? — О'Доннел наклонилась ближе. — Когда вы в секционном зале рассматриваете раны жертвы, описываете удары ножа убийцы, разве вы никогда не испытываете хотя бы намек на возбуждение?

— С чего вы взяли, что я должна его испытывать?

— Вы ведь дочь Амальтеи.

— Я всего лишь биологическая случайность. Она не воспитывала меня.

О'Доннел вновь откинулась на спинку кресла и уставилась на гостью холодным оценивающим взглядом.

— Вам известно, что предрасположенность к насилию закладывается генетически? И многие наследуют ее?

Маура вспомнила, что говорила Риццоли о докторе О'Доннел: «Она не просто любопытна. Ей хочется знать, каково это — резать кожу и наблюдать, как жертва истекает кровью. Что значит наслаждаться бесконечной властью. Она жаждет подробностей, как вампир жаждет крови». Теперь Маура и сама видела этот жадный блеск в глазах О'Доннел. «Эта женщина получает удовольствие от общения со злодеями, — подумала Маура. — Надеется, что и я из их числа».

— Я пришла поговорить об Амальтее, — напомнила Маура.

— А разве не ее мы сейчас обсуждаем?

— Во Фрэмингэме нам сказали, что вы навещали ее как минимум десять раз. Почему так часто? Ясно же, что не ради ее блага.

— Амальтея интересует меня как ученого. Я хочу понять, что заставляет человека убивать. Почему это доставляет удовольствие.

— Вы хотите сказать, что она убила тех женщин ради удовольствия?

— А вы знаете, почему она убила?

— У нее явные признаки психического заболевания.

— Уверяю вас, большинство психов не совершают убийств.

— Но вы согласны с тем, что она нездорова?

О'Доннел помедлила с ответом.

— Очень может быть.

— Вы говорите как-то неуверенно. Даже после столь частых визитов к ней.

— В случае с вашей матерью речь идет не только о психозе. В ее преступлении есть и другое.

— Что вы имеете в виду?

— Вы уже знаете, что она совершила. Или, по крайней мере, что ей инкриминировано.

— Приговор основывался на серьезных доказательствах.

— Да, доказательств было в избытке. Номерные знаки ее машины, зафиксированные камерой видеонаблюдения на заправке. Кровь женщин на домкрате. Их бумажники в багажном отделении. Но кое о чем вы не знаете. — О'Доннел взяла в руки одну из папок, лежавших на столе, и протянула ее Мауре. — Это отчет из криминалистической лаборатории в Вирджинии, где была арестована Амальтея.

Маура раскрыла папку и увидела фотографию белого седана с массачусетскими номерными знаками.

— Это машина, на которой ездила Амальтея, — сказала О'Доннел.

Маура перевернула страницу. Перед ней был краткий отчет дактилоскопической экспертизы.

— В салоне автомобиля были обнаружены несколько пар отпечатков пальцев, — сказала О'Доннел. — Обе жертвы, Никки и Тереза Уэллс, оставили свои отпечатки на ремнях безопасности заднего сиденья. Это значит, что они уселись сзади и пристегнулись. Разумеется, на рулевом колесе и коробке передач остались отпечатки пальцев Амальтеи. — О'Доннел выдержала паузу. — Но есть и четвертая пара отпечатков.

— Четвертая?

— Да, так указано в отчете. Отпечатки были обнаружены на крышке бардачка. На обеих дверях, на рулевом колесе. Эти отпечатки так и не были идентифицированы.

— Но это ничего не значит. Может, машину чинил механик и оставил свои отпечатки.

— Возможно. А теперь взгляните на результаты экспертизы волос и волокон.

Маура перевернула страницу и прочитала, что на заднем сиденье были обнаружены светлые волосы. Волосы Терезы и Никки Уэллс.

— Я не вижу в этом ничего удивительного. Нам известно, что жертвы находились в машине.

— Но вы можете заметить, что на переднем сиденье таких волос не обнаружено. Подумайте сами. Две женщины застряли на дороге. Останавливается машина, водитель предлагает помощь. И что делают сестры? Они обе садятся на заднее сиденье. Выглядит немного невежливо, вы согласны? Водитель остается один впереди. Если только...

Маура взглянула на нее.

— Если только не предположить, что на переднем сиденье уже сидел какой-то пассажир.

О'Доннел откинулась в кресле, удовлетворенная улыбка появилась на ее губах.

— Вот это самый интригующий вопрос. На него в ходе судебного разбирательства так и не был дан ответ. Вот почему я упорно навещаю вашу мать. Я хочу узнать то, что не удосужилась выяснить полиция: кто сидел рядом с Амальтеей?

— Она вам не сказала?

— Его имени она не назвала.

Маура уставилась на нее.

— Его?

— Насчет пола — это пока только мои предположения. Но я почти

уверена, что в машине находился еще кто-то в тот момент, когда Амальтея подобрала на дороге этих женщин. Кто-то помог ей справиться с ними. Причем этот человек был достаточно сильным, ведь нужно было затащить женщин в сарай, а потом поджечь его. — О'Доннел немного помолчала. — Он меня интересует, доктор Айлз. Я хочу найти его.

— Выходит, ваши визиты к Амальтее... не связаны с интересом именно к ней.

— Безумие меня не интересует. Меня интересует зло.

Маура безотрывно глядела на нее и думала: «Да, это вам интересно. Вам так и хочется прикоснуться к нему, вдохнуть его запах. Амальтея вам неинтересна. Она лишь промежуточное звено, посредник, который может вывести вас на настоящий объект вашего желания».

— Выходит, был сообщник, — произнесла Маура.

— Мы не знаем, кто он, как он выглядит. Но ваша мать знает.

— Тогда почему она не называет его имени?

— В том-то и вопрос: почему она покрывает его? Боится его? Защищает его?

— Вы даже не знаете, существует ли этот человек. Все, что у вас есть — это неопознанные отпечатки пальцев. И предположения.

— Это больше, чем предположения. Зверь существует. — О'Доннел подалась вперед и произнесла тихо, почти доверительно: — Она сама назвала его так в момент ареста в Вирджинии. Вот что она сказала, дословно: «Это Зверь заставил меня убивать». Он толкнул ее на убийство.

В последовавшей тишине Маура слышала, как бьется ее собственное сердце — ускоряющаяся барабанная дробь. Она судорожно сглотнула.

— Мы говорим о страдающей шизофренией женщине. Возможно, у нее слуховые галлюцинации.

— Или же она говорит о реально существующем человеке.

— Зверь? — Маура выдавила из себя смешок. — Может быть, это воображаемый демон. Чудовище из ее ночных кошмаров.

— Которое оставляет отпечатки пальцев.

— Но это обстоятельство не произвело впечатления на суд.

— Они просто проигнорировали эту улику. Я присутствовала на судебном заседании. И наблюдала за тем, как выстраивается обвинение против психически больной женщины. Всем было очевидно, что она не отвечает за свои действия. Но она была легкой мишенью, и приговор вынесли очень быстро.

— Даже с учетом того, что налицо были признаки душевной болезни.

— О, никто не сомневался в том, что она психопатка и слышит голоса.

Голоса, которые приказывают крошить черепа, сжигать трупы. Но присяжные не приняли это во внимание. Амальтея стала точным попаданием обвинителя, вот и все. Они ничего не поняли. Они упустили его. — О'Доннел откинулась в кресле. — И только ваша мать знает, кто он.

* * *

Было около шести, когда Маура подъехала к зданию бюро судмедэкспертизы. На парковке все еще стояли две машины — голубая «Хонда» Йошимы и черный «Сааб» доктора Костаса. «Наверное, позднее вскрытие», — подумала она, вдруг почувствовав себя виноватой: сегодня день ее дежурства, но она попросила, чтобы ее заменили.

Она открыла дверь черного хода, прошла в здание и направилась в свой кабинет, не встретив никого по пути. На столе она обнаружила то, ради чего и вернулась: две папки с наклеенной на них запиской от Луизы: «Досье, которые вы просили». Маура села за стол, глубоко вздохнула и открыла первую папку.

Это было досье Терезы Уэллс, старшей сестры. На титульном листе значились имя жертвы, номер дела, дата вскрытия. Имя патологоанатома, проводившего вскрытие, — доктор Джеймс Хобарт — было ей незнакомо; впрочем, она ведь работала здесь всего два года, а этот отчет пятилетней давности. Она принялась читать расшифровку устного отчета доктора Хобарта.

«Умершая — женщина нормального телосложения неопределенного возраста, рост сто шестьдесят четыре сантиметра, вес пятьдесят два килограмма. Личность установлена по рентгеновским снимкам зубов; взять отпечатки пальцев невозможно. Отмечены обширные ожоги туловища и конечностей, сильное обугливание кожи с обнажением участков мышечной ткани. Лицо и фронтальная часть туловища относительно целы. Остатки одежды на месте, представляют собой синие джинсы „Гэп“ сорок второго размера, с застегнутой молнией и кнопками, обугленный свитер и бюстгальтер с застегнутыми крючками. Осмотр дыхательных путей не выявил осадка копоти, уровень карбоксигемоглобина минимальный».

Когда тело Терезы Уэллс загорелось, она уже не дышала. Причина смерти следовала из заключения, сделанного доктором Хобартом по результатам рентгена:

«Латеральные и теменно-фронтальные снимки черепа показывают сплюснутый осколочный перелом правой теменной части вследствие

удара клиновидным предметом шириной в четыре сантиметра».

Судя по всему, удар по голове и явился причиной смерти.

В самом конце расшифровки отчета, под подписью доктора Хобарта, Маура увидела знакомые инициалы. Текст был отпечатан Луизой. Патологоанатомы могут меняться, а Луиза неизменно остается в этом офисе.

Маура пролистала страницы досье. Там нашлась стандартная форма для регистрации всех исследований: рентгеновских снимков, экспертизы крови, остатков жидкости и других веществ. Описи вещественных доказательств, личных вещей, имена присутствовавших при вскрытии. Ассистентом Хобарта значился Йошима. Детектива Свигерта, офицера фитчбургской полиции, Маура не знала.

Она долистала папку до последней страницы — фотографии. И замерла, с отвращением глядя на снимок. Огонь испепелил конечности Терезы Уэллс, обнажив мышечные ткани туловища, но лицо, как ни странно, уцелело и несомненно принадлежало женщине. Ей всего лишь тридцать пять. «Я уже пережила Терезу Уэллс на пять лет, — подумала Маура. — Сейчас ей было бы столько же, сколько и мне. Если бы она осталась жива. Если бы не спустила шина в тот злосчастный ноябрьский день».

Она закрыла досье Терезы и взялась за следующую папку. И снова помедлила, не решаясь заглянуть в ее страшное содержимое. Она вспомнила обгоревший труп, вскрытие которого производила год назад, запахи, которые оставались на ее волосах и одежде даже после того, как она покинула секционный зал. В то лето она больше ни разу не развела огонь в гриле на заднем дворе, не в силах вынести запах мяса барбекю. Открывая досье Никки Уэллс, она почти ощущала этот запах, мгновенно воскресший в памяти.

Если лицо Терезы огонь пощадил, то с младшей сестрой обошелся куда более жестоко. Казалось, пламя обрушило всю свою ярость на плоть Никки Уэллс.

«Объект сильно обгоревший, некоторые участки груди и брюшной стенки полностью выгорели, в результате чего обнажились внутренности. Мягкие ткани лица и черепа тоже выгорели. Просматриваются участки свода черепа и переломы лицевых костей. Остатков одежды не сохранилось, но на рентгеновском снимке на уровне пятого ребра просматриваются металлические пятнышки, похожие на крючки бюстгальтера, а также металлический фрагмент в области лобка. Рентген брюшной полости показывает останки скелета утробного плода, по

диаметру черепа соответствующего сроку беременности в тридцать шесть недель...»

Беременность Никки Уэллс была очевидна для убийцы. Но это не вызвало жалости и снисхождения ни к ней, ни к ее неродившемуся ребенку. Они оказались в лесном погребальном костре.

Маура перевернула страницу. И нахмурилась, прочитав следующее предложение в отчете патологоанатома:

«На рентгеновском снимке у плода заметно отсутствие правых большеберцовой, малоберцовой костей и костей предплюсны».

В конце предложения кто-то ручкой поставил звездочку и наспех приписал: «Смотри приложение». Маура открыла приложенную страницу и прочла:

«Аномалия плода отмечена в акушерской карточке пациентки тремя месяцами ранее. Ультразвук, сделанный на шестом месяце, показал, что у плода отсутствует правая нижняя конечность, скорее всего вследствие синдрома амниотических тяжей».

Порок развития плода. За несколько месяцев до смерти Никки Уэллс уже знала, что ее ребенок родится без правой ноги, и все-таки решила не прерывать беременность. Сохранить ребенка.

Последние страницы досье, как Маура и ожидала, были самыми страшными. Усилием воли она заставила себя взглянуть на снимки. Увидела обугленные конечности и туловище. Не хорошенькая беременная женщина, раздумывавшаяся и светящаяся счастьем, а скалящийся сквозь обугленную маску череп со сплюснутыми от удара убийцы лицевыми костями.

«Это сделала Амальтея Лэнк. Моя мать. Она размозжила им головы и заволокла тела в сарай. Неужели она испытывала возбуждение, обливая их бензином, чиркая спичкой? Неужели стояла у горящего сарая, смакуя запах паленых волос и плоти?»

Не в силах смотреть на ужасающие фотографии, Маура закрыла папку. И взялась за конверты с рентгеновскими снимками, которые тоже лежали у нее на столе. Она отнесла их к проектору и разместила на экране снимки головы и шеи Терезы Уэллс. Вспыхнул свет, выхватив причудливые тени костей. Рентгеновские снимки не вызывали такого отвращения, как фотографии. Лишенные узнаваемой плоти, трупы теряли возможность ужасать. Все скелеты похожи. Череп, который она сейчас рассматривала, мог принадлежать любой женщине, как близкой, так и незнакомой. Она уставилась на проломленный свод, на треугольник вдавленной кости. Это явно был не скользящий удар; только направленный и яростный размах

руки мог загнать осколок кости в теменную долю мозга.

Она убрала снимки Терезы, достала из второго конверта новую пару пленок и разместила их на экране. Еще один череп — на этот раз принадлежавший Никки. Как и сестру, Никки тоже ударили по голове, но этот удар пришелся на лоб, сокрушив лобную кость и так сильно раздробив глазницы, что глаза, должно быть, разорвались в своих впадинах. Никки Уэллс наверняка видела приближение удара.

Маура сняла пленки с видами черепа и поместила на экран следующую серию снимков — позвоночника и таза, которые, как ни странно, уцелели под обугленными тканями. В области таза проступали кости плода. Хотя огонь смешал мать и дитя в единую обугленную массу, на рентгеновском снимке отчетливо просматривались два отдельных человека. Два комплекта костей, две жертвы.

Маура увидела и еще кое-что: яркое пятнышко, которое выделялось даже в клубке теней. Словно серебряная иголочка на лобковой кости Никки Уэллс. Что это, осколок металла? Вероятно, что-то связанное с одеждой — например, микроскопический фрагмент застежки-молнии, приставший к обожженной коже.

Маура полезла в конверт и нашла боковой снимок туловища. Она поместила его рядом с фронтальным видом. Металлический фрагмент просматривался и на боковом снимке, но теперь она видела, что он не лежал на лобковой кости, казалось, он врос в нее.

Маура вынула из конверта все рентгеновские снимки Никки и попарно развесила их на проекторе. Она различила пятна на снимке грудной клетки, которые отметил доктор Хобарт, — металлические петельки и крючки бюстгальтера. На боковых снимках было заметно, что петельки лежат на мягких тканях. Она снова взглядела в снимки тазовой области, где просматривался металлический осколок, вросший в лобковую кость. Доктор Хобарт упомянул об этом в своем отчете, однако о своих выводах так и не сообщил. Возможно, счел эту находку незначительной деталью. Да и в самом деле, на фоне всех прочих ужасов, связанных с убитой, на такую мелочь он мог не обратить внимания.

Йошима ассистировал Хобарту во время вскрытия; возможно, он еще помнит подробности.

Маура вышла из кабинета, спустилась по лестнице и, толкнув распашные двери, вошла в секционный зал. Там никого не было, рабочие столы после вечерней смены уже протерли.

— Йошима! — позвала она.

Потом надела бахилы и прошла через зал, мимо пустых столов из

нержавеющей стали, распахнула следующие двери и оказалась в приемной морга. Толкнув дверь в морозильную камеру, заглянула внутрь. Увидела лишь два трупа — упакованные в белые мешки, они покоились на каталках.

Маура закрыла дверь и прислушалась к тишине, пытаясь уловить хотя бы какие-то голоса, шаги. Но услышала лишь гул морозильной камеры и отдаленный вой сирены «скорой помощи», доносившийся с улицы.

Должно быть, Костас и Йошима уже ушли домой.

Выйдя из здания, она увидела, что «Сааб» и «Хонда» действительно уехали, а на стоянке остались лишь ее черный «Лексус» да три труповозки с надписями «Бюро судмедэкспертизы штата Массачусетс». Было уже темно; ее автомобиль стоял особняком на островке желтого света, исходявшего от уличного фонаря.

Образы Терезы и Никки Уэллс по-прежнему преследовали ее. Направляясь к своему «Лексусу», она настороженно вглядывалась в тень, прислушивалась к звукам и шорохам. В нескольких шагах от автомобиля она вдруг остановилась, уставившись на пассажирскую дверь. Дикий ужас сковал ее. Папки выскользнули из онемевших рук, бумаги разлетелись по асфальту.

Три параллельные царапины избородили сверкающую полировку автомобиля. Следы когтей.

«Беги. Прячься».

Она развернулась и бросилась назад, к зданию. Остановилась у запертой двери, судорожно нащупывая в сумке ключи. Где же они? Наконец отыскав нужный ключ, она вставила его в замок, ворвалась в здание и резко захлопнула за собой дверь. Привалилась к ней спиной, словно создавая своим телом дополнительную преграду.

В пустом помещении было слышно лишь ее тяжелое хриплое дыхание.

Маура бросилась по коридору к своему кабинету и закрылась изнутри. Только здесь, в окружении знакомых вещей, она испытала некоторое облегчение, чувствуя, как восстанавливается дыхание, уходит дрожь. Она подошла к столу, схватила телефонную трубку и набрала номер Джейн Риццоли.

— Вы все правильно сделали. Убрались оттуда в надежное место, — одобрила ее Риццоли.

Маура сидела за своим столом, уставившись на смятые бумаги, которые Риццоли подобрала на стоянке. Досье Никки Уэллс, растрепанное, в панике затоптанное в грязь. Даже в компании Риццоли Маура чувствовала себя не вполне спокойно.

— Нашли какие-нибудь отпечатки на двери? — спросила Маура.

— Довольно много. Как на двери любого автомобиля.

Риццоли подкатила кресло к столу Мауры и села. Положила руки на свой выступающий живот. «Мама Риццоли — беременная и вооруженная, — заметила про себя Маура. — И надо же — именно она выступает в роли моей спасительницы!»

— Как долго ваша машина там стояла? Вы сказали, что приехали около шести.

— Но царапины могли появиться и раньше. Я не каждый день открываю пассажирскую дверь. Только если ставлю сумки или другую поклажу. Сегодня я обратила на нее внимание только потому, что автомобиль был припаркован прямо под фонарем.

— Когда в последний раз вы смотрели на эту дверь?

Маура потеряла виски.

— Я точно знаю, что вчера утром все было в порядке. Когда уезжала из Мэна, я ставила свою сумку на переднее сиденье. Царапины я бы заметила.

— Хорошо. Вчера вы ехали домой. А потом?

— Всю ночь машина стояла в гараже. А сегодня утром я приезжала к вам на Шредер-Плаза.

— Где вы припарковались?

— В гараже рядом с главным управлением полиции. На Коламбус-авеню.

— Значит, всю вторую половину дня машина стояла в том гараже. А мы ездили в тюрьму.

— Да.

— В гараже круглосуточное видеонаблюдение.

— Правда? Я что-то не заметила...

— А потом вы куда поехали? После того как мы вернулись из Фрэммингэма?

Маура заколебалась.

— Доктор!

— Я ездила к Джойс О'Доннел. — Она встретила взглядом с Риццоли. — Не смотрите на меня так. Мне необходимо было с ней встретиться.

— А меня вы собирались поставить в известность?

— Конечно. Послушайте, мне необходимо узнать как можно больше о своей матери.

Риццоли откинулась на спинку кресла, поджала губы. «Она недовольна мной, — подумала Маура. — Она ведь просила меня держаться подальше от О'Доннел, а я не послушалась».

— Как долго вы пробыли у нее? — спросила Риццоли.

— Около часа. Джейн, она рассказала мне кое-что интересное. Амальтея выросла в Фокс-Харборе. Вот почему Анна отправилась в Мэн.

— А после того как вы вышли из дома О'Доннел? Что было дальше?

Маура вздохнула.

— Я приехала прямо сюда.

— Вы не заметили, за вами никто не ехал?

— С чего бы это вдруг? У меня голова забита совсем другим.

Какое-то время они молча смотрели друг на друга, и напряжение, вызванное визитом Мауры к О'Доннел, как будто висело между ними.

— Вы знали, что у вас сломана камера видеонаблюдения? — спросила Риццоли. — Та, что на парковке.

Маура усмехнулась. Пожала плечами.

— А вы знали, на сколько сократили наш бюджет в этом году? Эта камера не работает вот уже несколько месяцев. По-моему, даже заметно, что провода висят.

— Я имею в виду, что она бы отпугнула вандалов.

— К сожалению, не отпугнула.

— Кто еще знает о том, что камера сломана? Все ваши сотрудники, верно?

— Мне не нравится ваш намек. — Маура внезапно заволновалась. — Многие видели, что камера неисправна. Копы. Водители. Все, кто привозил сюда трупы. Достаточно лишь поднять голову, чтобы это заметить.

— Вы говорили, когда вы сюда подъехали, на стоянке стояли две машины. Доктора Костаса и Йошимы.

— Да.

— А когда выходили из здания около восьми, машин уже не было.

— Да, они уехали.

— У вас хорошие отношения с ними?

Маура хохотнула.

— Вы шутите, верно? Потому что ваши вопросы смехотворны.

— Я должна задать их.

— Но почему? Вы же знаете доктора Костаса, Джейн. И Йошиму. Не можете же вы подозревать их, в самом деле.

— Они оба были на стоянке. Проходили мимо вашей машины. Доктор Костас вышел первым, примерно в шесть сорок пять. Йошима вскоре после него, возможно, в семь пятнадцать.

— Вы говорили с ними?

— Они оба сказали, что не видели царапин на вашей машине. По идее, они должны были их увидеть. Йошима наверняка бы заметил, поскольку его машина стояла рядом с вашей.

— Мы работаем вместе вот уже два года. Я знаю его. И вы его знаете.

— Мы думаем, что знаем.

«Не надо, Джейн, — подумала Маура — Не заставляйте меня опасаться собственных коллег».

— Он проработал в этом здании восемнадцать лет, — сказала Риццоли.

— Эйб практически столько же. И Луиза.

— Вы знали, что Йошима живет один?

— Я ведь тоже живу одна.

— Ему сорок восемь лет, он никогда не был женат и живет один. Каждый день приходит на работу, а тут вы, такая близкая и знакомая. Вы оба работаете с трупами. Занимаетесь довольно мрачным ремеслом. Это предполагает некую связь между вами. Те ужасы, которые видели только вы и он.

Маура подумала о том, как много времени они с Йошимой проводили вместе в лаборатории, среди стальных столов и острых инструментов. Он, казалось, всегда предугадывал ее желания и мысли. Да, разумеется, между ними существовала невидимая связь, ведь они были единой командой. Но, снимая перчатки и бахилы, они расходились в разные стороны, у каждого была своя жизнь. Они не общались вне бюро, даже ни разу не выпили после рабочего дня. «В этом мы с ним похожи, — подумала она. — Двое отшельников, которые встречаются только у стола с трупами».

— Знаете, я симпатизирую Йошиму, — вздохнув, призналась Риццоли. — Мне противно даже думать о такой возможности. Но есть вещи, которые я должна просчитывать, это моя работа.

— Ваша работа? Она состоит в том, чтобы сделать из меня параноика? Я и так достаточно напугана, Джейн. Не заставляйте меня бояться тех, кому

я должна доверять. — Маура собрала со стола бумаги. — Вы закончили с моей машиной? Я бы хотела уехать домой.

— Да, мы закончили. Но я не уверена в том, что вам стоит ехать домой.

— А что вы прикажете мне делать?

— Есть другие варианты. Вы можете отправиться в отель. Или переночевать у меня на диване. Я только что говорила с детективом Баллардом, и он обмолвился, что у него есть свободная комната.

— С какой стати вы общаетесь с Баллардом?

— Он каждый день справляется у меня, как идет расследование. Час назад звонил, и я рассказала, что случилось с вашей машиной. Он приехал посмотреть.

— Так он сейчас на стоянке?

— Да, недавно подъехал. Он очень обеспокоен, доктор. И я тоже. — Риццоли немного помолчала. — Так что вы решили?

— Я не знаю...

— Ну, у вас есть несколько минут подумать. — Риццоли с трудом поднялась на ноги. — Пойдемте, я провожу вас.

«Абсурд какой-то, — думала Маура, пока они шли по коридору. — В роли моей защитницы женщина, которой трудно даже подняться с кресла». Но Риццоли ясно дала понять, что она здесь главная и отвечает за безопасность. Так что именно она открыла дверь и первой вышла на улицу.

Маура проследовала за ней к «Лексусу», возле которого стояли Фрост и Баллард.

— Как вы, Маура? — осведомился Баллард. Его лицо было в тени, и она не могла ничего прочитать в его глазах.

— Хорошо.

— Все могло обернуться гораздо хуже. — Он взглянул на Риццоли. — Вы сказали ей, что мы думаем?

— Я порекомендовала ей не ехать сегодня домой.

Маура посмотрела на свою машину. Три царапины отчетливо выделялись на дверце и казались еще более угрожающими. Они напоминали раны, оставленные когтями хищника. «Убийца Анны разговаривает со мной. А я даже не догадывалась, насколько близко он подобрался».

— Эксперты заметили небольшую вмятину на водительской двери, — сообщил Фрост.

— Она давняя. Кто-то врезался в меня на стоянке несколько месяцев назад.

— Значит, нас интересуют только царапины. Ребята сняли несколько

отпечатков пальцев. Им понадобятся и ваши, доктор. Снимите их как можно быстрее.

— Конечно. — Она подумала о тех пальцах, с которых они снимали отпечатки в морге. «Мои они получают раньше времени. Еще при жизни». Она обхватила руками грудь и, хотя вечер был теплым, почувствовала озноб. Представила, как войдет в свой пустой дом и запрется в спальне. Пусть даже она забаррикадируется, но ее дом все равно не станет крепостью. Окна легко можно разбить, а сетки на них вырезать ножом.

— Вы сказали, что это Чарльз Касселл расцарапал машину Анны. — Маура взглянула на Риццоли. — Касселл не стал бы делать это с моей машиной.

— Нет, у него нет на это причин. Эти царапины — предупреждение именно вам, — сказала Риццоли. И тихо добавила: — Возможно, Анна была ошибкой.

«Мне. Я должна была умереть».

— Так куда вы решили ехать, доктор? — поинтересовалась Риццоли.

— Не знаю, — ответила Маура. — Я не знаю, что делать...

— Может, для начала уйти отсюда? — предложил Баллард. — Чтобы не маячить на всеобщем обозрении?

Маура бросила взгляд на тротуар. Различила силуэты прохожих, привлеченных светом проблесковых маячков полицейского патруля. Лиц этих людей она не видела, они были в тени, в то время как она стояла в лучах света словно актриса на сцене.

— У меня есть свободная спальня, — сказал Баллард.

Она упорно не смотрела на него, сосредоточившись на безликих тенях уличных зевак. «Все развивается слишком быстро, — подумала она. — Слишком много решений нужно принять сразу, в одно мгновение. Сделать выбор, о котором потом, возможно, придется пожалеть».

— Доктор! — окликнула ее Риццоли. — О чем задумались?

Наконец Маура перевела взгляд на Балларда. И вновь ощутила знакомое волнение.

— Похоже, больше мне некуда пойти, — произнесла она.

* * *

Он ехал следом за ней, держась на таком близком расстоянии, что фары его автомобиля светили в ее зеркало заднего вида. Он как будто боялся, что она передумает и свернет с пути, затеряется в водовороте

дорожного движения. Не отставал, даже когда они оказались в тихом пригороде Ньютона и Маура, следуя его инструкции, дважды объехала квартал, чтобы убедиться: за ними никто не увязался. Не успела она остановиться перед его домом, как Рик уже постучал ей в стекло.

— Заезжайте в мой гараж, — сказал он.

— Я же займу ваше место.

— Ну и что? Я не хочу, чтобы ваша машина стояла на улице. Сейчас открою дверь.

Маура подъехала к гаражу и стала наблюдать за тем, как дверь ползет вверх, приоткрывая безупречно чистое помещение с развешанными на перфорированной плите инструментами и встроенными полками, на которых рядами стояли банки с краской. Даже бетонный пол, казалось, блестел. Она осторожно въехала в гараж, и дверь бесшумно опустилась. Некоторое время она не двигалась с места, прислушиваясь к гудению остывающего двигателя и готовясь к предстоящему вечеру. Еще совсем недавно идея вернуться домой казалась необдуманной и небезопасной. Сейчас она сомневалась: а правильной ли было приехать сюда?

— Проходите, — сказал Баллард, открыв дверцу ее машины. — Я покажу вам, как привести в действие охранную систему. На случай, если меня не будет.

Он провел ее в дом и в холле показал панель, установленную рядом с входной дверью.

— Эта обновленная система у меня всего несколько месяцев. Сначала вы набираете секретный код, потом нажимаете кнопку «Вкл.». Если система приведена в действие, при вторжении в дом через дверь или окно раздастся такой громкий сигнал тревоги, что у вас уши заложит. Она автоматически оповещает охранную компанию, и те тут же выезжают сюда. Чтобы отключить систему, вы набираете тот же код и нажимаете кнопку «Выкл.». Пока все понятно?

— Да. Вы хотите назвать мне код?

— Я как раз подхожу к этому. — Он бросил на нее взгляд. — Вы, конечно, понимаете, что я собираюсь вручить вам числовой ключ от моего дома.

— Вы сомневаетесь, что мне можно доверять?

— Просто обещайте, что не передадите его своим неблагонадежным приятелям.

— О да, у меня их полно.

— Да уж. — Он рассмеялся. — И все наверняка с удостоверениями полицейских. Итак, код: двенадцать-семнадцать. День рождения моей

дочери. Вы запомните, или хотите записать?

— Запомню.

— Хорошо. А теперь подойдите и включите систему, поскольку, как я полагаю, мы сегодня больше никуда не пойдем.

Пока она набирала цифры, он стоял так близко, что Маура ощущала тепло его дыхания. Когда она нажала кнопку «Вкл.», раздался тихий звуковой сигнал. На дисплее появилась надпись: «Система включена».

— Ну вот, теперь дом превратился в крепость, — сказал он.

— Это оказалось довольно просто. — Обернувшись, она натолкнулась на его пристальный взгляд. Ей вдруг захотелось отступить назад и снова оказаться на безопасном расстоянии.

— Вы ужинали? — спросил Рик.

— До ужина так и не дошло. Слишком много событий сегодня вечером.

— Тогда пошли. Я не могу позволить вам умереть с голоду.

Его кухня выглядела в точности так, как Маура и представляла: крепкие шкафы кленового дерева с надежными деревянными рабочими поверхностями. Кастрюли и сковороды свисали с подвесной полки, закрепленной на потолке, и были строго рассортированы по размеру. Никаких экстравагантных излишеств, рабочее место практичного человека.

— Я не хочу доставлять вам лишние хлопоты, — сказала она. — Яичницы и тоста будет вполне достаточно.

Он открыл холодильник и достал упаковку яиц.

— Болтунья?

— Я сама могу приготовить, Рик.

— Может, вы лучше тосты сделаете? Хлеб вон там. Я бы тоже съел один с удовольствием.

Она достала из пакета два ломтика хлеба и бросила их в тостер. Повернулась и стала наблюдать, как Баллард хлопчет у плиты, взбивая в миске яйца. Вспомнился их последний совместный ужин, когда они сидели босые и хохотали. Наслаждались обществом друг друга. А потом телефонный звонок Джейн изменил ее отношение к Рику. Интересно, не позвони тогда Джейн, чем бы закончился вечер? Маура смотрела, как Баллард выливает омлет в сковороду, включает газ. Почувствовала, как вспыхнуло ее лицо, словно вместе с конфоркой он зажег и другое пламя, то, что у нее внутри.

Она отвернулась и устремила свой взгляд на дверцу холодильника, к которой были прикреплены фотографии Балларда и его дочери. Вот Кэти, еще младенец, на руках у матери. Вот она же, уже постарше, на высоком

стульчике. Целая галерея образов девчушки, постепенно превратившейся в блондинку-подростка с недовольной гримасой на лице.

— Она так быстро меняется, — заметил Рик. — Мне даже не верится, что на этих фотографиях один и тот же ребенок.

Маура обернулась к нему.

— Что вы решили насчет того косяка, что нашли в ее шкафчике?

— А, это. — Он вздохнул. — Кармен наказала ее. Лишила телевизора на месяц. Теперь и мне придется спрятать свой, чтобы Кэти не смотрела исподтишка, пока меня нет дома.

— Вы с Кармен выступаете единым фронтом.

— А что остается делать? Каким бы горьким ни был развод, приходится действовать сообща во благо ребенка. — Он отошел от плиты и разложил дымящуюся яичницу по тарелкам. — У вас нет детей?

— Нет, к счастью.

— К счастью?

— Мы с Виктором не смогли бы вести себя так же цивилизованно, как вы.

— Это не так легко, как кажется со стороны. Особенно с тех пор, как...

— Да?

— Мы просто стараемся соблюдать внешние приличия. Вот и все.

Они накрыли на стол и сели друг против друга. Тема их неудачных браков вызвала некоторое напряжение. «Мы оба еще не оправились от душевных травм, — подумала она. — И, несмотря на взаимную симпатию, сейчас не время завязывать какие бы то ни было отношения».

Но уже после ужина, поднимаясь по лестнице, она догадывалась, что оба думают об одном и том же.

— Вот ваша комната, — сказал Рик, открывая перед ней дверь комнаты Кэти.

Она вошла и сразу же встретилась с зовущим взглядом Бритни Спирс, которая взидала с огромного постера на стене. На книжных полках теснились куклы Бритни вперемежку с компакт-дисками. «В этой комнате меня будут мучить кошмары», — подумала Маура.

— Здесь есть своя ванная, вон за той дверью, — указал он. — В шкафчике найдете новую зубную щетку. Можете воспользоваться халатом Кэти.

— Она не будет против?

— Эту неделю она живет у Кармен. Она даже не узнает, что вы здесь были.

— Спасибо, Рик.

Он замешкался, словно ожидая услышать от нее что-то еще. Слова, которые изменили бы все.

— Маура, — произнес он.

— Да?

— Я буду оберегать вас. Я просто хочу, чтобы вы это знали. То, что случилось с Анной... я не позволю, чтобы это случилось с вами. — Он повернулся, чтобы уйти. Тихо произнес: — Спокойной ночи, — и закрыл за собой дверь.

«Я буду оберегать вас».

«Не этого ли мы все хотим? — подумала она. — Чтобы кто-то заботился о нас, охранял». Она уже забыла, что это такое. Даже замужем за Виктором она никогда не чувствовала заботы с его стороны; он был слишком поглощен собой и своим делом, чтобы обращать внимание на других.

Лежа в постели, она прислушивалась к тиканью часов на тумбочке. К шагам Балларда за стеной. Дом постепенно погрузился в тишину. Она наблюдала, как ползут стрелки часов. Полночь. Час ночи. А она все не могла заснуть. Хотя и понимала, что завтра будет чувствовать себя разбитой.

«Интересно, он тоже не спит?»

Она едва знала этого человека, точно так же, как едва знала Виктора, когда выходила за него замуж. Каким кошмаром обернулись потом три года совместной жизни, и все из-за проклятых гормонов. Искрой вспыхнувшего чувства. Теперь она не доверяла своим эмоциям, когда дело касалось мужчин. Тот, с кем очень хотелось лечь в постель, мог оказаться самым неудачным вариантом.

Два часа.

По окну скользнул луч фар. Заурчал мотор. Маура напряглась, мысленно успокаивая себя: «Это ничего не значит, просто сосед поздно вернулся домой». На крыльце проскрипели чьи-то шаги. Она оцепенела. И вдруг тишину дома взорвал оглушительный вой сирены. Она резко подскочила на постели.

«Сигнализация! Кто-то проник в дом».

Баллард забарабанил в дверь.

— Маура! Маура! — раздался его крик.

— Я здесь!

— Заприте дверь! Не выходите.

— Рик!

— Оставайтесь в комнате!

Она спрыгнула с кровати и закрыла дверь на ключ. Опустилась на корточки, зажала уши ладонями, чтобы не слышать пронзительного воя сирены, который заглушал все. Она думала о Балларде, который бежал вниз по лестнице. Ей представлялся дом, наводненный тенями. И кто-то невидимый на пороге. «Где ты, Рик?» Она не слышала ничего, кроме пронзительного сигнала тревоги. Сейчас она была глухой, слепой и беспомощной перед надвигающимся ужасом.

Сирена внезапно смолкла. В воцарившейся тишине она наконец услышала свое тяжелое дыхание, стук сердца.

И голоса.

— Боже правый! — громко кричал Рик. — Я же мог убить тебя! О чем ты думала, черт возьми?

Следом прозвучал девичий голос. Обиженный, злой.

— Ты закрыл дверь на цепочку! Я не могла войти и отключить сигнализацию!

— Перестань орать на меня.

Маура открыла дверь и вышла в коридор. Злые голоса звучали все громче. Перегнувшись через перила, она посмотрела вниз и увидела Рика: он стоял внизу, без рубашки, в голубых джинсах, с пистолетом, уже заткнутым за пояс. Его дочь свирепо смотрела на него.

— Два часа ночи, Кэти. Как ты вообще сюда добралась?

— Меня подвез друг.

— Среди ночи?

— Я приехала забрать рюкзак, ясно? Я вспомнила, что он мне завтра понадобится. А маму будить не хотела.

— Скажи, кто этот друг. Кто привез тебя?

— Да он уже уехал! Твоя сирена его, наверное, до смерти перепутала.

— Это парень? Кто?

— Я не собираюсь доставлять ему неприятности!

— Кто этот парень?

— Хватит, пап. Хватит.

— Стой здесь и отвечай на мои вопросы. Кэти, не ходи туда...

Ее шаги уже застучали по лестнице и вдруг смолкли. Кэти застыла на месте, уставившись на Мауру.

— Вернись немедленно! — закричал Рик.

— Да, папа, — пробормотала Кэти, не сводя глаз с Мауры. — Теперь я понимаю, почему ты заперся от меня на цепь.

— Кэти! — рявкнул Рик. Но его прервал телефон. Он повернулся, чтобы снять трубку. — Алло! Да, это Рик Баллард. Все в порядке. Нет, не

нужно никого присылать. Моя дочь пришла домой и не успела отключить сигнализацию...

Девочка по-прежнему смотрела на Мауру с неприкрытой враждебностью.

— Выходит, вы его новая подружка.

— Не стоит так расстраиваться, — тихо произнесла Маура. — Я ему не подружка. Мне просто негде переночевать.

— Ну конечно. Почему бы не переночевать с моим отцом?

— Кэти, это правда...

— В этой семье никто никогда не говорит правду.

Внизу снова зазвонил телефон. И Рик снова взял трубку.

— Кармен, Кармен, успокойся! Кэти у меня. Да, с ней все в порядке. Какой-то мальчик привез ее сюда, чтобы она забрала рюкзак...

Девочка на прощание метнула ядовитый взгляд на Мауру и спустилась вниз по лестнице.

— Твоя мама звонит, — сказал Рик.

— Ты собираешься рассказать ей о своей новой пассии? Как ты можешь так поступать с ней, папа?

— Давай поговорим спокойно. Ты должна смириться с тем, что мы с мамой больше не муж и жена. Все изменилось между нами.

Маура вернулась в спальню и захлопнула дверь. Пока она одевалась, внизу продолжалась перебранка между отцом и дочерью. Голос Рика звучал уверенно и твердо, девочка срывалась на крик. Маура собралась в считанные минуты. Спустившись вниз, она застала их в гостиной. Кэти забилась в угол дивана, словно разъяренный дикобраз.

— Рик, я, пожалуй, поеду, — сказала Маура.

Он вскочил на ноги.

— Но это невозможно.

— Нет, все нормально. Вам нужно побыть с семьей.

— Но для вас небезопасно возвращаться домой.

— Я не поеду домой. Переночую в отеле. Не волнуйтесь, со мной все будет в порядке.

— Маура, подождите...

— Она хочет уехать, не видишь? — огрызнулась Кэти. — Ну и не мешай ей.

— Я вам позвоню из отеля, — пообещала Маура.

Пока она выезжала из гаража, Рик стоял во дворе и наблюдал за ней. Их взгляды встретились на мгновение, и он даже шагнул ей навстречу, словно в попытке удержать, вернуть в свое безопасное убежище.

Улицу осветила еще одна пара автомобильных фар. Кармен затормозила у тротуара и вышла из машины — светлые волосы в беспорядке, из-под халата выглядывает ночная сорочка. Еще одна родительница, выдернутая из постели нерадивым подростком. Кармен стрельнула глазами в сторону Мауры, потом сказала несколько слов Балларду и прошла в дом. Через окно гостиной Маура увидела, как мать и дочь обнялись.

Баллард задержался во дворе. Бросил взгляд в сторону дома, потом снова воззрился на Мауру, словно разрываясь меж двух огней.

Она приняла решение за него. Вырулила на улицу и надавила на газ. В зеркало заднего вида она успела увидеть, как Рик заходит в дом. Возвращается к своей семье. «Даже развод, — подумала она, — не может окончательно разорвать узы брака». Они остаются даже после того, как подписаны все бумаги, исполнены все формальности. Но самая прочная связь остается в крови и плоти ребенка.

Она глубоко вздохнула. И вдруг почувствовала себя очищенной от искушения. Свободной.

Как и обещала Балларду, домой она не поехала. А вместо этого двинулась на запад, в направлении автострады номер 95, которая широким полукругом огибала окраины Бостона. Она остановилась в первом попавшемся мотеле. В номере пахло сигаретами и мылом. Крышка унитаза была опоясана стерильной лентой, в ванной стояли пластиковые стаканчики. Сквозь тонкие стены слышался шум транспорта. Она не помнила, когда в последний раз останавливалась в таком дешевом захудалом мотеле. Позвонила Рику — короткий разговор на полминуты, только чтобы сообщить, где она находится. После чего она отключила мобильник и легла в постель на обтрепанное белье.

В ту ночь она впервые за неделю спала абсолютно спокойно.

«Меня никто не любит, меня все ненавидят. Наемся-ка червей, червей, червей, червей!»

Прекрати!

Мэтти закрыла глаза, стиснула зубы, но дурацкая детская песенка все не отставала. Назойливая мелодия все крутилась в голове, вызывая в памяти слова о червях.

«Правда, не я буду есть червей, а они меня».

Эй, подумай же о чем-то другом! О приятном, красивом. Цветы, платья. Белые платья из шифона, расшитые бисером. День свадьбы. Да, думай об этом.

Она вспомнила себя в комнате для невест методистской церкви Святого Иоанна. Разглядывая себя в зеркале, она думала: «Сегодня лучший день в моей жизни. Я выхожу замуж за человека, которого люблю». Вспомнила, как мама зашла в комнату, чтобы помочь прикрепить фату. Она склонилась над ней и, вздохнув с облегчением, произнесла:

— Я и не надеялась дожить до этого дня.

Дня, когда наконец ее дочь возьмут в жены.

И вот сейчас, спустя семь месяцев, Мэтти вспомнились слова матери, которые показались ей не слишком-то добрыми. Но в тот день ничто не могло омрачить ее радости. Ни утренняя тошнота, ни убийственно высокие шпильки. Ее не смутило даже то, что Дуэйн выпил много шампанского и уснул в отеле еще до того, как она вышла из ванной. Все казалось пустяком по сравнению с тем, что она стала госпожой Первис и вот-вот начнется ее новая, настоящая жизнь.

«И вот теперь она закончится здесь, в этом ящике, если только Дуэйн не придет на помощь. Он ведь спасет меня, правда? Он хочет, чтобы я вернулась».

Думать об этом было еще тяжелее, чем о червях. Смени тему, Мэтти!

«А что, если он не хочет вернуть меня? А вдруг он все время ждал, что я исчезну и он останется с той женщиной? Что, если это он...»

Нет, только не Дуэйн. Если бы он хотел ее смерти, стал бы он держать ее в этом ящике? Живую?

Она глубоко вздохнула, и ее глаза наполнились слезами. Она хотела жить. Она была готова изо всех сил бороться за жизнь, но не знала, как выбраться из этого проклятого ящика. Вот уже целую вечность она думала

только об этом. Барабанила по стенкам, стучала по крышке. Мелькнула мысль разобрать фонарик на части и смастерить... но что?

Бомбу.

Она как будто слышала смех Дуэйна, его издевки. «Да уж, Мэтти, ты настоящий Макгайвер!»

«Ну так что же мне делать?»

«Черви...»

Они опять заползли в ее мысли. В ее будущее. Проникли под кожу, впились в ее плоть. Они уже ждали ее в земле, за стенками ящика. Ждали, когда она умрет. Тогда они набросятся на нее, устроят себе праздник.

Она перевернулась на бок и вздрогнула.

«Должен быть выход».

Йошима склонился над трупом, зажав в руке шприц с иглой номер шестнадцать. На секционном столе лежало тело молодой женщины, такой тощей, что ее впалый живот провисал на тазовых костях. Натянув кожу в области паха, Йошима ввел иглу в бедренную вену. Оттянул поршень, и темная, почти черная кровь медленно наполнила шприц.

Когда Маура вошла в лабораторию, ее ассистент даже не оглянулся, настолько был поглощен своей работой. Она молча смотрела, как он аккуратно снимает иглу и разливает кровь по разнообразным пробиркам. Он действовал со сноровкой профессионала, через руки которого прошло бесчисленное количество пробирок с кровью бесконечного числа трупов. «Если я королева мертвых, — подумала она, — то Йошима, несомненно, король. Это он раздевает покойников, взвешивает их, прощупывает пах и шею в поисках вен, раскладывает извлеченные органы по банкам с формалином. И, когда вскрытие окончено, когда я откладываю в сторону скальпель, именно он берет в руки иглу и нить и зашивает иссеченные тела».

Йошима бросил использованный шприц в мусорное ведро. На мгновение замер, взглянув на женщину, чью кровь только что забрал на анализ.

— Она поступила сегодня утром, — объяснил он. — Любовник проснулся и обнаружил ее мертвой на диване.

Маура увидела следы от иглы на руках женщины.

— Жаль ее.

— Всегда жаль.

— Кто проводит вскрытие?

— Доктор Костас. Доктор Бристол сегодня в суде. — Йошима подкатил тележку к столу и начал выкладывать инструменты.

В воцарившемся неловком молчании клацанье металла казалось болезненно громким. Их краткий разговор был как всегда деловым, но сегодня Йошима не смотрел на нее. Он как будто избегал ее взгляда, стараясь даже не поворачиваться к Мауре. Опасаясь невольного упоминания о том, что произошло вчера вечером на парковке. Но эта тема все равно витала в воздухе, нависала над ними, и игнорировать ее было невозможно.

— Я так понимаю, детектив Риццоли звонила тебе домой вчера

вечером, — сказала Маура.

Он замер вполоборота к ней, его руки застыли над металлическим подносом.

— Йошима, мне очень жаль, если она преподнесла это...

— Вам известно, сколько я проработал в бюро судмедэкспертизы, доктор Айлз? — прервал он ее.

— Я знаю, что ты работаешь здесь гораздо дольше, чем любой из нас.

— Восемнадцать лет. Доктор Тирни взял меня на работу сразу после армии. Я служил в морге санитарной части. Это было, знаете ли, нелегко — вскрывать трупы молодых ребят. Большинство из них были жертвами несчастных случаев или суицида, в армии это не редкость. Молодые ребята любят рисковать. Ввязываются в драки, лихачат на дорогах. Или же их бросают жены, и тогда они берутся за ружье и стреляют себе в грудь. Я думал: по крайней мере я могу сделать хоть что-то для них, старался относиться к ним с уважением, достойным солдат. Некоторые из них были совсем детьми, еще безусыми. Это было тяжело — видеть, как они молоды, но я справлялся. Так же, как справляюсь здесь, потому что это моя работа. Даже не помню, когда в последний раз я отсутствовал по болезни. — Он немного помолчал. — Но сегодня мне впервые не хотелось приходить сюда.

— Почему?

Он обернулся и взглянул на Мауру.

— А вы знаете, каково это, проработав здесь восемнадцать лет, вдруг ощутить себя в роли подозреваемого?

— Мне очень жаль, что после разговора с ней у тебя возникло такое ощущение. Я знаю, она может быть резкой...

— Нет, напротив, она была очень вежлива, дружелюбна. Просто по характеру ее вопросов я догадался, в чем дело. «Как вам работается с доктором Айлз? Вы хорошо ладите друг с другом?» — Йошима рассмеялся. — Как вы думаете, почему она спрашивала меня об этом?

— Она просто выполняла свою работу, вот и все. Она не собиралась ни в чем обвинять тебя.

— Но прозвучало это именно так. — Йошима подошел к рабочему столу и принялся расставлять банки с формалином для образцов ткани. — Мы проработали вместе почти два года, доктор Айлз.

— Да.

— И ни разу не было такого, по крайней мере, я не припомню, чтобы вы были недовольны моей работой.

— Никогда. Я бы не хотела работать ни с кем другим.

Он повернулся и в упор посмотрел на нее. Под ярким светом флуоресцентных ламп Маура заметила, как много седины в его черных волосах. Когда-то она думала, что Йошима едва за тридцать. С гладким лицом, стройный, он казался мужчиной без возраста. Сейчас, заметив лучики морщинок вокруг его глаз, она поняла, кто он на самом деле: человек, плавно переходящий в средний возраст. «Как я».

— Ни на минуту, — сказала она, — ни на мгновение я не сомневалась в том, что ты...

— Но теперь-то вы сомневаетесь, так ведь? Раз уж детектив Риццоли заговорила об этом, вам придется подумать о том, что я мог изуродовать вашу машину. Что это я охочусь за вами.

— Нет, Йошима. Не сомневаюсь. Я отказываюсь от всех сомнений.

Он продолжал буравить ее взглядом.

— В таком случае вы нечестны либо с собой, либо со мной. Потому что вы наверняка думали об этом. И пока существует хотя бы малейшее недоверие, вам будет нелегко работать со мной. Я это чувствую, и вы тоже. — Он снял перчатки, отвернулся от Мауры и принялся надписывать этикетки. Она видела, как напряжены его спина и мышцы шеи.

— Мы справимся с этим, — сказала она.

— Возможно.

— Не возможно, а непременно справимся. Мы должны работать вместе.

— Ну, это зависит от вас.

Несколько секунд она смотрела на него, размышляя о том, как вернуть прежнюю искреннюю дружбу. «А может, это дружба и не была такой уж искренней, — подумала Маура. — Это я так считала, хотя все это время он скрывал от меня свои эмоции, а я — свои. Надо же какой тандем — дуэт непроницаемых лиц! Каждую неделю перед нашими глазами разворачивается трагедия, но я ни разу не видела, чтобы он плакал, а он не видел слез в моих глазах. Для нас смерть — это работа, мы похожи на двух фабричных работяг».

Йошима закончил надписывать банки с образцами и, обернувшись, увидел Мауру у себя за спиной.

— Вам что-нибудь нужно, доктор Айлз? — спросил он. В его голосе, как и в выражении лица, уже не было и намек на то, что произошло между ними. Перед ней стоял тот самый Йошима, которого она всегда знала: спокойный и умелый, готовый в любой момент предложить помощь.

Она ответила тем же. Достала из конверта рентгеновские пленки, которые принесла с собой, и разместила на экране проектора те, что

принадлежали Никки Уэллс.

— Надеюсь, ты помнишь это дело, — сказала она и включила на проекторе свет. — Это снимки пятилетней давности. Дело из Фитчбурга.

— Имя жертвы?

— Никки Уэллс.

Нахмурившись, он посмотрел на снимки. И сразу его внимание привлекли кости плода в области материнского таза.

— Это та беременная женщина? Убитая вместе с сестрой?

— Значит, ты помнишь.

— Оба трупа сожгли?

— Верно.

— Я помню, вскрытие делал доктор Хобарт.

— Я незнакома с доктором Хобартом.

— Конечно, он ушел от нас за два года до того, как пришли вы.

— А где он сейчас? Я бы хотела поговорить с ним.

— Ну, это проблематично. Он умер.

Она нахмурилась.

— Что?

Йошима печально покачал головой.

— Доктор Тирни очень тяжело переживал его смерть. Чувствовал себя виноватым, хотя выбора у него не было.

— Что случилось?

— Были некоторые... проблемы с доктором Хобартом. Сначала он подевал куда-то несколько предметных стекол со срезами, потом потерял какие-то органы, и семья убитого узнала об этом. Они подали на нас в суд. Был скандал, о нас пошла дурная слава, но доктор Тирни горой стоял за него. А потом из сумки одного из наших работников пропали лекарства, и выбора у него не осталось. Он попросил доктора Хобарта написать заявление об уходе.

— А что было дальше?

— Доктор Хобарт пошел домой и проглотил пригоршню оксиконтин. Его хватились только через три дня. — Йошима сделал паузу. — Никто из наших не хотел делать вскрытие.

— А его компетентность подвергалась сомнению?

— У него могли быть ошибки.

— Серьезные?

— Я не совсем понимаю, что вы имеете в виду.

— Я думаю, может, он пропустил это. — Она ткнула в рентгеновский снимок. На яркое серебро в лобковой кости. — Его отчет по Никки Уэллс

не объясняет этого металлического просветления.

— На снимке просматриваются и другие металлические тени, — заметил Йошима. — Вот здесь виден крючок от бюстгальтера. А это похоже на застежку.

— Да, но посмотри на латеральный вид. Этот кусочек металла находится внутри кости, а не лежит на ней. Доктор Хобарт ничего не говорил тебе по этому поводу?

— Что-то не припоминаю. А в отчете ничего не сказано?

— Нет.

— Должно быть, он не придавал этому значения.

«Выходит, на судебном процессе против Амальтеи этот вопрос не поднимался», — подумала Маура. Йошима вернулся к своим делам, расставляя емкости и лотки, собирая необходимые бумаги. Хотя в нескольких шагах на столе лежала мертвая женщина, внимание Мауры было приковано не к свежему трупу, а к снимкам Никки Уэллс и ее нерожденного ребенка, соединенных огнем в однородную обгорелую массу.

«Зачем ты сожгла их? В чем смысл?» Возможно, Амальтея с удовольствием наблюдала за тем, как их пожирает пламя. А может, надеялась на то, что огонь уничтожит что-то еще — улики, которые она хотела скрыть.

Маура перевела взгляд с дугообразного черепа зародыша на яркий осколок, внедренный в лобковую кость Никки. Осколок был тонким, как...

«Кончик ножа. Обломок лезвия».

Но Никки погибла от удара в голову. Зачем ковырять ножом жертву, которой только что домкратом разmozжили череп? Маура еще раз взглянула на серебристый осколок, и вдруг ее поразила страшная догадка — догадка, от которой холодок пробежал по спине.

Она прошла к телефону и нажала кнопку интеркома.

— Луиза!

— Да, доктор Айлз.

— Ты не могла бы соединить меня с доктором Далджитом Сингхом? Это судмедэксперт из Огасты, штат Мэн.

— Не кладите трубку. — И уже через мгновение: — Доктор Сингх на линии.

— Далджит! — воскликнула Маура.

— Нет, я не забыл, что должен тебе ужин! — ответил он.

— Возможно, это я буду должна тебе ужин, если ты сможешь ответить на один вопрос.

— О чем речь?

— О тех останках, что мы откопали в Фокс-Харборе. Ты еще не идентифицировал их?

— Нет. Это может занять некоторое время. В сводках о пропавших по округам Уолду или Ханкок нет никого подходящего. Либо эти кости очень старые, либо люди не местные.

— Ты еще не запрашивал НЦКИ? — спросила она.

Национальный центр криминальной информации под эгидой ФБР представляет собой банк данных по всем пропавшим гражданам страны.

— Запросил, но, поскольку я не могу сузить поиск до определенного десятилетия, мне пришла целая кипа списков. Все записи по региону Новая Англия.

— Возможно, я смогу помочь тебе сузить параметры поиска.

— Каким образом?

— Укажи им период с пятьдесят пятого по шестьдесят пятый годы.

— Могу я спросить, почему ты вышла именно на это десятилетие?

«Потому что в этот период моя мать жила в Фокс-Харборе, — подумала она. — Моя мать, которая убила и тех людей».

Но она ответила совсем иначе:

— Простая гипотеза.

— Ты страшно загадочна.

— Все объясню при встрече.

* * *

Риццоли наконец уступила руль, но только потому, что они ехали в «Лексусе» Мауры, двигаясь на север в направлении трассы Мэн—Тернпайк. Ночью с запада подошел грозовой фронт, и Маура проснулась от шума дождя, барабанившего по крыше. Она приготовила себе кофе, прочитала газету — привычный утренний ритуал. Как быстро возвращаются старые привычки, пусть даже перед лицом страха. Прошлой ночью она решила не оставаться в мотеле и вернулась домой. Заперла все двери, оставила зажженным свет на крыльце — пусть слабая, но все-таки защита от ночных опасностей. Несмотря на разыгравшуюся бурю, спала она спокойно и проснулась с ощущением, что вновь стала хозяйкой собственной жизни.

«Я устала бояться, — подумала она. — Больше не позволю страху гнать меня из собственного дома».

И вот они с Риццоли направлялись в Мэн, откуда надвигались еще

более мрачные грозовые тучи, но она уже была готова к любому противостоянию. «Кто бы ты ни был, я намерена выследить тебя и поймать. Я тоже умею быть охотником».

* * *

Когда они подъехали к зданию бюро судмедэкспертизы в Огасте, было два часа пополудни. Доктор Далджит Сингх встретил их в приемной и проводил вниз по лестнице в секционный зал, где на столе уже стояли две коробки с костями.

— Я не считал это дело первоочередным, — признался он, стряхивая с коробок целлофан. Пленка, словно парашютный шелк, с тихим шуршанием опустилась на стол. — Кости пролежали в земле десятилетия, еще несколько дней ничего не изменят.

— Ты получил ответ на новый запрос из НЦКИ? — спросила Маура.

— Сегодня утром. Я распечатал список имен. Он там, на столе.

— А рентгеновские снимки зубов?

— Я загрузил файлы, которые мне прислали по электронной почте. Но пока еще не просматривал. Решил дождаться вашего приезда. — Он открыл первую картонную коробку и начал доставать кости, бережно выкладывая их на пластиковую салфетку. Череп с вмятиной. Сильно загрязненный скелет таза, длинные кости, позвоночник. Связка ребер, которые клацнули, как музыкальная подвеска из бамбука. Это был единственный звук, нарушивший тишину лаборатории Далджита, где было так же пусто и светло, как в секционном отделении в Бостоне, где обитала Маура. Хорошие патологоанатомы по природе своей перфекционисты, и доктор Сингх как нельзя лучше соответствовал этому имиджу. Он приплясывал вокруг стола с почти женственной грациозностью, бережно выкладывая кости в анатомическом порядке.

— Это чьи кости? — поинтересовалась Риццоли.

— Это мужские, — пояснил он. — По длине бедренной кости можно определить, что ростом он был примерно от ста шестидесяти до ста восьмидесяти сантиметров. Очевидна черепная травма от удара в правую височную кость. Просматривается также старый, хорошо залеченный перелом Коллиса. — Он покосился на Риццоли, которая выглядела явно озадаченной. — Это перелом запястья.

— Почему все врачи такие?

— Какие?

— Придумываете какие-то странные названия. Отчего не назвать это просто переломом запястья?

Далджит улыбнулся.

— На некоторые вопросы не существует простых ответов, детектив Риццоли.

Джейн взглянула на кости.

— Что еще нам о нем известно?

— Очевидных остеопорозных или артрозных изменений в позвоночнике не наблюдается. Это молодой мужчина европеоидной расы. Вот следы работы стоматолога — серебряные амальгамовые пломбы на нижних шестом и седьмом зубах.

Риццоли указала на вмятину в височной кости.

— Это причина смерти?

— Такой удар вполне мог быть смертельным. — Он повернулся ко второй коробке. — А теперь перейдем к останкам женщины. Они были обнаружены примерно в двадцати метрах от мужских.

Он принялся расстилать пластиковую простыню на другом секционном столе. Затем они с Маурой извлекли следующую коллекцию костей, расположив их в анатомическом порядке. Со стороны они напоминали парочку суетливых официантов, сервирующих стол к ужину. Кости с грохотом опускались на стол. Скелет таза с налетом грязи. Еще один череп, поменьше, с более изящными надбровными дугами, чем у мужчины. Кости ног, рук, грудина. Связка ребер, два бумажных пакета с костями запястья и предплюсны.

— Вот она, наша Джейн Доу, — заявил Далджит, оглядывая готовую композицию. — Здесь я не могу назвать вам причину смерти, поскольку не за что зацепиться. Судя по всему, она тоже молода, европеоидной расы. От двадцати до тридцати пяти лет. Рост примерно сто шестьдесят сантиметров, переломов нет. Состояние зубов очень хорошее. Небольшой скол вот здесь, на клыке, и золотая коронка на пятом верхнем зубе.

Маура бросила взгляд на экран проектора, где были развешаны рентгеновские пленки.

— Это снимки их зубов?

— Слева — мужчины, справа — женщины. — Далджит подошел к умывальнику, вымыл руки и выдернул бумажное полотенце. — Итак, перед вами оба, Джон и Джейн Доу.

Риццоли взяла распечатку со списком имен, который прислали из НЦКИ с утренней электронной почтой.

— Господи! Здесь же десятки имен. Как много пропавших!

— И это только по Новой Англии. Причем только европеоидной расы и от двадцати до сорока пяти лет.

— Здесь данные только за пятидесятые и шестидесятые годы.

— Маура указала этот временной отрезок. — Далджит подошел к своему ноутбуку. — Итак, давайте посмотрим, что за снимки нам прислали. — Он открыл файл, переданный по электронной почте из НЦКИ. На экране появился ряд иконок, под каждой значился номер дела. Он кликнул мышью на первом кадре, и рентгеновский снимок заполнил экран. Щербатая линия зубов, похожих на беспорядочно разбросанные белые костяшки домино.

— Ну, этот точно не наш клиент, — сказал он. — Вы только посмотрите на его зубы! Какой-то кошмарный сон ортодонта.

— Или золотая жила ортодонта, — заметила Риццоли.

Далджит кликнул мышью на следующей иконке. Появился еще один рентгеновский снимок, на этот раз с выразительной щербинкой в верхнем ряду зубов.

— Не похоже, — сказал он.

Маура вновь устремилась к столу. К костям безымянной женщины. Она вгляделась в череп с изящной надбровной дугой и линией скул. Лицо благородных пропорций.

— Вот те на! — донесся до нее возглас Далджита. — Кажется, эти зубки мне знакомы.

Она повернулась к экрану компьютера. На снимке проступали нижние коренные зубы и ярко светились пломбы.

Далджит поднялся со своего стула и подошел к столу, на котором был выложен мужской скелет. Взяв в руки челюсть, он поднес ее к компьютеру для сравнения.

— Амальгамная пломба на шестом и седьмом зубах, — заметил он. — Да. Да, подходит...

— Что за имя стоит под этим снимком? — осведомилась Риццоли.

— Роберт Садлер.

— Садлер... Садлер... — Риццоли полистала страницы компьютерных распечаток. — Вот, нашла. Садлер, Роберт. Мужчина европеоидной расы, двадцать девять лет. Сто семьдесят девять сантиметров, шатен, глаза карие.

Она взглянула на Далджита, и тот кивнул.

— Сопоставимо с нашими останками.

Риццоли продолжила читать.

— Он был подрядчиком-строителем. В последний раз его видели в его родном городе Кеннебанкпорте, штат Мэн. Считается пропавшим без вести

с третьего июля тысяча девятьсот шестидесятого года вместе со своей... — Она замолчала. Повернулась к столу, где были выложены останки женщины. — Вместе со своей женой.

— Как ее имя? — спросила Маура.

— Карен. Карен Садлер. Здесь указан и номер дела.

— Давайте сюда, — сказал Далджит, возвращаясь к компьютеру. — Посмотрим, есть ли здесь снимки ее зубов. — Маура встала у него за спиной и устремила взгляд на экран. Он кликнул мышью, и на мониторе высветился рентгеновский снимок Карен Садлер, сделанный, когда она еще была жива и сидела в кресле своего стоматолога. Наверное, волновалась, ожидая диагноза «кариес» и неизбежного жужжания бормашины. Сжимая в руке картонный держатель рентгеновской пленки, она и представить себе не могла, что снимок, который стоматолог проявит в тот день, спустя годы высветится на экране компьютера патологоанатома.

Маура увидела ряд коренных зубов, яркий металлический блеск коронки. Она подошла к проектору, на экране которого Далджит разместил посмертные дентальные снимки неизвестной женщины. И тихо произнесла:

— Да, это она. Это кости Карен Садлер.

— Что ж, выходит, мы их опознали, — сказал Далджит. — И мужа, и жену.

Риццоли вновь принялась листать распечатки, выискивая отчет об исчезновении Карен Садлер.

— Ага, вот она. Женщина европеоидной расы, двадцать пять лет. Блондинка, голубоглазая... — И вдруг замолчала. — Здесь что-то не так. Давайте-ка еще раз проверим снимки.

— Что такое? — заволновалась Маура.

— Просто проверьте.

Маура вгляделась в снимки на экране проектора, потом перевела взгляд на компьютер.

— Они совпадают, Джейн. Что вас смущает?

— Не хватает еще одного комплекта костей.

— Чьих костей?

— Плода. — Риццоли озадаченно взглянула на Мауру. — Карен Садлер была на восьмом месяце беременности.

Повисло долгое молчание.

— Мы не нашли других останков, — сказал наконец Далджит.

— Вы могли не заметить их, — подсказала Риццоли.

— Мы буквально просеивали землю. Все там перекопали.

— Их могли растащить звери.

— Да, это возможно. Но все-таки эта женщина — Карен Садлер.

Маура подошла к столу и взглянула на скелет таза жертвы, думая о другой женщине. «Никки Уэллс тоже была беременна».

Она вооружилась лупой и включила свет над столом. Направила лупу на лобковую кость. Красноватая грязь присохла к симфизу, где хрящ соединял две ветви лобковой кости.

— Далджит, можно попросить влажную салфетку или марлю? Нужно стереть эту грязь.

Он налил в емкость воды и вскрыл упаковку марлевых салфеток. Поставил на лоток возле Мауры.

— Что ты хочешь увидеть?

Она не ответила. Сейчас ее задачей было стереть грязь и разглядеть то, что скрывалось под ней. По мере того как исчезала корка засохшей земли, ее пульс учащался. И вот наконец отвалился последний кусочек грязи. Она устремила взгляд в лупу, разглядывая очищенный участок. Потом выпрямилась и посмотрела на Далджита.

— Ну что? — поинтересовался он.

— Взгляни сам. Это прямо с краю, на месте сочленения костей.

Он наклонился и посмотрел в лупу.

— Ты имеешь в виду маленькую трещинку? Это о ней ты говорила?

— Да.

— Она едва заметна.

— И все-таки она есть. — Маура глубоко вдохнула. — Я привезла с собой рентгеновские снимки. Они в машине. Думаю, тебе стоит на них посмотреть.

Дождь хлестал по зонту, когда она шла к месту парковки. Нажимая кнопку автоматического замка на своем брелке, Маура не удержалась и еще раз взглянула на поцарапанную пассажирскую дверь. Эта отметина предназначалась для устрашения. «Но меня она только разозлила. И теперь мне хочется дать сдачи». Она забрала с заднего сиденья конверт и, спрятав его под куртку, поспешила обратно.

Далджит с удивлением наблюдал за Маурой, пока та развешивала на экране проектора снимки Никки Уэллс.

— Что за дело ты мне хочешь показать?

— Убийство пятилетней давности в Фитчбурге, штат Массачусетс. Жертве раскроили череп, а потом сожгли тело.

Далджит нахмурился, разглядывая снимки.

— Беременная женщина. Практически на грани родов.

— Но вот что привлекло мое внимание. — Она указала на яркое серебристое пятнышко, внедренное в лобковый симфиз Никки Уэллс. — Я полагаю, это обломок лезвия ножа.

— Но Никки Уэллс была убита ударом домкрата, — возразила Риццоли. — Ей размозжили череп.

— Верно, — подтвердила Маура.

— Тогда зачем было орудовать ножом?

Маура показала на рентгеновский снимок. На кости плода на скелете таза Никки Уэллс.

— А вот зачем. Вот что на самом деле нужно было убийце.

Некоторое время Далджит молчал. Но Маура и без слов знала, что ему был понятен ход ее мыслей. Он вновь повернулся к останкам Карен Садлер. Взял в руки скелет таза.

— Срединный надрез брюшной полости, — сказал он. — А лезвие задело бы кость как раз там, где эта трещинка...

Маура представила себе, как Амальтея ножом вспарывает живот женщины с такой силой и яростью, что ее смогла остановить только кость. Она подумала и о своей профессии, в которой ножи играют столь значимую роль, вспомнила, сколько надрезов сделала за свою жизнь. «Мы обе режем, моя мать и я. Но я — мертвую плоть, а она живую».

— Вот почему мы не нашли костей плода в могиле Карен Садлер, — сказала Маура.

— Но то, другое дело... — Сингх указал на снимки Никки Уэллс. — Тот плод не изъяли. Он сгорел вместе с матерью. Зачем сначала делать надрез, а потом, так и не изъяв плода, убивать его?

— Потому что у ребенка Никки Уэллс был врожденный дефект. Амниотические перетяжки.

— Что это такое? — спросила Риццоли.

— Тканевые тяжи, которые иногда проходят через полость амниона, — пояснила Маура. — Если они опутывают конечность зародыша, то могут ограничить кровоснабжение и даже ампутировать конечность. Дефект был диагностирован у Никки на шестом месяце беременности. — Она снова указала на снимок. — Здесь видно, что у ребенка отсутствует правая конечность ниже колена.

— Это не смертельный дефект?

— Нет, ребенок родился бы живым. Но убийца сразу заметила дефект. Увидела, что ребенок ненормальный. Думаю, поэтому она его и не взяла. — Маура обернулась и посмотрела на Риццоли. Невольно поймала себя на том, что думает о ее беременности. Огромный живот, эстрогенный румянец

на щеках. — Ей нужен был здоровый ребенок.

— Но Карен Садлер тоже не идеальный вариант, — заметила Риццоли. — Она ведь была только на восьмом месяце беременности. В этот период легкие еще не сформированы, верно? Ребенок мог выжить только в инкубаторе.

Маура перевела взгляд на кости Карен Садлер. Вспомнила то место, где они были обнаружены. Кости мужа, найденные в двадцати метрах. Они лежали не в одной могиле, а на некотором расстоянии друг от друга. Зачем копать две ямы? Почему не похоронить мужа и жену вместе?

В горле вдруг пересохло. Догадка повергла ее в смятение.

«Они были похоронены в разное время».

Коттедж съежился под тяжелыми от дождя ветвями деревьев, словно прогибаясь от их прикосновения. Когда Маура впервые увидела его неделю назад, она посчитала его просто унылым — так, мрачная хижина, задыхающаяся в наступающих лесных зарослях. Сейчас, когда она смотрела на него из автомобиля, ей казалось, что дом тоже разглядывает ее злобными окнами-глазами.

— В этом доме выросла Амальтея, — пояснила Маура. — Анне не составило труда добыть эту информацию. Ей достаточно было заглянуть в школьный архив Амальтеи. Или же разыскать в старом телефонном справочнике фамилию Лэнк. — Она посмотрела на Риццоли. — Домовладелица мисс Клаузен сказала мне, что Анна захотела снять именно этот дом.

— Выходит, Анна уже знала, что Амальтея жила здесь когда-то.

«И так же, как я, горела желанием разузнать как можно больше о нашей матери, — подумала Маура. — Понять женщину, которая дала нам жизнь, а потом бросила».

Дождь барабанил по крыше автомобиля и серебристой пеленой застилал ветровое стекло.

Риццоли застегнула молнию на своем дождевике и накинула на голову капюшон.

— Ну что ж, пойдемте заглянем внутрь.

Они побежали под дождем к дому и, поднявшись на крыльцо, отряхнули свои мокрые плащи. Маура достала ключ, который ей только что выдали в агентстве мисс Клаузен, и вставила его в замок. Тот поддался не сразу, как будто дом сопротивлялся, не хотел впускать ее. Когда дверь наконец удалось открыть, она угрожающе заскрипела, с неохотой признавая свое поражение.

Внутри было еще более мрачно, и Маура вновь испытала приступ клаустрофобии. В воздухе стоял кислый запах плесени, как будто сырость просочилась сквозь стены и впиталась в шторы, мебель. Свет, проникавший в окно, окрашивал гостиную в унылые серые тона. «Этот дом противится нашему присутствию, — подумала она. — Он не хочет открывать нам свои тайны».

Она тронула Риццоли за руку.

— Посмотрите, — сказала она, указывая на две щеколды и

сверкающие медные цепочки.

— Совсем новые замки.

— Это Анна их установила. Напрашивается вопрос: почему? От кого она пыталась запереться?

— Если это был не Чарльз Касселл. — Риццоли подошла к окну и взглянула на зеленую завесу из мокрых листьев. — Да, местечко на редкость уединенное. Никого по соседству. И ничего, кроме деревьев. Я бы тоже врезала дополнительные замки. — Она невесело усмехнулась. — Знаете, мне никогда не нравилась эта лесная романтика. Однажды, еще в школе, мы отправились в поход. Доехали до Нью-Хэмпшира и в каком-то лесу устроились на ночлег в спальных мешках. Я всю ночь глаз не сомкнула. И все время думала: мало ли кто там наблюдает за мной на деревьях или в кустах?

— Пойдемте, — предложила Маура. — Я хочу показать вам весь дом. — Она привела Джейн на кухню и щелкнула выключателем. Лампы дневного света отозвались зловещим гулом. Резкий свет обнажил все трещинки и бугорки на старом линолеуме. Маура посмотрела на его шахматный узор, пожелтевший от времени, и подумала о том, что на этом полу наверняка сохранились микроскопические частички и пролитого молока, и въевшейся грязи. Что еще проникло в эти трещинки и швы? Какие страшные события оставили здесь свое наследие?

— Здесь тоже совершенно новые цилиндровые замки, — заметила Риццоли, остановившись у черного хода.

Маура подошла к двери, ведущей в подвал.

— Вот что я хотела вам показать.

— Очередной замок?

— Да, но видите, какой он старый? Весь проржавел. Этот замок стоит здесь давно. Мисс Клаузен сказала, что он уже был на двери, когда она покупала этот дом на аукционе двадцать восемь лет назад. И вот что странно...

— Что?

— Эта дверь ведет только в подвал. — Маура посмотрела на Риццоли. — Здесь тупик.

— И зачем понадобилось запирать эту дверь?

— Вот это меня и удивляет.

Риццоли открыла дверь, и из темноты пахнуло сыростью.

— О Боже, — пробормотала она. — Ненавижу спускаться в подвалы.

— Там есть шнур выключателя, прямо над вашей головой.

Риццоли протянула руку и дернула шнур. Зажглась тусклая лампочка,

ее слабое сияние разливалось по узкой лестнице. Снизу проступали лишь тени.

— Вы уверены, что это единственный вход в подвал? — спросила она, вглядываясь в полумрак. — Может, кладовка для угля или что-то в этом роде?

— Я обошла дом со всех сторон. И не нашла ни одной двери, которая могла бы вести в подвал.

— А вы сами спускались туда?

— Я не видела в этом смысла. — «До сегодняшнего дня».

— Ладно. — Риццоли достала из кармана фонарик и глубоко вздохнула. — Думаю, стоит заглянуть туда.

Когда они спускались по скрипучим ступенькам, лампочка покачивалась под потолком, и по подвалу плясали тени. Риццоли двигалась медленно, как будто испытывая каждую ступеньку на прочность, прежде чем опуститься на нее всем своим весом. Никогда прежде Маура не замечала в Риццоли такой осторожности, и это усиливало ощущение опасности. К тому времени, когда они спустились на дно подвала, дверь кухни казалась совсем далекой, словно существующей в другом измерении.

Лампочка, висевшая у основания лестницы, перегорела. Луч фонарика Риццоли выхватил утопанную землю, влажную от просочившейся дождевой воды. Высветил банки с краской, свернутый в рулон ковер, уже покрывшийся плесенью. В углу в деревянном ящике помещались вязанки дров для камина, который находился в гостиной. Собственно, ничего особенного здесь не было, ничто не вызывало ощущения угрозы, которое Маура испытывала наверху.

— Да, вы правы, — заметила Риццоли. — Похоже, отсюда нет другого выхода.

— Только эта дверь, ведущая на кухню.

— А значит, в новом замке не было необходимости. Разве что... — Луч фонарика замер на дальней стене.

— Что это?

Риццоли пересекла подвал и остановилась в изумлении.

— Зачем здесь эта штука? Для чего она могла понадобиться?

Маура подошла ближе. И, увидев, что освещает фонарик Риццоли, почувствовала, как по спине пробежал озноб. Это было железное кольцо, вмонтированное в одну из массивных стен подвала. «Для чего она могла понадобиться?» — спросила Риццоли. Ответ, который пришел в голову Мауре, заставил ее в ужасе отшатнуться.

«Это не подвал, а подземная тюрьма».

Фонарик дернулся в руке Риццоли.

— В доме кто-то есть, — прошептала она.

Сквозь стук собственного сердца Маура расслышала скрип половиц над головой. Тяжелые шаги ступали по дому. Приблизились к кухне. В проеме двери внезапно возник чей-то силуэт, и в подвал хлынул яркий свет. Мауре пришлось отвернуться, чтобы не ослепнуть.

— Доктор Айлз! — раздался мужской голос.

Маура сощурилась.

— Я вас не вижу.

— Детектив Йейтс. Здесь бригада криминалистов. Вы покажете нам дом, прежде чем мы начнем?

Маура судорожно выдохнула.

— Мы поднимаемся.

Когда Маура и Риццоли вышли из подвала на кухню, они обнаружили там четверых мужчин. Маура познакомилась с детективами Корсо и Йейтсом из полиции штата Мэн неделю назад, на лесной поляне. Сейчас с ними были два криминалиста, которые представились просто как Пит и Гари. Все обменялись рукопожатиями.

— Так это что-то вроде поисков сокровищ? — пошутил Йейтс.

— Нет никаких гарантий, что мы что-нибудь найдем, — сказала Маура.

Криминалисты оглядели кухню, пол.

— Линолеум изрядно потрепанный, — заметил Пит. — Какой период времени нас интересует?

— Садлеры пропали сорок пять лет назад. Подозреваемая все это время жила здесь со своим двоюродным братом. После того как они уехали, дом пустовал в течение многих лет, а потом его продали на аукционе.

— Сорок пять лет назад? Пожалуй, этот линолеум лежит здесь с тех пор.

— Я знаю, что ковер в гостиной поновей, ему лет двадцать, — сказала Маура. — Нам придется его поднять, чтобы исследовать пол.

— Мы еще не работали с объектами старше пятнадцати лет. Это наш новый рекорд. — Пит выглянул в кухонное окно. — Стемнеет не раньше чем через два часа.

— Тогда давайте начнем с подвала, — сказала Маура. — Там уже темно.

Криминалисты отправились выгружать из машины свое оборудование: видео- и фотокамеры со штативами, коробки с реактивами, аэрозолями и

дистиллированной водой, сумку-холодильник «Иглу» с бутылочками химикатов, электрические шнуры и фонарики. Все это они спустили по узкой лестнице в подвал, где сразу стало тесно. Всего лишь полчаса назад Маура испытывала тревогу, находясь в этом мрачном помещении. Сейчас, наблюдая за тем, как мужчины непринужденно выставляют штативы и разматывают шнуры, она уже не ощущала страха. Подвал стал для нее не более чем каменным мешком с земляным полом. И никаких привидений в нем не было.

— Этого я не учел, — сказал Пит, переворачивая свою бейсболку козырьком назад. — Пол здесь земляной. Значит, содержание железа будет повышенным. Может светить везде. Трудно будет интерпретировать сигнал.

— Меня больше интересуют стены, — сказала Маура. — Пятна, брызги. — Она показала на стену с железным кольцом. — Давайте начнем отсюда.

— Сначала нам нужно сделать снимок. Позвольте я выставлю штатив. Детектив Корсо, можете установить линейку на той стене? Она люминесцентная. Это будет нашей точкой отсчета.

Маура взглянула на Риццоли.

— Вам лучше подняться наверх, Джейн. Они будут разводить люминол. Для вас это вредно.

— Я и не знала, что он токсичен.

— И все-таки не стоит рисковать. В вашем положении.

Риццоли вздохнула.

— Ладно. — Она медленно поднялась по ступенькам. — Но мне так не хочется пропускать это световое шоу.

Дверь подвала захлопнулась за Джейн.

— Ей разве еще не пора в декрет? — поинтересовался Йейтс.

— У нее еще есть шесть недель, — ответила Маура.

Один из экспертов хохотнул.

— Прямо-таки полисменша из «Фарго», а? Как же в таком виде преследовать преступника?

Из-за двери донесся вопль Риццоли:

— Эй, хоть я и беременна, но не глуха!

— И к тому же вооружена, — заметила Маура.

— Что, может, начнем? — произнес детектив Корсо.

— Вон там в коробке маски и очки, — сказал Пит. — Вам всем лучше надеть их.

Корсо передал респиратор и очки Мауре. Она надела их и стала

наблюдать за тем, как Гари отмеряет химикаты.

— Мы будем работать с веществом Вебера, — сказал он. — Оно более чувствительно и, думаю, с ним безопаснее. Другие вещества здорово раздражают кожу и глаза.

— Вы смешиваете уже готовые растворы? — спросила Маура. Из-за маски ее голос казался глухим.

— Да, мы держим их в лабораторном холодильнике. Потом, уже на месте, смешиваем три компонента и разбавляем дистиллированной водой. — Он накрыл крышкой мерный стакан и взболтал смесь. — Никто из присутствующих не носит контактных линз?

— Я ношу, — сказал Йейтс.

— Тогда вам лучше выйти, детектив. Даже с защитными очками вы можете получить раздражение.

— Нет, я хочу посмотреть.

— Тогда отойдите в сторону, когда мы начнем распылять вещество. — Он еще раз встряхнул бутылку, после чего вылил содержимое в емкость распылителя. — Все, мы готовы. Только сначала сделаем снимок. Детектив, можете отойти от стены?

Корсо отошел в сторону, и Пит нажал на кабель удаленного спуска фотокамеры. Вспышка осветила стену, которую собирались опрыскивать люминолом.

— Теперь нужно выключить свет? — уточнила Маура.

— Сначала Гари займет свою позицию. В темноте мы все будем тыркаться как слепые котята. Так что сейчас каждый пусть займет свое место и не покидает его, договорились? Двигается только Гари.

Гари подошел к стене и поднял баллон распылителя, направленный люминолом. В защитных очках и маске он был похож на работника санэпидстанции, вышедшего на борьбу с вредителями.

— Выключите свет, доктор Айлз.

Маура дотянулась до прожектора и щелкнула выключателем. В тот же миг в подвале разлилась кромешная тьма.

— Давай, Гари.

Они расслышали свист пульверизатора. Засияли зеленовато-голубые хлопья, похожие на звезды в ночном небе. Показался призрачный круг, который как будто парил в воздухе. Железное кольцо.

— Возможно, это вовсе и не кровь, — заметил Пит. — Люминол реагирует на массу вещей. Ржавчину, металлы. Щелочные растворы. Это железное кольцо может светиться независимо от того, есть на нем кровь или нет. Гари, можешь отойти чуть в сторону, чтобы я сделал следующий

снимок? Здесь выдержка сорок секунд, так что стой, не дергайся. — Когда наконец щелкнул затвор камеры, он скомандовал: — Свет, доктор Айлз.

Маура нашарила в темноте выключатель прожектора. Когда вспыхнул свет, она уставилась на каменную стену.

— Ну, что скажете? — спросил Корсо.

Пит пожал плечами.

— Не слишком впечатляюще. Здесь будет много ошибочной информации. Во-первых, на этих камнях слой земли. Мы, конечно, исследуем и другие стены, но в лучшем случае найдем лишь отпечатки рук или крупные брызги. Обнаружить кровь на таком фоне вряд ли удастся.

Маура заметила, что Корсо поглядывает на часы. Детективам пришлось преодолеть долгий путь, и наверняка он уже подумывал о том, что все это пустая трата времени.

— Давайте продолжим, — попросила она.

Пит передвинул штатив и сфокусировал фотокамеру на другой стене. Сделал снимок со вспышкой, потом произнес:

— Свет.

И подвал вновь погрузился в темноту.

Зашипел пульверизатор. В темноте как по волшебству снова возникли голубовато-зеленые искорки, похожие на мигающих во тьме светлячков, — это люминол вступил в реакцию с окисленными металлами, содержащимися в камне, и обратился в сверкающие точки. Гари распылил по стене свежую струю, родив новую стаю звездочек, а затем двинулся дальше, затмив ее собственной тенью. Послышался грохот, и силуэт Гари резко шатнулся вперед.

— Черт!

— Что случилось, Гари? — заволновался Йейтс.

— Ударился обо что-то голенью. Похоже, это лестница. Ни черта не вижу в этой... — Он запнулся. Потом пробормотал: — Эй, ребята. Вы только посмотрите на это.

Когда он отошел в сторону, все увидели голубовато-зеленое пятно неправильной формы, которое светилось, напоминая призрачный бассейн с эктоплазмой.

— Что за черт? — произнес Корсо.

— Свет! — выкрикнул Пит.

Маура включила прожектор. Пятно исчезло. На его месте она увидела лишь деревянную лестницу, ведущую на кухню.

— Оно было вот на этой ступеньке, — сказал Гари. — Когда я споткнулся, сюда случайно упали капли раствора.

— Дай-ка я переставлю камеру. Потом ты поднимешься на самый верх лестницы. Как думаешь, ты сможешь спуститься в полной темноте?

— Не знаю. Если буду двигаться медленно...

— Опрыскивай ступеньки по мере продвижения.

— Нет. Думаю, лучше начать снизу и двигаться вверх. Мне не улыбается пятиться назад, да еще по лестнице и в темноте.

— Ну, как тебе удобнее. — Щелкнул затвор фотокамеры. — Отлично, Гари. Я сфотографировал. Дай знак, когда будешь готов.

— Можете гасить свет, доктор.

Маура выключила прожектор.

И вновь они услышали шипение пульверизатора, распыливающего люминол. У самой земли вспыхнуло голубовато-зеленое пятно, над ним еще одно. В тишине было слышно, как тяжело дышит Гари через маску и как скрипят ступеньки под его ногами. Он поднимался вверх, распыляя за собой аэрозоль, и за ним ослепительным каскадом тянулись светящиеся озера.

«Кровавый водопад».

«Это может быть только кровью», — подумала Маура. Кровью были залиты все ступени, забрызганы стены по краям лестницы.

— Господи, — пробормотал Гари. — Здесь, на верхней ступеньке, она еще ярче. Похоже, лилась с кухни. Просочилась под дверь и стекала по ступенькам.

— Всем оставаться на своих местах. Я делаю снимок. На сорок пять секунд все замрите.

— На улице уже, наверное, стемнело, — сказал Корсо. — Можно обследовать и остальные помещения в доме.

Когда они вышли из подвала, нагруженные оборудованием, Риццоли по-прежнему сидела на кухне.

— Похоже, у вас было настоящее световое шоу, — сказала она.

— Думаю, у нас все еще впереди, — заметила Маура.

— Откуда вы хотите начать? — спросил Пит у Корсо.

— Давай прямо отсюда. С пола возле двери в подвал.

На этот раз Риццоли не вышла из комнаты, когда погас свет. Она отошла в сторону и издали наблюдала за тем, как разбрызгивают люминол. На полу высветился геометрический узор — голубовато-зеленая шахматная доска, нарисованная застарелой кровью, застрявшей в расщелинах линолеума. Узор разрастался, захватывая уже и вертикальную поверхность, поднимаясь вверх фонтаном, образуя арки из светящихся капель.

— Включите свет, — попросил Йейтс, и Корсо щелкнул выключателем.

Пятна исчезли. Они смотрели на стену, которая уже не светилась. На потертый линолеум в черно-белую шашечку. Кухня выглядела вполне безобидной, с пожелтевшим полом и старой утварью. Но всего несколько секунд назад повсюду, куда бы ни падал взгляд, они видели кровь.

Маура все не могла отвести взгляд от стены под впечатлением от увиденного.

— Это был фонтан артериальной крови, — тихо произнесла она. — Вот здесь, на кухне, все и произошло. Здесь они погибли.

— Но вы видели кровь и в подвале, — возразила Риццоли.

— На ступеньках.

— Хорошо. Теперь мы знаем, что по крайней мере одна жертва была убита в этой комнате, поскольку на стене следы артериальной крови. — Риццоли прошла по кухне, рассматривая линолеум. Она вдруг остановилась. — Почему мы уверены, что не было других жертв? Почему мы считаем, что это кровь Садлеров?

— Мы так не считаем.

Риццоли подошла к подвалу и открыла дверь. Там она постояла немного, вглядываясь в темноту. Потом обернулась и посмотрела на Мауру.

— В этом подвале земляной пол.

На мгновение воцарилось молчание.

Гари сказал:

— У нас в машине есть подземный радар. Мы использовали его несколько дней назад на ферме в Мачиасе.

— Несите его сюда, — скомандовала Риццоли. — Давайте посмотрим, что скрывается там под землей.

Подземный радар, или радар подповерхностного зондирования, использует электромагнитные волны для исследования подземного пространства. Аппарат «SIR System-2», который эксперты выгрузили из машины, был оснащен двумя антеннами, одна из которых посылала высокочастотный электромагнитный сигнал под землю, а вторая регистрировала волны, отраженные от залегающих под землей предметов. На мониторе компьютера запечатлевалась вся информация; различные пласты земли отображались в виде ряда горизонтально расположенных слоев. Пока эксперты затаскивали аппарат в подвал, Йейтс и Корсо расчертили земляной пол квадратами метр на метр.

— После такого дождя земля будет чертовски влажной, — сказал Пит, разматывая электрический кабель.

— А разве это имеет значение? — удивилась Маура.

— Радар реагирует на уровень влажности земли. Нужно специально настраивать частоту электромагнитного излучения.

— Двухсот мегагерц хватит? — спросил Гари.

— Да, я бы начал с этой отметки. Выше не стоит, иначе мы получим слишком много избыточной информации. — Пит подсоединил кабели к рюкзаку-пульту и включил ноутбук. — Здесь, в лесу, конечно, придется нелегко.

— А при чем здесь лес? — изумилась Риццоли.

— Дом построен на месте вырубki. Поэтому под землей наверняка много пустот, образовавшихся после отмирания корней. Это будет путать картину.

— Помоги мне нацепить этот рюкзак, — попросил Гари.

— Что, подтянуть ремни?

— Нет, все в порядке. — Гари вздохнул и огляделся по сторонам. — Я начну с того конца.

По мере того как Гари продвигался с радаром по земляному полу, на экране компьютера волнистыми полосками вырисовывался подземный профиль. Будучи медиком, Маура была хорошо знакома с ультразвуковыми исследованиями человеческого тела, но понятия не имела о том, как трактовать мелкую рябь, испещрявшую монитор.

— Что вы видите? — спросила она у Гари.

— Вот эти темные участки — положительный отраженный сигнал.

Белые участки — сигнал отрицательный. Мы ищем аномалию. Например, гиперболическое отражение.

— Что это такое? — спросила Риццоли.

— На экране оно выглядит как выпуклость, распирающая несколько слоев. Это происходит, когда в почве находятся какие-то предметы. Сигналы радара начинают рассеиваться во все стороны. — Он замолчал, уставившись на экран. — Вот здесь, видите? На глубине трех метров что-то есть, раз появилось гиперболическое отражение.

— Ну и что ты на это скажешь? — спросил Йейтс.

— Может быть, это просто корень дерева. Давайте отметим это место и продолжим.

Пит вбил в землю колышек, чтобы пометить находку.

Гари следовал дальше, ходя взад-вперед по расчерченным линиям, а на экране компьютера перемещались отраженные сигналы. Время от времени он останавливался, просил вбить очередной колышек, чтобы пометить место повторного исследования. Он уже дошел до центрального квадрата и вдруг резко остановился.

— А вот это уже интересно, — произнес он.

— Что там? — спросил Йейтс.

— Стойте. Дайте-ка я еще раз проверю. — Гари отошел назад и вновь двинулся по квадрату, который только что обследовал. Сделав шаг, он снова уставился в экран компьютера. И опять замер. — Здесь серьезное отклонение.

Йейтс приблизился к нему.

— Покажи-ка.

— Что-то залегает на глубине меньше метра. Большой карман прямо здесь, у нас под ногами. Видите? — Гари ткнул пальцем в экран, где обозначилась заметная выпуклость. Уставившись под ноги, он сказал: — Это здесь. И совсем неглубоко. — Он взглянул на Йейтса. — Что вы намерены делать?

— У вас в машине есть лопаты?

— Да, одна точно есть. И еще пара совков.

Йейтс кивнул.

— Отлично. Давай принесем их сюда. И нам понадобится дополнительный свет.

— В машине есть еще один прожектор. И шнуры.

Корсо направился к лестнице.

— Я принесу.

— Я вам помогу, — сказала Маура и проследовала за ним на кухню.

Ливень стих, сменившись изморосью. Они залезли в фургон криминалистов, отыскивали лопату и прожектор, и Корсо отнес все это в дом. Держа в руках коробку с совками, Маура закрыла дверь фургона и уже собиралась последовать за детективом, но вдруг заметила свет фар, мелькнувший за деревьями. Она задержалась, и уже через мгновение из леса вырулил знакомый пикап, подъехал к дому и остановился рядом с фургоном криминалистов.

Мисс Клаузен вышла из машины в огромном дождевике, полы которого волочились за ней по земле.

— Я подумала, что вы уже должны были закончить. И забеспокоилась: ведь вы не вернули мне ключ.

— Мы побудем здесь еще немного.

Мисс Клаузен оглядела машины, припаркованные возле дома.

— Я думала, вы просто хотите еще раз взглянуть на дом. А что здесь делает криминалистическая лаборатория?

— Это займет больше времени, чем я рассчитывала. Возможно, мы пробудем здесь всю ночь.

— Зачем? Ведь вещи вашей сестры уже давно вывезены отсюда. Я все упаковала в коробки, чтобы вы могли их забрать.

— Дело не в моей сестре, мисс Клаузен. Полиция здесь совершенно по другому поводу. Что-то случилось в этом доме много лет назад.

— И как давно?

— Лет сорок пять назад. Еще до того как вы купили этот дом.

— Сорок пять лет? Так это когда... — Женщина замолчала.

— Когда что?

Взгляд мисс Клаузен упал на коробку с инструментами, которую держала в руках Маура.

— А зачем вам совки? Что вы делаете в моем доме?

— Полиция проводит обыск в подвале.

— Обыск? Вы хотите сказать, что они там копают?

— Возможно, им придется это сделать.

— Я не давала вам разрешения. — Она развернулась и решительно направилась к крыльцу. Дождевик шлейфом потянулся за ней по ступенькам.

Маура последовала за ней на кухню. Она поставила коробку с совками на рабочий столик.

— Постойте. Вы не понимаете...

— Я никому не позволю разрушать мой подвал! — Мисс Клаузен широко распахнула дверь и свирепо уставилась на детектива Йейтса,

который держал в руках лопату. Он уже начал копать пол, и у его ног высилась куча земли.

— Мисс Клаузен, не мешайте им работать, — попросила Маура.

— Дом принадлежит мне, — закричала женщина. — Вы не имеете права копать без моего разрешения!

— Мэм, мы обещаем, что закопаем яму, когда закончим, — уверил ее Корсо. — Мы просто заглянем туда и все.

— Зачем?

— Наш радар дает мощную отраженку.

— Что это еще за мощная отраженка? Что там внизу?

— Это мы и пытаемся выяснить. Если вы позволите.

Маура оттащила женщину в сторону и закрыла дверь в подвал.

— Пожалуйста, не мешайте им. Если вы нам откажете, они все равно вернутся сюда с ордером.

— Какого черта они вообще начали копать здесь?

— Здесь была кровь.

— Какая еще кровь?

— Вся кухня залита кровью.

Женщина оглядела пол.

— Я никакой крови не вижу.

— И не увидите. Ее можно обнаружить только с помощью специального вещества. Но поверьте мне, она есть. Микроскопические частички остались и на полу, и на этой стене. Кровавые следы тянутся к подвалу, а потом вниз по ступенькам. Кто-то пытался оттереть кровь, тщательно вымыл пол и стены. Наверное, этот кто-то подумал, что уничтожил все следы, поскольку крови действительно не видно. Но она все-таки есть. Она просочилась в трещины, в расщелины дерева. Там она останется на долгие годы, и от нее не избавиться. Она надолго поселилась в этом доме. Осталась на стенах.

Мисс Клаузен обернулась и взглянула на Мауру.

— Чья кровь? — тихо спросила она.

— Именно это полиция и пытается выяснить.

— Вы ведь не думаете, что я имею к этому какое-то отношение...

— Нет. Мы думаем, что кровь очень старая. Возможно, она уже была здесь, когда вы покупали дом.

Женщина тяжело опустилась на стул, словно пребывая в прострации. Капюшон дождевика соскользнул с ее головы, обнажив ежик седых волос. В этом безразмерном балахоне она казалась еще более миниатюрной и старой. Женщина, съежившаяся от возраста, одной ногой стоящая в могиле.

— Теперь никто не захочет купить у меня этот дом, — пробормотала она. — Все узнают о том, что здесь произошло. И я не смогу избавиться от этой чертовой недвижимости.

Маура села напротив нее.

— Почему моя сестра захотела снять именно этот дом? Она вам сказала?

Ответа не последовало. Мисс Клаузен все трясла головой, не в силах оправиться от потрясения.

— Вы сказали, что она увидела на дороге табличку с надписью «Продается». И позвонила в ваше агентство.

Она наконец кивнула.

— Совершенно случайно.

— Что она вам сказала?

— Она хотела узнать как можно больше об этом доме. Кто жил там раньше, кто владел им до меня. Сказала, что подыскивает недвижимость в наших краях.

— Вы рассказали ей про Лэнков?

Мисс Клаузен напряглась.

— Вы про них знаете?

— Я знаю, что когда-то они владели этим домом. Отец и сын. И племянница хозяина, девочка по имени Амальтея. Моя сестра тоже про них расспрашивала?

Женщина вздохнула.

— Да, она интересовалась ими. Я с пониманием отнеслась к ее интересу. Если собираешься купить дом, то наверняка захочешь узнать, кто его строил. Кто в нем жил. — Она посмотрела на Мауру. — Это все из-за них, да? Из-за Лэнков?

— Вы выросли в этом городе?

— Да.

— Значит, вы должны знать семью Лэнк.

Мисс Клаузен ответила не сразу. Вместо этого она встала и сняла свой плащ. Потом не без труда повесила его на один из крючков возле кухонной двери.

— Он учился со мной в одном классе, — произнесла она, не поворачиваясь к Мауре.

— Кто?

— Элайджа Лэнк. Я не слишком хорошо знала его двоюродную сестру Амальтею, поскольку она была на пять лет младше нас, совсем еще ребенок. Но мы все знали Элайджу. — Ее голос опустился до шепота, как

будто она не отваживалась произнести вслух это имя.

— И насколько хорошо вы его знали?

— Насколько это было необходимо.

— Похоже, вы не слишком-то симпатизировали ему.

Мисс Клаузен повернулась и взглянула на Мауру.

— Трудно симпатизировать людям, которых боишься до смерти.

Из-за двери подвала доносились глухие удары. Лопата копалась в секретах этого дома. Дома, который даже годы спустя оставался молчаливым свидетелем чего-то страшного.

— Городок был совсем маленьким, доктор Айлз. Это сейчас в нем много приезжих, которые покупают летние домики. А тогда здесь жили только местные, и все друг друга знали. Знали, какие семьи приличные, а от каких лучше держаться подальше. Мне было лет четырнадцать, когда я узнала про Элайджу Лэнка. Он был как раз одним из тех мальчишек, общаться с которыми было опасно. — Она вернулась к столу и опустилась на стул, как будто выбившись из сил. Уставилась на пластиковую поверхность стола, словно разглядывая в ней свое отражение. Отражение четырнадцатилетней девочки, которая боялась мальчика, жившего на этой горе.

Маура ждала, не отрывая взгляда от поникшей головы с жестким ежиком седых волос.

— Почему вы его боялись?

— Не я одна. Мы все боялись Элайджу. После того как...

— После чего?

Мисс Клаузен подняла взгляд.

— После того как он заживо похоронил одну девочку.

* * *

На некоторое время в кухне воцарилось молчание. Маура слышала глухое бормотание мужских голосов, доносившихся из подвала, где кипела работа. Она чувствовала, как сильно бьется ее сердце, как будто вот-вот выпрыгнет из груди. «Господи, — думала она. — Что же они там найдут?»

— Она была новенькой в нашем городе, — продолжала мисс Клаузен. — Алиса Роуз. Девчонки шептались у нее за спиной, отпускали шуточки. Про Алису можно было говорить всякие гадости, причем безнаказанно, потому что она плохо слышала. Она даже не догадывалась о том, что мы над ней смеялись. Я знаю, что это жестоко, но таковы уж дети

в четырнадцать лет. Они еще не могут поставить себя на чужое место. Еще не знают, что такое большая жизнь. — Она вздохнула, сожалея об ошибках далекого детства и уроках, усвоенных чересчур поздно.

— Что случилось с Алисой?

— Элайджа сказал, что это была всего лишь шутка. Сказал, что планировал отпустить ее через несколько часов. Но можете себе представить, каково это — оказаться на дне глубокой ямы? Когда от страха мочишься под себя? И никто не слышит твоих криков. Никто не знает, что ты там, кроме мальчика, который тебя туда засадил.

Маура молча слушала, не перебивая. И с ужасом ожидая конца истории.

Мисс Клаузен увидела испуг в ее глазах и покачала головой.

— Нет, Алиса не умерла. Ее спасла собака. Пес знал, где она. И истошно лаял, пока не привел людей прямо к яме.

— Значит, она выжила.

Женщина кивнула.

— Ее нашли поздно ночью. К тому времени она просидела в яме много часов. Когда ее достали, она с трудом говорила. Как зомби. Спустя несколько недель ее семья переехала из нашего города. Не знаю, куда они подались.

— А что случилось с Элайджей?

Мисс Клаузен пожала плечами.

— А что могло с ним случиться? Он продолжал настаивать на том, что это была шутка. Примерно то же самое, что ежедневно проделывали с Алисой все другие ребята в школе. И это правда, мы все издевались над ней. Все делали ее несчастной. Но Элайджа всех перецеголял.

— Его не наказали?

— В четырнадцать лет тебе обязательно дадут шанс исправиться. Особенно если ты нужен дома. Если твой отец пьет, не просыхая, а в доме живет девятилетняя двоюродная сестра.

— Амальтея, — тихо подсказала Маура.

Мисс Клаузен кивнула.

— Представьте, каково было маленькой девочке расти в этом доме. Жить среди зверей.

«Среди зверей».

В воздухе вдруг разлилось напряжение. У Мауры похолодели руки. Она вспомнила бред Амальтеи Лэнк: «Уходи, пока он не увидел тебя».

Вспомнила и царапину на двери своей машины. «Отметина Зверя».

Скрип двери подвала вывел Мауру из оцепенения. Она повернулась и

увидела Риццоли.

— Они на что-то наткнулись, — сообщила Джейн.

— На что?

— На деревяшку. Какая-то доска на глубине около метра. Теперь они пытаются очистить ее от земли. — Риццоли кивнула на ящик с совками, стоявший на прилавке. — Они нам понадобятся.

Маура снесла ящик по ступеням в подвал. Она увидела, что груды выкопанной земли тянутся по периметру траншеи длиной почти два метра.

Размером с гроб.

Детектив Корсо, который в тот момент работал лопатой, обернулся к Мауре.

— Доска довольно толстая. Но послушайте. — Он постучал лопатой по дереву. — Звук не глухой. Под ней воздушное пространство.

— Сменить тебя? — спросил Йейтс.

— Да, у меня уже спина отваливается. — Корсо передал напарнику лопату.

Йейтс спрыгнул в яму, и подошвы его ботинок стукнулись о дерево. Звук как от удара по ящику. Йейтс угрюмо и решительно принялся воевать с землей, отшвыривая ее на быстро растущий холмик. Все молча наблюдали за тем, как из-под земли появляется деревянная панель. Два прожектора светили прямо в яму, и тень Йейтса плясала на стенах подвала словно марионетка. Остальные ждали словно расхитители гробниц, когда же можно будет заглянуть в могилу.

— Я один край расчистил, — сообщил Йейтс, тяжело дыша. — Похоже на какой-то ящик. Я уже задел его лопатой. Боюсь, попорчу дерево.

— Я принесла совки и щетки, — сказала Маура.

Йейтс распрямился, перевел дух и выбрался из ямы.

— Отлично. Может, вам удастся снять этот слой земли с крышки. И мы сможем сделать снимки, а потом откроем ящик.

Маура и Гари спрыгнули в траншею, и она почувствовала, как доска слегка прогнулась под их тяжестью. Она подумала о том, какие ужасы могут скрываться под этим грязным деревом, и на миг представила, что древесина вдруг проваливается, и они падают на разлагающуюся плоть. Отбросив все страхи, Маура опустилась на колени и принялась счищать грязь с доски.

— Дайте мне тоже щетку, — попросила Риццоли, приготовившись лезть в яму.

— Нет, только не вам, — возразил Йейтс. — Отдыхайте.

— Я же не инвалид. Терпеть не могу слоняться без дела.

— А нам совсем не улыбается принимать у вас роды прямо в яме, — невесело усмехнулся Йейтс. — И уж тем более не хочется объясняться по этому поводу с вашим мужем.

— Джейн, здесь негде развернуться, — добавила Маура.

— Ну тогда я хотя бы настрою вам лампы. Чтобы вам было видно, что вы делаете.

Риццоли передвинула прожектор, и луч света упал как раз в тот угол, где работала Маура. Стоя на коленях, она щеточкой счищала с доски грязь, из-под которой начали проступать пятна ржавчины.

— Тут видны шляпки старых гвоздей, — сообщила она.

— У меня в машине есть лом, — сказал Корсо. — Пойду принесу.

Маура продолжала чистить доски, и ржавых гвоздей обнаруживалось все больше. В яме было тесно, и очень скоро у нее разболелись шея и плечи. Она с трудом распрямила спину. И услышала, как сзади что-то лязгнуло.

— Эй! — воскликнул Гари. — Вы только посмотрите!

Маура обернулась и увидела, что лопата Гари уперлась в небольшой участок сломанной трубы.

— Похоже, она выходит прямо из-под доски, — сказал Гари. Голыми руками он осторожно ощупал ржавый выступ, отколупнул слой присохшей земли. — Зачем запихивать трубу в... — Он замолчал. И посмотрел на Мауру.

— Чтобы туда поступал воздух, — объяснила она.

Гари посмотрел под ноги. И тихо произнес:

— Что же там внутри, черт возьми?

— Эй вы, вылезайте из ямы! — крикнул Пит. — Нужно все сфотографировать.

Йейтс протянул Мауре руку и помог выбраться. От резкого подъема у нее слегка закружилась голова. Она заморгала, ослепленная яркими вспышками фотокамеры. От сюрреалистичного света прожекторов и плясок теней на стенах. Она подошла к лестнице и села на ступеньку. И только тогда вспомнила, что ступенька, на которой она решила отдохнуть, испещрена призрачными пятнами крови.

— Все, давайте открывать, — скомандовал Пит.

Корсо склонился над ямой и подсунул лом под угол доски. Поднатужившись, он попытался приподнять деревянную крышку, что вызвало скрежет ржавых гвоздей.

— Она не двигается, — сказала Риццоли.

Корсо сделал паузу и рукавом отер пот со лба, оставив на нем грязный

след.

— Господи, моя спина завтра припомнит мне это. — Он опять пристроил конец лома под крышкой. На этот раз ему удалось просунуть его чуть дальше. Он сделал глубокий вдох и навалился на ручку лома.

Гвозди скрипнули и поддались.

Корсо отбросил лом в сторону. Вдвоем с Йейтсом они спрыгнули в яму, ухватились за край крышки и приподняли ее. На мгновение в подвале воцарилось молчание. Все устремили взгляды в яму, освещенную прожекторами.

— Ничего не понимаю, — наконец произнес Йейтс.

Ящик был пустым.

* * *

Ночью они возвращались домой по блестящему от дождя шоссе. По затуманенному ветровому стеклу «Лексуса» в медленном гипнотическом ритме скользили дворники.

— Вся эта кровь на кухне, — сказала Риццоли. — Ясно, что она означает. Амальтея убивала и раньше. Никки и Тереза не первые ее жертвы.

— Она не одна жила в этом доме, Джейн. Там был и ее двоюродный брат Элайджа. Возможно, это его рук дело.

— Ей было девятнадцать лет, когда пропали Садлеры. Она должна была знать, что происходит у нее на кухне.

— И все равно это не означает, что убивала она.

Риццоли взглянула на Мауру.

— Вы верите в теорию О'Доннел о существовании Зверя?

— Амальтея страдает шизофренией. Скажите, как человек с таким нервным расстройством мог убить двух женщин, а потом совершить очень логичный поступок — сжечь их тела и уничтожить все улики?

— Она не так уж ловко замела следы. Ее ведь поймали, не забывайте.

— Просто полиции штата Вирджиния повезло. То, что ее задержали на трассе за нарушение, вовсе не говорит о блестящей работе детективов. — Маура безотрывно смотрела вперед на пустынную автостраду, над которой смыкались пальцы тумана. — Она не одна убивала тех женщин. Там был кто-то еще, кто оставил отпечатки пальцев в ее машине. Кто-то был с ней с самого начала.

— Ее двоюродный брат?

— Элайдже было всего четырнадцать, когда он заживо похоронил

девочку. Разве нормальный мальчик может выкинуть такое? Какой же из него вырос мужчина?

— Даже страшно представить.

— Думаю, мы с вами знаем, — заметила Маура. — Мы же видели кровь на кухне.

«Лексус» шуршал по асфальту. Дождь прекратился, но воздух еще был напоен влагой, и ветровое стекло окутывал туман.

— Если они действительно убили Садлеров, — снова заговорила Риццоли, — тогда встает вопрос... — Она бросила взгляд на Мауру. — Что они сделали с ребенком Карен Садлер?

Маура не ответила. Она упорно смотрела на дорогу и вела машину прямо, никуда не сворачивая. Просто вела машину.

— Вы понимаете, куда я клоню? — спросила Риццоли. — Сорок пять лет назад брат и сестра Лэнк убили беременную женщину. Останков ребенка не найдено. Пять лет спустя Амальтея Лэнк появляется в офисе Ван Гейтса в Бостоне и предлагает продать двух новорожденных дочерей.

Маура почувствовала, как онемели пальцы, сжимавшие руль.

— Что, если это были не ее дети? — продолжала Риццоли. — Что, если Амальтея на самом деле не ваша мать?

Мэтти Первис сидела в темноте, размышляя о том, как скоро наступает смерть от голода. Она слишком быстро расправлялась с запасами еды. В мешке остались всего шесть шоколадных батончиков, полпакетика крекеров и несколько кусочков вяленой говядины. «Мне нужно распределить это, — подумала она. — Растянуть запасы, чтобы хватило еще на...»

«На сколько? А потом умереть от жажды?»

Она откусила немного драгоценного шоколада, и ей мучительно захотелось отхватить еще один кусочек, но она все-таки устояла, проявила силу воли. Она аккуратно завернула остаток батончика. «Если уж будет совсем неважноту, можно ест бумагу, — подумала она. — Бумага ведь съедобная? Она сделана из дерева, а голодные олени объедают кору с деревьев, значит, в ней ест пищевая ценность. Да, береги бумагу. Не пачкай ее». Она неохотно убрала недоеденный батончик обратно в пакет. Закрывая глаза, она думала о гамбургерах, жареной курице и всех запретных продуктах, от которых ей пришлось отказаться, после того как Дуэйн сказал, что беременные женщины напоминают ему коров. Имея в виду, что она напоминает ему корову. В течение двух недель после этого Мэтти не ела ничего, кроме салатов, пока однажды ей не стало плохо и она не упала в обморок прямо в магазине «Мейсиз». Дуэйн побагровел от ярости, когда встревоженные продавщицы кинулись к ним, спрашивая, все ли в порядке с его женой. Он прогнал их и зашипел на Мэтти, чтобы та поднималась. «Имидж — все», — любил повторять он, и вот — представьте себе — он, господин БМВ, и его развалившаяся на полу жена-корова в безразмерных брюках. «Да, я корова, Дуэйн. Большая красивая корова, вынашивающая твоего ребенка. Так приди и спаси нас, черт возьми! Спаси нас, спаси нас».

Откуда-то сверху послышались шаги.

Когда ее похититель приблизился, Мэтти перевела взгляд на крышку ящика. Она уже узнавала его походку — легкую и осторожную, как у крадущейся кошки. Каждый раз, когда он появлялся, она умоляла выпустить ее. И каждый раз он уходил, оставляя ее в ящике. И вот сейчас ее запасы еды и воды были на исходе.

— Дамочка!

Она не ответила. «Пусть побеспокоится, — решила она. — Он захочет

узнать, все ли со мной в порядке, и откроет крышку. Я должна быть живой, иначе он не получит выкуп».

— Поговорите со мной, дамочка.

Мэтти молчала. «Ничто другое не помогало, — подумала она. — Может, мое молчание испугает его? Может, теперь он выпустит меня?»

Послышался глухой удар о землю.

— Вы там?

«А где мне еще быть, говнюк?»

Долгая пауза.

— Хорошо. Если вы уже мертвы, тогда нет смысла вас выкапывать. Так ведь? — Шаги двинулись прочь.

— Пойдите! Пойдите! — Она включила фонарик. Начала барабанить по потолку. — Вернитесь, черт бы вас побрал! Вернитесь! — Она прислушалась. Ее сердце бешено колотилось. Мэтти едва не рассмеялась от облегчения, когда услышала, что шаги возвращаются. Насколько же она жалка! Унизилась до того, чтобы выпрашивать у него знаки внимания словно отвергнутая любовница.

— Вы проснулись, — сказал он.

— Вы говорили с моим мужем? Когда он собирается заплатить вам?

— Как вы себя чувствуете?

— Почему вы не отвечаете на мои вопросы?

— Ответьте сначала на мой.

— О, я чувствую себя просто превосходно!

— А как малыш?

— У меня кончается еда. Мне нужно еще.

— Еды у вас достаточно.

— Простите, но здесь, в яме, сижу я, а не вы! Я умираю с голоду. Как вы получите деньги, если я умру?

— Успокойтесь, дамочка. Отдыхайте. Все будет хорошо.

— Но все совсем не так хорошо, как вам кажется!

Ответа не последовало.

— Эй вы! Эй! — закричала она.

Шаги уже удалялись.

— Пойдите! — Она забарабанила по потолку. — Вернитесь! — Она стучала по дереву кулаками. Ее вдруг охватила страшная ярость, которой она никогда прежде не испытывала. Она завопила: — Вы не можете поступить так со мной! Я же не животное! — Когда заболели руки, она привалилась к стене, сотрясаясь от рыданий. Рыданий ярости, а не поражения. — К черту вас, — всхлипывала она. — К черту вас. И к черту

Дуэйна. И будьте прокляты вы все, ублюдки!

В изнеможении она откинулась на спину. Закрыла рукой глаза, вытирая слезы. Чего он от нас хочет? Дуэйн уже должен был заплатить ему. Тогда почему я до сих пор здесь? Чего он ждет?

Ребенок брыкнулся. Она прижала руку к животу — успокаивающий жест, который должен был передать ее тепло малышу. Она почувствовала, как напряглось все внутри, и ей показалось, что прошла первая схватка. Бедняжка. Бедный...

Ребенок.

Она замерла, раздумывая. Вспоминая все разговоры, которые вела с незнакомцем. Ни слова о Дуэине. Ни слова о деньгах. Полный бред. Если бы этот ублюдок хотел денег, ему следовало бы идти к Дуэйну. Но он ничего не спрашивает о муже. Он не говорит о Дуэине. Что, если он даже не звонил ему? Что, если он и не требовал выкупа?

«Тогда чего он хочет?»

Фонарик постепенно угасал. Второй комплект батареек был на исходе. Оставалось еще два, а потом — крошечная тьма. На этот раз она не испытывала паники, когда лезла в пакет за свежими батарейками и вскрывала новую упаковку. Я уже делала это, я снова смогу. Она отвернула крышку фонарика, спокойно извлекла старые батарейки и вставила новые. Снова вспыхнул яркий свет — отсрочка перед долгой ночью, наступления которой она так боялась.

«Все умирают. Но я не хочу умирать в этом ящике, где никто не отыщет даже моих костей».

Экономь свет, экономь свет, сколько сможешь. Она выключила фонарик и лежала в темноте, чувствуя, как страх все сильнее сжимает ее в своих жестоких объятиях. «Никто не знает, — думала она. — Никто не знает, что я здесь».

Перестань, Мэтти. Возьми себя в руки. Ты можешь положиться только на себя.

Она повернулась на бок и свернулась клубком. Услышала, как что-то покатилося по полу. Одна из батареек, теперь уже бесполезная.

«А вдруг никто не знает, что меня похитили? Вдруг никто не знает, что я еще жива?»

Она обхватила руками живот и еще раз прокрутила в голове свои разговоры с похитителем. «Как вы себя чувствуете?» Именно это он всегда и спрашивал: как она себя чувствует? Как будто его это волновало. Как будто злодею, засадившему в ящик беременную женщину, есть дело до того, как она себя чувствует. И тем не менее он постоянно интересовался ее

здоровьем, а Мэтти умоляла выпустить ее.

«Он ждет другого ответа».

Она поближе подтянула колени, и ее ступня ударилась о какой-то предмет, тут же откатившийся в сторону. Она присела и включила фонарик. Начала шарить по полу в поисках использованных батареек. Их было четыре, да еще две новые в упаковке. И две в фонарике. Она снова выключила фонарь. Экономь свет, экономь свет.

В темноте она начала расшнуровывать ботинок.

Доктор Джойс О'Доннел вошла в зал совещаний полицейского управления с таким видом, будто была его хозяйкой. Ее блестящий трикотажный костюм «Сент-Джон» стоил, наверное, больше, чем вся одежда Риццоли, купленная в нынешнем году. Восьмисантиметровые каблучки усиливали впечатление от ее и без того величественного роста. Ее ничуть не смущало, что трое полицейских внимательно наблюдают за тем, как она устраивается за столом. Она умела завоевывать аудиторию, и это качество вызывало у Риццоли невольную зависть, даже притом что Джейн презирала эту женщину.

Неприязнь явно была взаимной. О'Доннел бросила ледяной взгляд на Риццоли, потом взглянула на Барри Фроста и в конце концов сосредоточила свое внимание на лейтенанте Маркетте, старшем офицере отдела по расследованию убийств. Иначе и быть не могло, О'Доннел не разменивалась на мелких сошек.

— Признаюсь, ваше приглашение было для меня неожиданностью, лейтенант, — сказала она. — Меня нечасто вызывают в Шредер-Плаза.

— Я последовал совету детектива Риццоли.

— Тогда оно еще более неожиданно. Учитывая некоторые обстоятельства.

«Учитывая то, что мы играем в разных командах, — подумала Риццоли. — Я ловлю чудовищ, а ты их защищаешь».

— Однако, как я уже сказала детективу Риццоли по телефону, — продолжила О'Доннел, — я смогу помочь вам, только если вы поможете мне. Если вы хотите от меня помощи в поисках Зверя, вам придется поделиться со мной информацией, которой вы владеете.

В ответ Риццоли подвинула О'Доннел папку.

— Вот все, что нам пока известно об Элайдже Лэнке. — Она увидела, как вспыхнул огонек в глазах психиатра, когда та потянулась к материалам. Знакомство с чудовищем — вот ради чего жила О'Доннел. Возможность приблизиться к самому сердцу зла.

О'Доннел открыла папку.

— Это его документы из школы.

— Из Фокс-Харбора.

— Коэффициент умственного развития — сто тридцать шесть. Но отметки самые средние.

— Классический пример троечника. «Способен на многое, если приложит старания», — написала какая-то учительница, даже не подозревая о том, куда заведут Элайджу его способности. — После смерти матери его воспитывал отец, Хьюго, который подолгу нигде не работал. Большую часть времени проводил за бутылкой и умер от панкреатита, когда Элайдже было восемнадцать.

— Там же росла Амальтея.

— Да. Она переехала к дяде, когда ей было девять лет, после смерти матери. Никто не знает, кто ее отец. Такова семья Лэнк из Фокс-Харбора: дядя-пьяница, двоюродный брат-психопат и девочка-шизофреничка. Крепкая американская семья, как видите.

— Вы назвали Элайджу психопатом.

— А как еще назвать мальчика, который шутки ради заживо хоронит свою одноклассницу?

О'Доннел перевернула страницу. Любой другой, читая это досье, испытал бы ужас, но на ее лице было лишь выражение крайней заинтересованности.

— Девочке, которую он зарыл в землю, было всего четырнадцать, — сказала Риццоли. — Алиса Роуз была новенькой в школе. Одноклассники издевались над слабослышащей девочкой. И, видимо, поэтому Элайджа выбрал именно ее. Она была беззащитной, легкой добычей. Он пригласил ее к себе домой, а потом завел в лес и сбросил в яму, которую заранее выкопал. Потом завалил яму досками, присыпал камнями. Когда позже его спросили, зачем он это сделал, он ответил, что это была всего лишь шутка. Но я думаю, что он действительно решил убить ее.

— Судя по этим документам, девочка не пострадала.

— Не пострадала? Ну, это как сказать.

О'Доннел оторвалась от папки.

— Но ведь она выжила.

— В течение последующих пяти лет Алиса Роуз лечилась от сильнейшей депрессии и приступов страха. Ей было девятнадцать, когда она легла в ванну и перерезала себе вены. Лично я считаю, что виноват в ее смерти Элайджа Лэнк. Она была его первой жертвой.

— Вы можете доказать, что были и другие?

— Сорок пять лет назад в Кеннебанкпорте пропали супруги Карен и Роберт Садлер. Карен Садлер была на восьмом месяце беременности. Их останки обнаружили только на прошлой неделе, на том же участке земли, где Элайджа живьем закопал Алису Роуз. Я думаю, убийство Садлеров дело рук Элайджи. Его и Амальтеи.

О'Доннел замерла, как будто у нее перехватило дыхание.

— Вы первая выдвинули эту версию, доктор О'Доннел, — сказал лейтенант Маркетт. — Вы сказали, что у Амальтеи был сообщник, которого она называет Зверем. Он помогал ей во время убийства Никки и Терезы Уэллс. Вы ведь так сказали доктору Айлз?

— Больше никто не поверил в мою теорию.

— Что ж, теперь мы с вами согласны, — заявила Риццоли. — Мы считаем, что Зверь — это ее двоюродный брат Элайджа.

О'Доннел удивленно приподняла брови.

— Дело о кузенах-убийцах?

— Это не первый случай в истории криминалистики, — заметил Маркетт.

— Верно, — согласилась О'Доннел. — Кеннет Бьянки и Анджело Буоно — Хиллсайдские душители — тоже были двоюродными братьями.

— Как видите, прецеденты были, — повторил Маркетт. — Кузены, убивающие на пару.

— Выходит, вы и без меня обошлись.

— Вы узнали о существовании Зверя раньше всех, — сказала Риццоли. — Вы пытались отыскать его, выйти на него через Амальтею.

— Но безуспешно. Так что я не знаю, чем могу быть вам полезна. Я даже не понимаю, зачем вы пригласили меня сюда, детектив, учитывая ваше невысокое мнение о моих исследованиях.

— Я знаю, что Амальтея общается с вами. Мне она не сказала ни слова, когда я виделась с ней вчера. Но в тюрьме мне сообщили, что с вами она разговаривает.

— Наши беседы конфиденциальны. Она моя пациентка.

— Но ее двоюродный брат никогда не был вашим пациентом. А найти мы хотим именно его.

— Хорошо, где его видели в последний раз? У вас наверняка есть какая-то информация, за которую можно зацепиться.

— Почти никакой. Десятилетиями его никто не видел.

— Вы даже не знаете, жив ли он?

Риццоли вздохнула. И призналась:

— Нет.

— Сейчас ему должно быть около семидесяти, так ведь? Пожалуй, староват для серийного убийцы.

— Амальтее шестьдесят пять, — возразила Риццоли. — И тем не менее никто не усомнился в том, что она убила Терезу и Никки Уэллс. Проломила им головы, облила трупы бензином и подожгла.

О'Доннел откинулась на спинку стула и пристально посмотрела на Риццоли.

— Скажите, а почему вдруг бостонская полиция взялась ловить Элайджу Лэнка? Это ведь старые убийства и к тому же совершенные не на вашей территории. В чем ваш интерес?

— Убийство Анны Леони может быть связано с этим делом.

— Каким образом?

— Незадолго до убийства Анна наводила справки об Амальтее. Возможно, она узнала слишком много. — Риццоли передала О'Доннел еще одну папку.

— Что это?

— Вы слышали о фэбээровском Национальном центре криминальной информации? У них есть банк данных о пропавших без вести по всей стране.

— Да, я знаю о НЦКИ.

— Мы послали запрос на поиск с ключевыми словами «женщина» и «беременная». И вот что мы получили из ФБР. Все данные, начиная с шестидесятых годов. По всем беременным женщинам, пропавшим без вести на территории США.

— Почему вы выделили именно беременных женщин?

— Потому что Никки Уэллс была на девятом месяце беременности, Карен Садлер на восьмом. Вам не кажется, что это не просто совпадение?

О'Доннел открыла папку, в которой обнаружила целую кипу компьютерных распечаток. Она удивленно взглянула на присутствовавших.

— Да здесь же десятки имен!

— Учтите тот факт, что ежегодно в этой стране пропадают тысячи людей. Если время от времени исчезает беременная женщина, это всего лишь эпизод на фоне общей картины; никто не станет бить тревогу. Но, если на протяжении сорока пяти лет каждый месяц исчезает по женщине, это уже настораживает.

— А есть ли связь между этими исчезновениями, Амальтеей Лэнк и ее двоюродным братом?

— Мы вас и пригласили, чтобы ее установить. Вы провели с ней около дюжины сеансов. Она ничего не рассказывала вам о своих путешествиях? Где она жила, где работала?

О'Доннел закрыла папку.

— Вы просите меня о разглашении конфиденциальной информации. Почему я должна пойти на это?

— Потому что убийства продолжаются.

— Моя пациентка не может никого убить. Она находится в тюрьме.

— Зато ее сообщник на свободе. — Риццоли подалась вперед, чтобы приблизиться к женщине, которую глубоко презирала. Сейчас О'Доннел была нужна ей, и Джейн сумела подавить отвращение. — Зверь привлекает вас, верно? Вы хотите знать о нем как можно больше. Вы хотите проникнуть в его мысли, понять, что заставляет его убивать. Вам нравится слушать подробности. Вот почему вы должны помочь нам. Только так вы сможете пополнить свою коллекцию очередным чудовищем.

— А вдруг мы ошибаемся? Возможно, Зверь — это всего лишь плод нашего воображения.

Риццоли перевела взгляд на Фроста.

— Включи, пожалуйста, диапроектор.

Фрост щелкнул выключателем. В век компьютеров и презентаций «ПауерПойнт» диапроектор казался пережитком каменного века. Но Риццоли и ее напарник намеренно выбрали самый быстрый и доходчивый вариант. Фрост раскрыл папку и достал кипу диапозитивов, на которых они заранее сделали пометки разноцветными чернилами.

Фрост вставил пленку в проектор. На экране высветилась карта Соединенных Штатов. После этого он наложил на нее первый диапозитив, и на карте обозначились шесть черных точек.

— Что означают эти точки? — спросила О'Доннел.

— Это данные из НЦКИ за первые шесть месяцев восьмидесят четвертого года, — пояснил Фрост. — Мы выбрали этот год, поскольку именно тогда компьютерная база данных ФБР начала работать в полную силу. Так что сведения более или менее полные. Каждая из этих точек указывает на сообщение о пропавшей беременной женщине. — Он направил лазерную указку на экран. — Здесь наблюдается некоторый географический разброс. Один случай зафиксирован в Орегоне, один в Атланте. Но обратите внимание на скопление точек в юго-западной части. — Фрост очертил соответствующий угол карты. — Одна женщина пропала в Аризоне, одна в Нью-Мексико. Две на юге Калифорнии.

— И какой вывод я должна сделать?

— Хорошо, давайте рассмотрим данные за последующие полгода. С июля по декабрь восьмидесят четвертого. Возможно, картина будет яснее.

Фрост наложил на карту следующий слайд. Появилась новая серия точек, на этот раз красного цвета.

— И опять наблюдается разброс по всей стране, — сказал он. — Но заметьте, вот тут еще одно скопление. — Он очертил группу из трех красных точек. — Сан-Хосе, Сакраменто и Юджин, штат Орегон.

— А вот это уже интересно, — тихо произнесла О'Доннел.

— А сейчас вы увидите данные за следующий полугодовой период, — пообещала Риццоли.

Третий слайд представил серию точек, на этот раз помеченных зеленым. Теперь уже схема просматривалась четко. О'Доннел вглядывалась в изображение с нескрываемым интересом.

— Боже, — произнесла она. — Скопление точек все время смещается.

Риццоли кивнула. И мрачно уставилась на экран.

— Из Орегона оно перемещается на северо-восток. В последующие полгода две беременные женщины исчезают в Вашингтоне, третья — в соседнем штате, в Монтане. — Джейн повернулась к О'Доннел. — Но это еще не конец.

О'Доннел подалась вперед и стала похожей на кошку, готовящуюся к прыжку.

— И куда оно смещается потом?

Риццоли посмотрела на карту.

— За лето и осень оно передвигается на восток, к Иллинойсу и Мичигану, Нью-Йорку и Массачусетсу. А потом резко спускается на юг.

— В каком месяце?

Риццоли взглянула на Фроста, и тот принялся листать распечатки.

— Следующее дело заведено в Вирджинии четырнадцатого декабря, — сказал он.

— Оно перемещается в зависимости от погоды, — заметила О'Доннел.

Риццоли посмотрела на нее.

— От чего?

— От погоды. Видите? Летом скопление наблюдается на севере Среднего Запада. К осени оно уже в Новой Англии. А потом, в декабре, внезапно смещается на юг. Как только погода становится холоднее.

Риццоли нахмурилась, уставившись на карту. «Господи, — подумала она. — А ведь эта женщина права. Как же мы ничего не заметили?!»

— И что же дальше? — спросила О'Доннел.

— Вырисовывается полный круг, — сказал Фрост. — Скопление точек движется по южным штатам — от Флориды до Техаса. И в итоге возвращается в Аризону.

О'Доннел встала из-за стола и подошла к экрану. Некоторое время постояла возле него, изучая карту.

— Сколько времени занял весь цикл? Сколько понадобилось, чтобы замкнуть круг?

— В тот раз он занял три с половиной года, — ответила Риццоли.

— Весьма неспешный ритм.

— Да. Но обратите внимание на то, что они никогда не задерживаются надолго в одном штате, никогда не проводят массовых охот в одном районе. Они пребывают в постоянном движении, чтобы власти не поняли модель их поведения, чтобы до них не дошло, что преступления длятся годами.

— Что? — О'Доннел обернулась. — Цикл повторяется?

Риццоли кивнула.

— Все начинается снова, идет тем же маршрутом. Так же, как когда-то кочевники следовали за стадами буйволов.

— И власти так и не поняли этой схемы?

— Потому что охотники никогда не останавливались. Разные штаты, разные подведомственные территории. Несколько месяцев в одном районе — и снова в путь. К следующему месту охоты. К месту, куда возвращались вновь и вновь.

— Знакомая территория.

— «Куда нам идти, зависит от того, какие места мы знаем, а места, которые мы знаем, зависят от того, куда мы идем», — процитировала Риццоли один из принципов составления географического портрета преступника.

— А какие-нибудь трупы находили?

— Ни одного. Все эти дела до сих пор не закрыты.

— Выходит, должны быть какие-то тайные захоронения. Места, где они прятали жертв, а потом избавлялись от трупов.

— Мы полагаем, что это какие-нибудь труднодоступные места, — сказал Фрост. — В сельской местности или вблизи водоемов. Поскольку ни одна из женщин так и не была найдена.

— Но Никки и Терезу Уэллс нашли, — заметила О'Доннел. — Их тела не похоронили, а сожгли.

— Сестры были найдены двадцать пятого ноября. Мы проверили сводки погоды на эту дату. В те дни начался неожиданный снегопад — за одни сутки намело сорокапятисантиметровые сугробы. Массачусетс был буквально парализован, многие дороги заблокированы. Возможно, они просто не смогли добраться до своих тайных захоронений.

— И поэтому сожгли тела?

— Как вы заметили, география похищений изменяется в зависимости от погоды, — сказала Риццоли. — Как только становится холоднее, она смещается к югу. В ноябре восемьдесят четвертого года природа преподнесла Новой Англии сюрприз. Никто не ожидал такого раннего снегопада. — Джейн посмотрела на О'Доннел. — Итак, вот ваш Зверь. Это

его следы на карте. Думаю, Амальтея сопровождала его на всем протяжении этого пути.

— Вы хотите, чтобы я составила психологический портрет преступников? Объяснила, почему они убивали?

— Мы знаем, почему они делали это. Они убивали не ради удовольствия, не ради возбуждения. Это не простые серийные убийцы.

— Тогда какой у них мотив?

— Абсолютно прозаический, доктор О'Доннел. Собственно, он совершенно неинтересен для ваших исследований.

— Ну, для меня все убийства интересны. Так почему, вы думаете, они убивали?

— Вам известно, что ни Амальтея, ни Элайджа нигде не работали? Мы не нашли никаких свидетельств того, что они когда-либо устраивались на работу, платили социальные взносы, налоги. У них не было ни кредитных карт, ни банковских счетов. В течение десятилетий они оставались людьми-невидимками, существовали как бы вне общества. Так на что они жили? Как они оплачивали еду, газ, проживание?

— Наличными, я так думаю.

— Да, но откуда у них наличные? — Риццоли повернулась к карте. — Вот как они зарабатывали.

— Я что-то не понимаю.

— Кто-то ловит рыбу, кто-то собирает яблоки. Амальтея и ее сообщник тоже снимали урожай. — Риццоли посмотрела на О'Доннел. — Сорок лет назад Амальтея продала двух новорожденных дочерей приемным родителям. Ей заплатили сорок тысяч долларов. Я не думаю, что она продала своих детей.

О'Доннел нахмурилась.

— Вы имеете в виду доктора Айлз и ее сестру?

— Да. — Риццоли испытала легкое удовлетворение, увидев выражение лица О'Доннел. «Эта женщина даже не представляет, с кем она имеет дело», — подумала Джейн. Психиатр, регулярно общающаяся с монстрами, была явно озадачена таким поворотом событий.

— Я осматривала Амальтею, — сказала О'Доннел. — И согласилась с мнением других психиатров...

— ...что она психопатка?

— Да. — О'Доннел резко выдохнула. — То, что вы мне здесь показываете... это совершенно другое существо.

— Вовсе не сумасшедшая.

— Я не знаю. Я не знаю, кто она.

— Она и ее двоюродный брат убивали из-за денег. С холодным трезвым расчетом. Лично мне кажется, что это признак здорового ума.

— Возможно...

— Вы ладите с убийцами, доктор О'Доннел. Вы беседуете с ними, проводите долгие часы с людьми, подобными Уоррену Хойту. — Риццоли немного помолчала. — Вы понимаете их.

— Я пытаюсь.

— Так к какому типу убийц можно отнести Амальтею? Она чудовище? Или деловая женщина?

— Она моя пациентка. Это все, что я могу о ней сказать.

— Но сейчас вы ставите под сомнение свой диагноз, так ведь? — Риццоли показала на экран. — То, что вы здесь видите, — признаки поведения разумного человека. Кочующие охотники, отслеживающие добычу. Вы по-прежнему считаете, что она психически нездорова?

— Я повторяю, она моя пациентка. Я должна защищать ее интересы.

— Нас не интересует Амальтея. Нам нужен ее сообщник, Элайджа. — Риццоли приблизилась к О'Доннел, так что они оказались почти лицом к лицу. — Он не прекратил охоту, понимаете?

— Что?

— Амальтея вот уже пять лет за решеткой. — Риццоли взглянула на Фроста. — Покажи данные за период после ареста Амальтеи Лэнк.

Фрост придвинул новую кипу диапозитивов и наложил на карту один из них.

— Январь месяц, — пояснил он. — В Южной Каролине исчезает беременная женщина. В феврале — пропавшая без вести в Джорджии. В марте — в Дайтона-Бич. — Барри вставил следующий диапозитив. — Спустя шесть месяцев то же самое повторяется в Техасе.

— Все эти месяцы Амальтея находилась в тюрьме, — сказала Риццоли. — Но похищения продолжались. Зверь не остановился.

О'Доннел застыла, уставившись на точки, символизирующие бесконечный маршрут убийцы. Одна точка — одна женщина. Одна жизнь.

— В какой стадии цикла он сейчас? — еле слышно спросила она.

— Год назад, — сказал Фрост, — он дошел до Калифорнии и вновь устремился на север.

— А сейчас? Где он сейчас?

— Последнее похищение зарегистрировано месяц назад. В Олбани, штат Нью-Йорк.

— Олбани? — О'Доннел взглянула на Риццоли. — Это означает...

— Сейчас он уже в Массачусетсе, — кивнула Риццоли. — Зверь

приближается к городу.

Фрост отключил проектор, и без урчания его вентилятора в зале стало очень тихо. Хотя экран погас, картинка с картой по-прежнему стояла перед глазами каждого из присутствовавших, словно въелась в память. Внезапный звонок мобильного Фроста в тихом помещении, казалось, поразил всех.

— Прошу прощения, — сказал Фрост и вышел из комнаты.

— Расскажите нам про Зверя, — обратилась Риццоли к О'Доннел. — Как нам отыскать его?

— Так же, как любого другого человека из плоти и крови. Разве не этим занимается полиция каждый день? Вы уже знаете имя. Начинайте с него.

— У него нет ни кредитной карты, ни банковского счета. Его трудно выследить.

— Но я не собака-ищейка.

— Вы общаетесь с самым близким ему человеком. Человеком, который может знать, где его искать.

— Наши беседы конфиденциальны.

— Она никогда не называет его по имени? Не намекает на то, что это ее двоюродный брат Элайджа?

— Я не вправе раскрывать вам содержание своих бесед с пациентом.

— Но Элайджа Лэнк не ваш пациент.

— Зато Амальтея моя пациентка, а вы пытаетесь выстроить обвинение против нее. Обвинение в многократных убийствах.

— Нас не интересует Амальтея. Мне нужен только он.

— Я не обязана оказывать вам помощь в поисках преступника.

— А как насчет вашей чертовой гражданской ответственности?

— Детектив Риццоли, — одернул ее Маркетт.

Риццоли не сводила глаз с О'Доннел.

— Подумайте об этой карте. Обо всех этих метках, о пропавших женщинах. Он сейчас здесь. В поисках следующей жертвы.

Взгляд О'Доннел упал на выступающий живот Риццоли.

— В таком случае вам следует быть поосторожнее, детектив. Так ведь?

В напряженном молчании Риццоли наблюдала за О'Доннел, которая уже потянулась к своему портфелю.

— Думаю, я вряд ли чем-то могу быть вам полезна, — произнесла доктор. — Как вы сами сказали, этому преступнику важнее логика и практическая выгода, а не жажда убийства. Он убивает не ради удовольствия. Ему нужно зарабатывать на жизнь, только и всего. Так уж

вышло, что род его занятий несколько необычен. Психологический портрет не поможет вам поймать его. Потому что он не чудовище.

— А если бы он им был, вы бы, конечно, сразу же признали его.

— Я училась этому. И вы тоже. — О'Доннел направилась к выходу. У двери она остановилась и оглянулась, вкрадчиво улыбаясь. — Кстати, раз уж речь зашла о чудовищах, детектив. Ваш старый друг спрашивает про вас. Каждый раз, когда я его навещаю.

О'Доннел не нужно было называть имя, они обе знали, что она имеет в виду Уоррена Хойта. Человека, который до сих пор являлся Риццоли в кошмарных снах и чей скальпель оставил шрамы на ее ладонях два года назад.

— Он по-прежнему думает о вас, — продолжала О'Доннел. На ее лице появилась другая улыбка, спокойная и лукавая. — Я подумала, вы должны знать, что о вас помнят. — С этими словами доктор вышла из комнаты.

Риццоли чувствовала на себе взгляд Маркетта, ожидавшего ее реакции. Он явно рассчитывал на то, что она не выдержит, даст слабину. Джейн испытала облегчение, когда лейтенант вышел из комнаты, оставив ее один на один с диапроектором. Она собрала диапозитивы, отключила аппарат и смотала шнур в тугой моток вокруг руки, вложив в это занятие всю свою злость. Потом вывезла проектор в коридор, где едва не столкнулась с Фростом, который как раз захлопывал крышку своего мобиляника.

— Едем, — сказал он.

— Куда?

— В Нэтик. У них пропавшая женщина.

В ответ Риццоли нахмурилась.

— Она...

Барри кивнул:

— На девятом месяце беременности.

— Если хотите знать мое мнение, — начал детектив Сармьенто из Нэтика, — это история вроде дела Лэйси Петерсон.^[11] Брак идет под откос, муж заводит любовницу.

— Он признает, что у него есть пассия? — спросила Риццоли.

— Пока нет, но я носом чую это, понимаете? — Сармьенто, словно в доказательство, стукнул себя по носу и расхохотался. — Запах другой женщины.

«Да, возможно, этот парень и впрямь смог учуять его», — думала Риццоли, когда Сармьенто вел их с Фростом мимо столов, на которых светились мониторы компьютеров. Он был похож на человека, хорошо знакомого с запахом женщин. Сармьенто шел с важным видом крутого парня, слегка оттопыривая правую руку — признак того, что он годами носит кобуру на бедре, — изгиб, словно бы кричащий: полицейский! Барри Фросту далеко до этого щеголя. Рядом с вальяжным черноволосым красавцем Сармьенто Фрост со своим блокнотом и неизменной ручкой выглядел жалким клерком.

— Имя пропавшей женщины Матильда Первис, — сказал Сармьенто, остановившись у своего стола, чтобы взять оттуда папку и передать ее Риццоли. — Тридцать один год, европеоидной расы. Семь месяцев замужем за Дуэйном Первисом. Он владеет агентством по продаже автомобилей «БМВ» в нашем городе. Последний раз он видел свою жену в пятницу — она заезжала к нему на работу. Судя по всему, между ними произошла ссора, поскольку свидетели утверждают, что его жена уехала в слезах.

— И когда он заявил об исчезновении? — уточнил Фрост.

— В воскресенье.

— Он собирался целых два дня?

— Как он объяснил, после той ссоры ему захотелось, чтобы все улеглось и забылось, поэтому снял номер в отеле. Домой он вернулся только в воскресенье. Обнаружил в гараже машину жены, а в почтовом ящике субботнюю почту. И понял: что-то не так. Мы приняли его заявление в воскресенье вечером. И вот сегодня утром пришел ваш сигнал тревоги, ну, о пропавших без вести беременных женщинах. Правда, я не уверен в том, что наш случай укладывается в вашу схему. Больше похоже на бытовую ссору.

— Вы навели справки в отеле, где он останавливался? — спросила Риццоли.

Сармьенто ухмыльнулся.

— В прошлый раз, когда я говорил с ним, он не мог вспомнить название отеля.

Риццоли открыла папку и увидела свадебную фотографию Матильды Первис и ее мужа. Если они были женаты всего семь месяцев, выходит, на этой фотографии она уже на втором месяце беременности. Невеста была миловидной кареглазой и темноволосой женщиной с круглыми девичьими щеками. Ее улыбка свидетельствовала о бесконечном счастье. Она производила впечатление женщины, которая только что осуществила мечту всей своей жизни. Стоявший рядом с ней Дуэйн Первис, напротив, казался усталым и унылым. Под этим снимком можно было бы поставить подпись: «Впереди проблемы».

Сармьенто провел их дальше по коридору в темную комнату. Сквозь зеркальное окно они увидели пустую комнату для допросов. Оштукатуренные белые стены, стол, три стула, видеокамера в углу под потолком. Комната, где заставляют говорить правду.

Через окно детективы наблюдали, как открылась дверь и вошли двое мужчин. Один из них был полицейский — грудь колесом, лысина, лицо, лишенное всякого выражения. Такие лица вызывают жгучее желание пробудить в человеке хоть какие-то эмоции.

— Сегодня допрос ведет детектив Лайджетт, — пробормотал Сармьенто. — Посмотрим, удастся ли выудить что-нибудь новенькое.

— Садитесь, — донесся до них голос Лайджетта.

Дуэйн сел на стул лицом к окну. Для него это было просто зеркало. Знал ли он, что сквозь стекло за ним наблюдают три пары глаз? На мгновение показалось, что его взгляд уперся прямо в Риццоли. Она с трудом подавила невольное желание отступить, ретироваться в темноту. Но вовсе не потому, что Дуэйн Первис представлял собой угрозу. Ему было тридцать с небольшим, вид у него был вполне повседневный — простая белая рубашка без галстука и рыжевато-коричневые брюки из хлопчатобумажного твида. Запястье украшали часы «Брайтлинг» — неосмотрительный шаг с его стороны являться на допрос с роскошным аксессуаром, который не может себе позволить ни один коп. Дуэйн был недурен собой, а его дерзкую самоуверенность многие женщины наверняка находили привлекательной — конечно, если им нравились мужчины, кичащиеся дорогими часами.

— Должно быть, продал немало «БМВ», — предположила Джейн.

— По уши в долгах, — ответил Сармьенто. — Дом принадлежит банку.

— Жена застрахована?

— На двести пятьдесят тысяч.

— Не та сумма, из-за которой стоило бы убивать ее.

— И все-таки это двести пятьдесят кусков. Но, пока тело не обнаружено, ему все равно не видать этих денег. А трупа мы до сих пор не нашли.

— Итак, Дуэйн, мне бы хотелось еще раз уточнить некоторые детали, — продолжал в соседней комнате детектив Лайджетт. Его голос был таким же невыразительным, как и лицо.

— Я уже все рассказал вашему коллеге, — сказал Дуэйн. — Забыл его имя. Парень, что похож на того актера. Ну, этого, Бенджамина Братта.

— Детектив Сармьенто?

— Да.

Риццоли слышала, как Сармьенто, стоявший возле нее, удовлетворенно усмехнулся. Всегда приятно узнать, что ты похож на Бенджамина Братта.

— Не понимаю, что вы здесь делаете, — сказал Дуэйн. — Лучше бы искали мою жену.

— Мы ищем, Дуэйн.

— И чем поможет этот допрос?

— Как знать. Возможно, вы вспомните какую-нибудь деталь, которая облегчит поиски. — Лайджетт сделал паузу. — Например...

— Что?

— Тот отель, в котором вы останавливались. Вы так и не вспомнили название?

— Просто какой-то отель.

— Как вы расплачивались?

— Это не имеет отношения к делу!

— Вы платили кредитной картой?

— Возможно.

— Возможно или точно?

Дуэйн раздраженно фыркнул.

— Хорошо. Я расплачивался кредитной картой.

— Значит, название отеля должно быть указано в выписке с вашего счета. Нам остается только проверить.

Молчание.

— Ладно, я вспомнил. Отель «Краун Плаза».

— В Нэтике?

— Нет. В Уэллесли.

Сармьенто тут же потянулся к телефонной трубке на стене. И пробурчал:

— Это детектив Сармьенто. Мне нужен отель «Краун Плаза» в Уэллесли...

За стеклом продолжался допрос.

— Уэллесли... далековато от дома, верно? — заметил Лайджетт.

Дуэйн вздохнул.

— Мне нужно было как-то отвлечься, вот и все. Побывать одному. Понимаете, Мэтти в последнее время была очень нервной. А у меня еще работа, где тоже приходится выкладываться.

— Тяжелая жизнь, да? — Лайджетт произнес это просто, без всякого намека на сарказм.

— Все хотят совершить выгодную сделку. Мне приходится сквозь зубы улыбаться клиентам, которые просят достать им луну с неба. Но я не могу достать луну. Такая роскошная машина, как «БМВ», стоит денег. И у них есть эти деньги, вот что меня убивает. Денег полно, а они все равно хотят вытрясти из меня хотя бы цент.

«У него жена пропала. Возможно, ее уже нет в живых, — думала Риццоли. — А он бесится из-за клиентов, которые хотят выгодней купить „Бумер“».

— Вот почему я сорвался. И в этом причина нашей ссоры.

— Ссоры с вашей женой?

— Да. Это не из-за нас. Из-за работы. У меня сейчас туго с деньгами, понимаете? И поссорились мы на этой почве. Просто тяжелые времена.

— Служащие, которые были свидетелями вашей ссоры...

— Какие еще служащие? С кем вы разговаривали?

— С продавцом и механиком. Они оба сказали, что ваша жена уезжала очень расстроенная.

— Ну, она в положении. И расстраивается по всяким пустякам. Знаете, эти гормоны, они совершенно неуправляемы. Беременным женщинам вообще трудно угодить.

Риццоли почувствовала, как у нее запылали щеки. Неужели Фрост думает то же самое про нее?

— К тому же она очень устает, — продолжал Дуэйн. — Плачет по любому поводу. То у нее спина болит, то ноги. Каждые десять минут бегают в туалет. — Он пожал плечами. — Мне кажется, я еще вполне сносно с ней обхожусь.

— Сколько сочувствия в этом парне, — усмехнулся Фрост.

Сармьенто резко повесил трубку телефона и вышел в коридор. Риццоли и Фрост увидели его уже через стекло: он заглянул в комнату для допросов и сделал знак Лайджетту. Оба детектива удалились. Дуэйн, оставшись один в комнате, посмотрел на часы и заерзал на стуле. Потом поглядел в зеркало и нахмурился. Достал из кармана расческу и орудовал ею до тех пор, пока прическа вновь не стала идеальной. Безутешный супруг, готовящийся к съемкам пятичасовых новостей.

Сармьенто вернулся к Риццоли и Фросту и многозначительно подмигнул им.

— Попался, — прошептал он.

— Что там?

— Сейчас увидите.

Лайджетт вернулся в комнату для допросов. Он закрыл за собой дверь и остановился, пристально глядя на Дуэйна. Тот напрягся, и было видно, как забилась жилка на его шее.

— Итак, — начал Лайджетт. — Теперь вы хотите сказать мне правду?

— О чем?

— О тех двух ночах в отеле «Краун Плаза».

Дуэйн расхохотался — не совсем адекватная реакция в сложившейся ситуации.

— Не понимаю, о чем вы.

— Детектив Сармьенто только что связался с отелем «Краун Плаза». Нам подтвердили, что вы провели там две ночи.

— Ну вот, видите! Я же сказал вам...

— Что за женщина была с вами, Дуэйн? Блондинка, хорошенькая. Завтракала с вами в ресторане два утра подряд.

Дуэйн затих. С трудом сглотнул.

— Ваша жена знает о блондинке? Это из-за нее вы поссорились с Мэтти?

— Нет...

— Значит, не знала?

— Нет! Я имею в виду, что мы поссорились не из-за этого.

— Конечно, из-за этого.

— Вы все время пытаетесь извратить мои слова!

— Так, выходит, этой девушки не существует? — Лайджетт почти вплотную приблизился к Дуэйну. — Ее нетрудно будет разыскать. Вполне возможно, она сама позвонит нам. Увидит вас в новостях и поймет, что ей выгоднее сказать правду.

— Это не имеет никакого отношения... я хочу сказать: да, это выглядит дурно, но...

— Конечно, дурно.

— Хорошо. — Дуэйн вздохнул. — Хорошо, я ходил налево, ясно? Да, многие поступают точно так же в моей ситуации. Когда жена становится такой огромной, с ней нельзя заниматься этим. Этот необъятный живот торчит. И все это ее совсем не интересует.

Риццоли напряженно глядела в смотровое окно, гадая, смотрят ли на нее Фрост и Сармьенто. Да, вот такая я. Еще одна тетка с животом. И мужа нет рядом. Она уставилась на Дуэйна и представила, что на его месте сидит Габриэль и говорит те же слова. «Господи, хватит себя накручивать, — подумала она. — Это вовсе не Габриэль, а болван по имени Дуэйн Первис, который завел себе пассию и не подумал о последствиях. Твоя жена узнает про цыпочку на стороне, и ты думаешь: „Прощайте, часы „Брайтлинг“, полдома и алименты за восемнадцать лет“. Этот говнюк определенно виноват».

Она взглянула на Фроста. Тот покачал головой. Им обоим уже не раз доводилось быть свидетелями подобной драмы.

— Она угрожала вам разводом? — спросил Лайджетт.

— Нет. Мэтти ничего не знала о ней.

— Выходит, она просто так приехала к вам на работу и устроила скандал?

— Ссора была глупой. Я уже говорил Сармьенто.

— Так почему тогда вы так разозлились, Дуэйн?

— Да потому что она ездит по городу на спущенной шине и даже не замечает этого! Я хочу сказать, какой же надо быть темной, чтобы не заметить, что ты уродуешь диск! Мой менеджер первым обратил на это внимание. Новая шина — и вся порвана в клочья. Я увидел это и, наверное, вспылil. Она сразу в слезы, а я от этого еще больше завожусь, потому что начинаю чувствовать себя ничтожеством.

«Ты и есть ничтожество», — подумала Риццоли. И взглянула на Сармьенто:

— Думаю, мы уже все слышали.

— Ну, что я вам говорил?

— Вы дадите нам знать, если появится что-то новое?

— Да, конечно. — Сармьенто вновь устремил взгляд на Дуэйна. — С такими дураками легко работать.

Риццоли и Фрост направились к выходу.

— Кто знает, сколько километров она проехала на такой шине? —

донесся до них голос Дуэйна. — Черт, наверняка колесо спустило еще по дороге к врачу.

Риццоли резко остановилась. Она повернулась к окну и нахмурилась, глядя на Дуэйна. Почувствовала, как в висках вдруг застучало. «Господи. Ведь я могла пропустить это!»

— О каком враче он говорит? — спросила она у Сармьенто.

— О докторе Фишман. Я говорил с ней вчера.

— А зачем Матильда Первис приходила к ней?

— Плановый осмотр, ничего особенного.

Риццоли посмотрела на Сармьенто.

— Доктор Фишман — акушер?

Он кивнул.

— У нее кабинет в женской клинике. На Бейкон-стрит.

* * *

Доктор Сьюзан Фишман встретила их после ночного дежурства, и ее лицо выдавало крайнюю степень усталости. Немытые темные волосы были стянуты в конский хвост, а карманы белого халата, надетого поверх мягкого хирургического костюма, были так нагружены различными инструментами, что, казалось, тянули ее к земле.

— Ларри из охранной фирмы приготовил записи видеонаблюдения, — сказала она, ведя Риццоли и Фроста по коридору от приемного покоя. Ее теннисные туфли поскрипывали по линолеуму. — Он сейчас как раз устанавливает оборудование для просмотра. Слава Богу, мне не пришлось делать это самой. У меня дома даже видеомэгнитофона нет.

— В клинике сохранились записи недельной давности? — поинтересовался Фрост.

— У нас договор с фирмой «Активист безопасности». У них всегда есть записи по меньшей мере за неделю. Мы сами попросили их об этом, потому что нам часто угрожают.

— Кто угрожает?

— Понимаете, наша клиника выступает за разрешение аборт. Мы не делаем аборты прямо здесь, но сам факт, что мы называем себя женской клиникой, сильно бесит правых. Поэтому мы предпочитаем следить за входом в здание.

— Выходит, у вас уже были проблемы?

— А как вы думаете? Письма с угрозами. Конверты с порошком.

Какие-то типы болтаются возле клиники, фотографируют наших пациенток. Вот почему мы установили на парковке видеокамеру. Мы хотим видеть всех, кто подходит к двери нашей клиники. — Они свернули в следующий коридор, на стенах которого висели жизнерадостные плакаты, какие обычно украшают все акушерские клиники. Диаграммы по грудному вскармливанию, детскому питанию, «пяти признакам риска домашнего насилия». Анатомические иллюстрации, изображающие беременную женщину, ее живот в поперечном разрезе. Риццоли было неловко шагать рядом с Фростом. Ей казалось, что это ее внутренности выставили на всеобщее обозрение. Мочевой пузырь, кишечник, матку. Зародыша в характерной позе. Всего неделю назад мимо этого плаката шла Матильда Первис.

— Мы все очень переживаем за Мэтти, — сказала доктор Фишман. — Она милейшее создание. И с таким нетерпением ожидала первенца.

— Во время ее последнего посещения все было нормально? — спросила Риццоли.

— О да. Отчетливое сердцебиение, правильное положение плода. Все было отлично. — Фишман оглянулась на Риццоли. И мрачно спросила: — Думаете, это ее муж?

— А почему вы спрашиваете?

— Как правило, злодеями оказываются мужья, так ведь? Он приходил с ней всего один раз, в самом начале беременности. И вид у него был явно скучающий. После этого Мэтти всегда ходила одна. Для меня это уже знак. Если вы сделали ребенка, то должны вместе являться на прием к врачу. Впрочем, это мое личное мнение. — Она открыла дверь. — Вот наша переговорная.

Ларри из «Активиста безопасности» уже ожидал их.

— Все готово к просмотру, — сообщил он. — Я отобрал пленки за тот период, который вас интересует. Доктор Фишман, нам понадобится ваша помощь. Вы скажете, когда увидите пациентку на экране.

Фишман вздохнула и села в кресло перед монитором.

— Я никогда раньше не просматривала эти пленки.

— Вам повезло, — сказал Ларри. — В основном они крайне скучные.

Риццоли и Фрост расположились по обе стороны от Фишман.

— Ну, давайте посмотрим, что у вас тут, — предложила Риццоли.

Ларри нажал на кнопку воспроизведения записи.

На мониторе появился вид главного входа в клинику. Ясный день, солнце освещает ряды машин, припаркованных перед зданием.

— Эта камера установлена на фонаре, — пояснил Ларри. — Вот здесь,

внизу, вы видите время съемки. Два ноль пять пополудни.

В кадре появился «Сааб», который въехал на стоянку и остановился. Открылась водительская дверца, и из машины вышла высокая брюнетка. Она направилась к главному входу и исчезла за дверью.

— У Мэтти было назначено на половину второго, — сказала доктор Фишман. — Может быть, перемотаете пленку чуть назад?

— Вы пока просто смотрите, — сказал Ларри. — Вот. Половина третьего. Это она?

Из здания вышла женщина. Она постояла на солнышке, прикрыв глаза рукой, словно ослепленная ярким светом.

— Это она, — кивнула Фишман. — Мэтти.

Мэтти двинулась вперед неуклюжей утиной походкой, столь характерной для беременных женщин на последних сроках. Она шла медленно, роясь в сумочке в поисках ключей от машины, и, по всей видимости, не обращала ни на что внимания. Вдруг она остановилась и недоуменно огляделась по сторонам, как будто забыла, где оставила машину. «Да, такая женщина определенно могла не заметить спущенного колеса», — подумала Риццоли. Потом Мэтти развернулась и двинулась в противоположном направлении, исчезая из поля зрения.

— Это все, что у вас есть? — спросила Риццоли.

— Ну, вам ведь это было нужно? — ответил Ларри. — Подтверждение, что она покинула здание именно в это время.

— Но где ее машина? Мы не видим, как она садится в машину.

— А что, есть какие-то сомнения в том, что она в нее села?

— Я просто хочу видеть, как она выезжает со стоянки.

Ларри поднялся со стула и подошел к видеосистеме.

— Я могу поставить пленку, снятую другой камерой с противоположной стороны, — сказал он, переставляя кассету. — Но не думаю, что вам это поможет, поскольку камера находится очень далеко. — Он взял пульт и снова нажал кнопку воспроизведения записи.

На мониторе появилась другая картинка. На этот раз просматривался только один угол здания; остальную часть экрана занимали припаркованные машины.

— На этой стоянке паркуются также машины медико-хирургической клиники, что через дорогу, — объяснил Ларри. — Вот почему здесь так много автомобилей. Итак, смотрите. Это не она?

Вдалеке виднелась голова Мэтти, которая мелькала между рядами машин. Вот она исчезла из виду. Спустя мгновение голубая машина выехала с парковочного места и скрылась из вида.

— Вот все, что у нас есть, — произнес Ларри. — Она выходит из здания, садится в машину, уезжает. Что бы с ней ни случилось, это было не на стоянке. — Он потянулся к пульту видеосистемы.

— Пойдите, — сказала Риццоли.

— Что такое?

— Перемотайте назад.

— На сколько?

— Примерно на тридцать секунд.

Ларри нажал на кнопку перемотки, и цифровые пиксели пустились в обратный ход, в итоге снова трансформировавшись в ряды автомобилей. И вновь Мэтти села в свою машину. Риццоли встала со стула, подошла к монитору и еще раз проследила за тем, как Мэтти выезжает со стоянки. Как следом за ней промелькнуло что-то белое.

— Стоп, — скомандовала Риццоли. Кадр замер, и Джейн ткнула пальцем в экран. — Вот. Тот белый фургон.

— Он движется параллельно машине жертвы, — сказал Фрост. «Жертвы». Как будто участь Мэтти уже была предрешена.

— Ну и что из того? — не понял Ларри.

Риццоли взглянула на Фишман.

— Вы знаете этот автомобиль?

Доктор пожала плечами.

— Я вообще не обращаю внимания на автомобили. Совершенно не разбираюсь в марках и моделях.

— Но раньше вы видели этот белый фургон?

— Не знаю. По мне, он выглядит как все остальные белые фургоны.

— Почему вас так заинтересовал тот фургон? — спросил Ларри. — Я хочу сказать: вы же видели, как она села в свою машину и уехала целая и невредимая.

— Перемотайте пленку, — попросила Риццоли.

— Вы хотите еще раз посмотреть этот кусок?

— Нет. Я хочу посмотреть более ранние кадры. — Она взглянула на Фишман. — Вы сказали, ей было назначено на половину второго?

— Да.

— Вернитесь к часу дня.

Ларри нажал на кнопку перемотки. На мониторе вновь запрыгали пиксели, перегруппировываясь в новый кадр. Внизу стояло время 1:02.

— Отлично, — одобрила Риццоли. — Давайте посмотрим.

Пошел отсчет времени, и на экране замелькали машины, въезжающие и выезжающие со стоянки. Какая-то женщина высадила из машины двух

малышей и, крепко схватив обоих за руки, направилась к главному входу.

В 1.08 появился белый фургон. Он медленно ехал вдоль рядов автомобилей, затем исчез из поля зрения.

В 1.25 на стоянку въехала голубая «БМВ» Мэтти Первис. На экране мелькнула лишь макушка Мэтти, когда та вылезла из машины и пошла к зданию.

— Достаточно? — спросил Ларри.

— Нет, не выключайте.

— Что мы ищем?

Риццоли почувствовала, как участился пульс.

— Вот это, — тихо произнесла она.

На экране вновь возник белый фургон. Он медленно объезжал ряды машин. А затем остановился между камерой наблюдения и голубой «БМВ».

— Черт! — воскликнула Риццоли. — Он загораживает нам вид! Непонятно, что делает водитель.

Через несколько секунд фургон двинулся с места. Они не сумели разглядеть лицо водителя, не говоря уже о номерах.

— В чем все-таки дело? — поинтересовалась доктор Фишман.

Риццоли обернулась и посмотрела на Фроста. Слова были излишни — они оба поняли, что произошло на стоянке. «Спущенное колесо. У Терезы и Никки Уэллс тоже спустило колесо».

Вот как он их находит, подумала Джейн. Парковка возле клиники. Беременные женщины, приезжающие к врачам. Молниеносный прокол шины, а потом нужно лишь ждать. Преследовать добычу, после того как она покинет стоянку. И когда она остановится, ты окажешься совсем рядом.

С предложением о помощи.

* * *

Фрост вел машину, а Риццоли думала о той жизни, что росла в ней. О том, какая тонкая стеночка из кожи и мышц служит защитой ее ребенку. Достаточно неглубокого надреза. Нужно провести лезвием вниз по животу, от грудины до лобковой кости, и не надо волноваться о шрамах, поскольку здоровье матери никого не интересует. Она лишь одноразовая оболочка, вспоротая ради спрятанного в ней сокровища. Джейн прижала руки к животу, и ей стало не по себе при мысли о том, что в этот момент могла испытывать Мэтти Первис. Разумеется, разглядывая себя в зеркале, Мэтти

и не думала, что возможно такое надругательство над ее телом. Рассматривая растяжки на животе, она, наверное, сожалела о том, что утратила свою привлекательность.

И расстраивалась из-за того, что муж смотрит на нее без всякого интереса, без страсти. Без любви.

«Знала ли ты о том, что у Дуэйна роман на стороне?»

Она посмотрела на Фроста.

— Ему нужен посредник.

— Что?

— Когда у него на руках новорожденный ребенок, что он с ним делает? Он должен отнести его посреднику. Тому, кто занимается усыновлением, готовит бумаги. И платит ему наличные.

— Ван Гейтс.

— Нам известно, что, по крайней мере, один раз он оказал Амальтее такую услугу.

— Это было сорок лет назад.

— Сколько подобных сделок он провернул с тех пор? Скольких еще детей пристроил в семьи, готовые платить деньги? Это же целый бизнес. — «Бизнес, позволяющий содержать жену в розовом трико».

— Ван Гейтс не пойдет на сотрудничество.

— Да уж, это точно. Зато теперь мы знаем, что искать.

— Белый фургон.

Какое-то время Фрост молчал.

— Знаешь, — произнес он, — если фургон окажется возле его дома, это означает... — Он не договорил.

«Что Мэтти Первис уже мертва», — подумала Риццоли.

Мэтти прижалась спиной к одной стенке ящика, уперлась ногой в стенку напротив и принялась давить на нее. Считала секунды, пока не задрожали ноги и лицо не покрылось потом. «Давай, еще пять секунд. Десять». Она расслабилась, переводя дух, икры и бедра приятно покалывало. Мэтти почти не двигалась в ящике и провела слишком много времени, свернувшись клубком или рыдая от жалости к себе, а тем временем ее мышцы превращались в кашу. Она вспомнила, как однажды заболела гриппом и несколько дней провалялась в лихорадке и бреде. Когда она наконец встала с постели, слабость была такая, что она еле доползла до ванной. Неподвижность коварна: она забирает силы. Но вскоре они ей понадобятся, нужно быть готовой к его возвращению.

Потому что он обязательно вернется.

Хватит отдыхать. Ступня вновь уперлась в стенку. Жми!

Она стиснула зубы, пот заливал ей лицо. Она вспомнила фильм «Солдат Джейн», в котором упругая и натренированная Деми Мур легко поднимала тяжести. Мэтти держала в голове этот образ, продавливая стену своей тюрьмы. Накачивай мышцы. Готовься к сражению. Тебе нужно побороть этого ублюдка.

Резко выдохнув, она вновь откинулась к стенке, чтобы отдохнуть и отдышаться, пока утихнет боль в ногах. Она уже приготовилась повторить упражнение, но вдруг почувствовала, как сжалось все внутри.

Очередная схватка.

Она задержала дыхание, надеясь, что схватка скоро пройдет. Вот она уже начала отступать. Ее матка тоже тренируется, как и она сама. Схватка не была болезненной, просто напоминала о том, что роды близки.

«Подожди, малыш. Тебе придется еще немного подождать».

Маура вновь проходила процедуру обезличивания, складывая в шкафчик раздевалки свои вещи и документы. Портмоне, часы, ремень, ключи от машины. «Впрочем, даже с документами — кредитной картой, водительским удостоверением, полисом страхования — я все равно не знаю, кто я такая. Единственный человек, который может дать ответ на этот вопрос, ждет меня по ту сторону решетки».

Она зашла в приемную, сняла туфли и оставила их на стойке для осмотра, потом прошла через металлоискатель.

Надзирательница уже ждала ее.

— Доктор Айлз?

— Да.

— Вы просили предоставить вам комнату для допросов?

— Мне необходимо поговорить с заключенной наедине.

— Но мы все равно будем наблюдать за вами. Вы это понимаете?

— Главное, чтобы нашей беседе никто не мешал.

— В этой комнате заключенные встречаются со своими адвокатами. Так что конфиденциальность вам гарантирована. — Надзирательница провела Мауру по коридору мимо общей комнаты для свиданий. Там она ключом открыла одну из дверей и жестом пригласила войти внутрь. — Мы сейчас приведем ее. Присаживайтесь.

Маура зашла в помещение, где стояли стол и два стула. Она села на стул лицом к двери. В коридор выходило окно из плексигласа, по углам камеры были установлены две камеры видеонаблюдения. Несмотря на то, что работал кондиционер, Маура почувствовала, как вспотели ладони. Она подняла взгляд и замерла, увидев, что через окно на нее смотрят темные безучастные глаза Амальтеи.

Надзирательница провела Амальтею в комнату и усадила на стул.

— Сегодня она неразговорчивая. Не знаю, чего вы от нее добьетесь, но, как бы то ни было, она перед вами. — Надзирательница нагнулась, щелкнула стальным наручником на щиколотке Амальтеи, приковав ее к ножке стола.

— Это обязательно? — спросила Маура.

— Таковы правила, для вашей же безопасности. — Надзирательница выпрямилась. — Когда закончите, нажмите вот эту кнопку на стене. Мы придем за ней. — Она похлопала Амальтею по плечу. — А теперь поговори

с этой дамой, хорошо, милая? Она проделала долгий путь, чтобы встретиться с тобой. — Взглядом она пожелала Мауре удачи и вышла, закрыв за собой дверь.

Некоторое время они молчали.

— Я приезжала к вам на прошлой неделе, — начала Маура. — Вы помните?

Амальтея сидела, сгорбившись, и безотрывно смотрела на крышку стола.

— Когда я уходила, вы мне кое-что сказали. «Теперь ты тоже умрешь». Что это значит?

Молчание.

— Вы ведь хотели напугать меня, правда? Хотели, чтобы я оставила вас в покое. Перестала копаться в вашем прошлом.

Снова молчание.

— Нас никто не слышит, Амальтея. Мы с вами одни в этой комнате, только вы и я. — Маура положила руки на стол, показывая, что у нее нет ни диктофона, ни блокнота. — Я не из полиции. Я не прокурор. Вы можете говорить мне все что хотите, и никто этого не услышит. — Маура наклонилась к ней и тихо добавила: — Я знаю, что вы понимаете каждое мое слово. Так посмотрите же на меня, черт возьми. Мне надоело играть в эту игру.

Хотя Амальтея не подняла головы, было видно, как напряглись ее руки, как дрогнули мышцы. «Она слышит меня. И ждет, что я скажу дальше».

— Это была угроза, верно? Когда вы сказали мне, что я должна умереть, вы имели в виду, что мне нужно остановиться, иначе я кончу, как Анна. Я сначала подумала, что это бред, но ведь вы говорили осознанно. Вы хотите уберечь его, правда? Вы защищаете Зверя.

Амальтея медленно подняла голову. Темные глаза впились в нее таким холодным и пустым взглядом, что Маура невольно отпрянула, а по спине побежали мурашки.

— Мы знаем про него, — сказала Маура. — Мы знаем про вас обоих.

— Что вы знаете?

Маура не ожидала, что она заговорит. Вопрос был произнесен почти шепотом, так что она даже усомнилась в том, что он на самом деле прозвучал. Она сглотнула. Глубоко вздохнула, ужаснувшись черной пустоте этих глаз. В них не было безумия, только пустота.

— Вы такая же нормальная, как и я, — сказала Маура. — Но не хотите это показывать. Вам легче прятаться за маской шизофренички. Удобно

играть в психопатку, потому что таких обычно оставляют в покое. Вас никто не допрашивает. Не копается в вашем прошлом — думают, что вы все равно несете бред. Сейчас вас даже не лечат, потому что вы научились разыгрывать побочные эффекты. — Маура заставила себя заглянуть в пустоту ее глаз. — Они не знают, что Зверь существует. Но вы знаете. И знаете, где он.

Амальтея по-прежнему молчала, но в лице ее было заметно напряжение. Плотнее сжались губы, натянулись жилы на шее.

— Это был ваш единственный выход, так ведь? Притвориться сумасшедшей. Вы не могли оспорить улики — кровь на домкрате, украденные бумажники. Но как только ты убеждаешь всех в том, что ты ненормальная, появляется шанс избежать дальнейшего расследования. Может, так никто и не узнал бы о других жертвах. Женщинах, которых вы убили во Флориде и Вирджинии. Техасе и Арканзасе. В штатах, где существует высшая мера наказания. — Маура придвинулась еще ближе. — Почему вы не хотите сдать его, Амальтея? В конце концов, он ведь повесил всю вину на вас. А сам на свободе и продолжает убивать. Он вполне обходится без вас, ездит по тем же местам охоты. Совсем недавно он похитил еще одну женщину в Нэтике. Вы можете остановить его, Амальтея. Можете положить конец убийствам.

Амальтея, казалось, замерла, ожидая продолжения.

— Посмотрите на себя. Вы сидите в тюрьме, — Маура усмехнулась. — Типичная неудачница. Почему вы должны сидеть здесь, в то время как Элайджа на свободе?

Амальтея моргнула. В одно мгновение напряжение, казалось, отступило, и она обмякла.

— Поговорите со мной, — настаивала Маура. — В этой комнате никого нет. Только вы и я.

Взгляд женщины устремился на одну из видеокамер под потолком.

— Да, они нас видят, — сказала Маура. — Но не слышат.

— Они нас слышат, — прошептала Амальтея. И уставилась на Мауру. Пустой взгляд стал жестким, хладнокровным. И пугающе осмысленным, как будто теперь этими глазами смотрело совершенно другое существо. — Зачем ты здесь?

— Я хочу знать правду. Мою сестру убил Элайджа?

Долгая пауза. И вдруг в глазах Амальтеи проскочила странная усмешка.

— С чего бы ему убивать ее?

— Вы знаете, почему убили Анну. Верно?

— Почему ты не задашь мне вопрос, на который только я могу ответить? Вопрос, который тебя по-настоящему волнует. — Голос Амальтеи был низким, доверительным. — Речь ведь о тебе, Маура, верно? Что ты сама хочешь узнать?

Маура посмотрела на Амальтею, чувствуя, как забилося сердце. Единственный вопрос, которым она терзалась, костью застрял в горле.

— Я хочу, чтобы вы сказали мне...

— Да? — донеслось до нее еле слышное бормотание.

— Кто моя настоящая мать.

Улыбка тронула губы Амальтеи.

— Ты хочешь сказать, что не видишь сходства?

— Скажите мне правду.

— Посмотри на меня. А потом в зеркало. Вот тебе и правда.

— Я совсем не вижу вас в себе.

— Зато я узнаю себя в тебе.

Маура рассмеялась, удивляясь тому, что еще способна на это.

— Не знаю, зачем я пришла. Все это пустая трата времени. — Она подвинула стул и собралась встать с него.

— Тебе нравится работать с мертвыми, Маура?

Опешив от этого вопроса, Маура так и застыла, едва привстав со стула.

— Ты ведь этим занимаешься? — произнесла Амальтея. — Вскрываешь их тела. Извлекаешь органы. Разрезаешь сердца. Почему ты это делаешь?

— Это моя работа.

— Но почему ты выбрала эту работу?

— Я здесь не для того, чтобы обсуждать себя.

— Нет, именно для этого. Все это касается тебя. Ты ведь хочешь знать, кто ты на самом деле.

Маура медленно опустилась на стул.

— Почему вы не можете просто сказать мне правду?

— Ты вспарываешь животы. Окунаешь руки в их кровь. Почему ты считаешь, что мы разные? — Женщина незаметно придвигалась все ближе и ближе, пока Маура с удивлением не обнаружила, что их лица почти соприкасаются. — Посмотри в зеркало. Ты увидишь меня.

— Мы представители разных пород.

— Если тебе так хочется в это верить, разве я могу разубедить тебя? — Амальтея, не мигая, смотрела на Мауру. — Но ДНК еще никто не отменял.

Маура оцепенела. Блеф, подумала она. Амальтея хочет понять, куплюсь ли я на это. Или действительно хочу знать правду. Ведь ДНК не

лжет. Достаточно мазка ее слюны, и я получу ответ. И тогда подтвердятся мои худшие опасения.

— Ты знаешь, где меня найти, — произнесла Амальтея. — Возвращайся, когда захочешь узнать правду. — Она поднялась, зазвенев оковами, и устремила взгляд в видеокамеру. Сигнал охране, что она хочет уйти.

— Если вы моя мать, — сказала Маура, — тогда скажите, кто мой отец.

Амальтея опять посмотрела на нее, и улыбка вновь тронула ее губы.

— А разве ты еще не догадалась?

Открылась дверь, и в камеру заглянула надзирательница.

— Все в порядке?

Преображение было разительным. Несколько секунд назад Амальтея смотрела на Мауру холодным расчетливым взглядом. И вот уже этот образ исчез, сменившись маской безумной старухи, которая все тянула ногой цепь, не понимая, почему не может освободиться.

— Идти, — бормотала она. — Хочу идти.

— Да, конечно, дорогая, сейчас пойдем. — Надзирательница взглянула на Мауру. — Я так понимаю, вы закончили?

— На сегодня — да, — ответила Маура.

* * *

Риццоли не ожидала визита Чарльза Касселла, поэтому чрезвычайно удивилась, когда позвонил дежурный офицер и сообщил, что в холле ее ожидает доктор Касселл. Когда Джейн вышла из лифта и увидела его, она была потрясена переменой, которая произошла в его облике. Всего за неделю он как будто состарился лет на десять. Похудел, лицо вытянулось и побледнело. Его костюм, несомненно сшитый у дорогого портного, теперь висел на нем, как на вешалке.

— Мне нужно поговорить с вами, — сказал он. — Я должен знать, что происходит.

Она кивнула дежурному офицеру.

— Мы поднимемся наверх.

Когда они зашли в лифт, он посетовал:

— Никто ничего мне не рассказывает.

— Вы, разумеется, понимаете, что это стандартная практика в процессе следствия.

— Вы собираетесь выдвинуть против меня обвинение? Детектив Баллард говорит, что это всего лишь вопрос времени.

Джейн взглянула на него.

— Когда он вам это сказал?

— Да всякий раз, когда звонит. Это что, такая стратегия, детектив? Запугать меня, повесить на меня всех собак?

Риццоли промолчала. Ее удивило, что Баллард постоянно названивает Касселлу.

Они вышли из лифта, и она провела Кассела в комнату для допросов, где они сели за стол друг против друга.

— Вы хотите сказать мне что-то новое? — осведомилась она. — Если нет, я не вижу смысла в этой встрече.

— Я не убивал ее.

— Вы это уже говорили.

— Мне кажется, в тот раз вы меня не слышали.

— Что еще вы хотели мне сказать?

— Вы ведь проверили маршрут моей поездки? Я сам дал вам эту информацию.

— В компании «Нортуэст Эйрлайнз» подтвердили, что вы летели тем рейсом. Но у вас все равно нет алиби на вечер убийства Анны.

— А тот инцидент сдохлой птицей в ее почтовом ящике — вы хотя бы потрудились выяснить, где я был тогда? Я знаю, что меня не было в городе. Мой секретарь может это подтвердить.

— Вы же понимаете, что это все равно не доказывает вашу невиновность. Вы могли нанять человека, который скрутил птице шею и подбросил в почтовый ящик Анны.

— Я же не отрицаю того, что я действительно делал. Да, я преследовал ее. Ездил мимо ее дома десятки раз. Да, я ударил ее в тот вечер — мне до сих пор стыдно. Но я никогда не писал ей писем с угрозами. И не подбрасывал дохлых птиц.

— Это все, что вы хотели мне рассказать? Если да, то... — Она приготовилась встать из-за стола.

К ее ужасу, он потянулся и схватил ее за предплечье, да так сильно, что ей пришлось прибегнуть к самообороне. Она ловко вывернула его руку.

Он застонал от боли и откинулся на спинку стула, удивленно глядя на Джейн.

— Хотите, чтобы я руку вам сломала? — сказала она. — Тогда можете попробовать еще раз.

— Извините, — пробормотал он, глядя на Риццоли глазами убитого

горем человека. Злость, от которой он захлебывался во время беседы, разом улетучилась. — Господи, простите меня...

Она посмотрела, как он съежился на стуле, и подумала: «Он горюет по-настоящему».

— Мне просто нужно знать, что происходит, — объяснил он. — Мне нужно знать, что вы что-то делаете.

— Я выполняю свою работу, доктор Касселл.

— Вы только и делаете, что пытаетесь уличить меня.

— Неправда. Расследование ведется по многим направлениям.

— Баллард сказал...

— Расследованием руковожу я, а не детектив Баллард. И, поверьте, я рассматриваю все возможные версии.

Он кивнул. Глубоко вздохнул и выпрямился.

— Собственно, это все, что я хотел услышать. Что вы работаете. Что вы ничего не пропустите. Что бы вы обо мне ни думали, клянусь вам всем святым, я любил ее. — Он пригладил свои волосы. — Это ужасно, когда уходит любимый человек.

— Да, это верно.

— Когда любишь, естественно, хочешь удержать любимую любой ценой. Совершаешь безумные поступки...

— Даже убийство?

— Я не убивал ее. — Он посмотрел Риццоли в глаза. — Но да, вы отчасти правы. Я мог бы убить за нее.

Зазвонил сотовый Риццоли. Она встала.

— Извините, — сказала она и вышла из комнаты.

Звонил Фрост.

— Наблюдение зафиксировало белый фургон у ворот резиденции Ван Гейтса, — сообщил он. — Фургон проехал мимо минут пятнадцать назад, но не остановился. Возможно, водитель заметил наших ребят, им даже пришлось сменить точку.

— Почему ты решил, что это тот самый фургон?

— У него краденые номера.

— Что?

— Ребята успели разглядеть номера. Они сняты с «Доджа Каравана» три недели назад в Питсфилде.

«Питсфилд, — подумала она, — совсем недалеко от Олбани».

«Где в прошлом месяце пропала женщина».

Она стояла, прижав трубку к уху, чувствуя, как стучит в висках.

— Где сейчас этот фургон?

— Ребята сидели в засаде и не стали преследовать его. К тому времени как они получили информацию о номерах, фургона и след простыл. Он больше не возвращался.

— Давай сменим машину наблюдения и поставим ее на параллельной улице. Вызови вторую бригаду для наблюдения за домом. Если фургон вновь появится, можно установить попеременную слежку. Из двух машин поочередно.

— Хорошо, я выезжаю туда.

Она отключила связь. Вернулась в комнату, где все еще сидел поникший Чарльз Касселл. «Интересно, что это — любовь или одержимость?» — подумала Джейн.

Иногда трудно уловить разницу.

Когда Риццоли мчалась по парковой автостраде Дедхэм, уже смеркалось. Она заметила машину Фроста и припарковалась позади нее. Вышла из машины и пересела к нему на пассажирское сиденье.

— Ну, — спросила она, — что происходит?

— Ни черта.

— Проклятье. Прошло уже больше часа. Неужели мы его спугнули?

— Возможно, это был не Лэнк.

— Белый фургон с краденными номерами из Питсфилда?

— Ну, судя по тому, что он больше не появлялся...

— Когда Ван Гейтс в последний раз выходил из дома?

— Где-то в полдень они с женой выходили в магазин. А теперь сидят дома.

— Давай-ка прокатимся. Я хочу сама посмотреть.

Фрост проехал мимо дома, двигаясь достаточно медленно, чтобы Риццоли могла как следует разглядеть особняк Тара на Спраг-стрит. Они миновали машину наблюдения, припаркованную в другом конце квартала, потом свернули за угол и встали у обочины.

— Ты уверен, что они дома? — уточнила Риццоли.

— Ребята не видели, чтобы кто-то из супругов выходил после полудня.

— Дом показался мне чересчур темным.

Пока они сидели в машине, сумерки сгустились. Риццоли волновалась все больше. Ни в одном окне свет не загорался. Неужели оба супруга заснули? Или им все-таки удалось незаметно выбраться из дома?

«Что делал здесь тот фургон?»

Она взглянула на Фроста.

— Хватит. Я не собираюсь больше ждать. Нужно наведаться к ним.

Фрост снова обогнул дом и остановил машину у ворот. Они позвонили в дверь, потом постучали. Никто не ответил. Риццоли спустилась с крыльца, вышла на подъездную аллею и стала разглядывать роскошный фасад с приапическими белыми колоннами. На верхних этажах света тоже не было. «Фургон, — подумала Джейн. — Он был здесь неспроста».

— Что будем делать? — спросил Фрост.

Риццоли уже чувствовала, как участился пульс, и ощущение тревоги усилилось. Она наклонила голову набок, и Фрост понял: «Обойдем сзади».

Она зашла за угол и открыла ворота. Увидела узкую кирпичную

дорожку, бегущую вдоль забора. Здесь не было места для сада, удалось втиснуть лишь два мусорных бака. Риццоли двинулась дальше. У них не было ордера, но что-то здесь было не так, она это чувствовала по тому, как чесались ладони, однажды изрезанные скальпелем Уоррена Хойта. Чудовище оставляет отметины на твоей коже и интуиции. Раз испытал это, ты уже никогда не пройдешь мимо его собрата.

Риццоли впереди, Фрост следом, они двинулись мимо темных окон и кондиционера, от которого на внезапно озябшую Джейн пахнуло теплом. Тихо, тихо. Сейчас они нарушали закон, но ей было необходимо заглянуть в окна, в дверь черного хода.

За углом она обнаружила небольшой задний дворик, огороженный забором. Задние ворота были открыты. Она прошла через дворик к воротам и выглянула в переулок. Никого. Она вернулась к дому и уже возле черного хода заметила, что дверь приоткрыта.

Они с Фростом переглянулись. И тут же выхватили пистолеты. Все произошло так быстро, почти автоматически, что Риццоли даже не отдала себе отчета в этом. Фрост толкнул дверь, и она открылась, обнажив участок кухонной плитки.

И кровь.

Фрост первым шагнул внутрь и щелкнул настенным выключателем. Кухню озарил свет. Кровью было залито все — стены, столешницы; алая пестрота ослепляла и отталкивала до такой степени, что Риццоли даже пошатнулась. Ребенок взволнованно брыкнулся в ее чреве.

Фрост шагнул из кухни в коридор. А Риццоли замерла на месте, разглядывая Теренса Ван Гейтса, который, словно купальщик с остекленевшими глазами, плавал в красном пруду. «Кровь даже высохнуть не успела».

— Риццоли! — донесся до нее крик Фроста. — Жена... она еще жива!

Неуклюжая, огромная Джейн едва не поскользнулась, бросившись из кухни в коридор. В бесконечную спираль ужаса. Стены украшали следы от фонтана артериальной крови. Кровавый шлейф тянулся от гостиной, где Фрост, опустившись на колени, рукой зажимал артерию на шее Бонни Ван Гейтс и одновременно вызывал по рации «скорую помощь». Кровь сочилась меж его пальцев.

Риццоли опустилась на колени возле упавшей женщины. Широко раскрытые глаза Бонни закатились от ужаса, будто она видела саму Смерть, нависшую над ней и готовую заключить ее в свои объятия.

— Я не могу остановить кровотечение! — воскликнул Фрост; с его руки тонкой струйкой капала кровь.

Риццоли схватила с кушетки покрывало и скомкала его в кулаке. Потом нагнулась, чтобы прижать импровизированную повязку к шее Бонни. Фрост убрал руку, и, прежде чем Риццоли успела заткнуть рану, горло женщины снова покрыла кровь. Повязка тут же промокла.

— У нее и рука кровоточит! — воскликнул Фрост.

Посмотрев под ноги, Риццоли увидела, что из порезанной ладони Бонни вытекает кровавый ручеек. «Нам не остановить этот поток...»

— Где «скорая»? — спросила она.

— Едет.

Бонни подняла руку и ухватила за Риццоли.

— Лежите смирно! Не двигайтесь!

Бонни дернулась, теперь уже обеими руками хватая воздух, словно отбиваясь от нападения.

— Держи ее, Фрост!

— Господи, какая она сильная.

— Бонни, прекратите! Мы пытаемся помочь вам!

Женщина снова дернулась, и Риццоли ослабила хватку. Лицо обдало теплом, и она почувствовала на губах кровь. Джейн стало дурно от ее железистого привкуса. Бонни вывернулась на бок и засучила ногами, как поршнями.

— Она умирает, — сказал Фрост.

Риццоли с силой прижала щеку Бонни к коврику и вновь заткнула тряпкой рану. Кровь теперь была повсюду — когда Риццоли пыталась восстановить давление на скользкую поверхность раны, она забрызгала и рубашку Фроста, и свой пиджак. Так много крови. Господи, сколько же крови может потерять человек?

По дому загрохотали шаги. Это были двое ребят из бригады наблюдения. Риццоли даже не подняла взгляд на ворвавшихся в комнату мужчин. Фрост крикнул, чтобы они держали Бонни. Но их помощь уже была не нужна: судороги сменились агонией.

— Она не дышит, — сказала Риццоли.

— Перекати ее на спину! Давай быстрее.

Фрост накрыл губами рот Бонни и принялся делать искусственное дыхание. Потом поднял окровавленное лицо.

— Пульса нет!

Один из копов положил ладони на грудь жертвы и начал массаж сердца. Его руки безжалостно давили на голливудскую грудь Бонни. С каждым нажатием из раны вытекала лишь тонкая струйка крови. В ее венах осталось слишком мало крови, чтобы питать жизненно важные органы.

Они откачивали пересохший колодец.

Бригада «скорой» прибыла с трубками, мониторами и капельницами. Риццоли отошла в сторону, чтобы не мешать их работе, и ей вдруг стало так нехорошо, что пришлось присесть. Она рухнула в кресло и опустила голову. До нее вдруг дошло, что она сидит на белой ткани и пачкает ее кровью со своей одежды. Когда Джейн вновь подняла голову, Бонни уже подключили к капельнице. Ее блузка была порвана, лифчик разрезан. Провода ЭКГ опутывали ее грудь. Всего неделю назад Риццоли думала об этой женщине как о кукле Барби, тупой и пластмассовой, в розовом трико из спандекса и босоножках на шпильках. Сейчас она и впрямь казалась пластмассовой, восковой, с безжизненными глазами. Риццоли заметила одну из босоножек Бонни, которая валялась в стороне, и представила, как женщина пыталась убежать в этой немыслимой обуви. Как кляца по коридору высоченными каблуками, а потом боролась с убийцей. Даже после того как медики увезли Бонни, Джейн все сидела, разглядывая бесполезную туфлю.

— Она не оклемается, — констатировал Фрост.

— Знаю. — Риццоли взглянула на него. — У тебя весь рот в крови.

— Ты бы на себя посмотрела в зеркало. Я бы сказал, что мы оба хороши.

Джейн подумала о крови и о том, что в ней может содержаться. ВИЧ. Гепатит.

— На вид она казалась здоровой. — Это было все, что смогла выдать из себя Джейн.

— Все равно, — возразил Фрост. — Ты ведь беременна и все такое...

«Ну и какого черта я здесь делаю, по щиколотку в крови? Я должна лежать дома у телевизора с поднятыми вверх опухшими ногами, — думала она. — Будущая мать не может так жить. Никто не может так жить».

Она попыталась встать из кресла. Фрост протянул ей руку, и впервые она не отвергла его помощь. «Иногда приходится принимать руку помощи, — подумала она. — Иногда стоит признаться в том, что сама ты не справишься». Ее блузка окаменела от запекшейся крови, руки покрылись бурой коркой. Скоро появятся криминалисты, а за ними и пресса. Как всегда, эта чертова пресса!

Пора было привести себя в порядок и приступить к работе.

Маура вышла из машины, тут же оказавшись под прицелом фотокамер и микрофонов. Проблесковые маячки полицейских патрульных машин полыхали голубыми и белыми огнями, освещая толпу зевак, которые выстроились по периметру ленты оцепления. Она без колебаний направилась к дому, не давая журналистам шанса приблизиться. У дома она кивнула патрульному, охранявшему место преступления.

Он удивленно кивнул ей в ответ:

— Э-э... здесь уже доктор Костас...

— И я тоже, — сказала она и скользнула под ленту оцепления.

— Доктор Айлз!

— Он там?

— Да, но...

Маура продолжала свой путь, зная, что полицейский не отважится противоречить ей. Ее авторитетный вид служил пропуском повсюду. У входа в дом она надела перчатки и бахилы — необходимые аксессуары для работы с кровью. Потом вошла в дом, где уже работали эксперты, едва покосившиеся в ее сторону. Она беспрепятственно прошла из коридора в гостиную и увидела залитый кровью ковер и медицинский мусор, оставшийся после визита «скорой помощи». Шприцы, надорванные упаковки, окровавленные марлевые повязки. Тела не было.

Она вышла в коридор, стены которого еще хранили отпечаток насилия. Одна стена была залита брызгами артериальной крови. Другая — усеяна каплями крови с орудия убийства.

— Доктор? — В конце коридора показалась Риццоли.

— Почему вы не позвонили мне? — спросила Маура.

— Костас занимается этим делом.

— Я это уже слышала.

— Вам не нужно здесь находиться.

— Вы могли бы сказать мне, Джейн. Могли бы поставить меня в известность.

— Но это не имеет к вам отношения.

— Это имеет отношение к моей сестре. А значит, и ко мне.

— Вот поэтому вас и не привлекают к делу. — Риццоли приблизилась к Мауре и уставилась на нее немигающим взглядом. — Думаю, нет необходимости объяснять это. Вы и сами все знаете.

— Я не прошу, чтобы меня назначили судмедэкспертом по этому делу. Меня возмущает то, что вы даже не позвонили мне.

— У меня не было возможности, ясно?

— Это оправдание?

— Но это правда, черт возьми! — Риццоли жестом показала на залитые кровью стены. — Здесь было две жертвы. Я еще даже не обедала. Еще кровь не смыла со своих волос. Черт возьми, мне даже пописать было некогда. — Она отвернулась. — Ладно, мне некогда оправдываться, тут дел по горло.

— Джейн!

— Идите домой, доктор. Не мешайте мне работать.

— Джейн! Извините. Мне не следовало говорить всего этого.

Риццоли обернулась к ней, и Маура увидела то, чего прежде не заметила. Уставшие глаза, поникшие плечи. «Да она едва держится на ногах!»

— Вы меня тоже извините. — Риццоли посмотрела на залитую кровью стену. — Мы упустили его, и это непростительно. У нас была группа наблюдения, они контролировали дом. Не знаю, как он распознал их машину, но он проехал мимо, а потом зашел с черного хода. — Она покачала головой. — Как-то он узнал. Узнал, что мы его караулим. Вот почему Ван Гейтс стал для него проблемой...

— Она предупредила его.

— Кто?

— Амальтея. Это наверняка она. Телефонным звонком, письмом. Или запиской, переданной через кого-то из охранников. Она оберегает своего сообщника.

— Думаете, она способна на такие разумные поступки?

— Да, я уверена. — Маура помедлила и добавила: — Я была у нее сегодня.

— И когда вы собирались рассказать мне об этом?

— Она знает мою тайну. У нее есть разгадка.

— Ради Бога, она же слышит голоса!

— Нет. Я уверена в том, что она абсолютно вменяема и точно знает, что делает. Она оберегает своего партнера, Джейн. Она никогда не сдаст его.

Какое-то мгновение Риццоли молча смотрела на нее.

— Может, вам все-таки стоит увидеть это. Вам необходимо знать, с кем мы имеем дело.

Маура проследовала за ней на кухню и остановилась в дверях, оцепенев от ужасного зрелища. Ее коллега доктор Костас склонился над трупом. Он озадаченно взглянул на Мауру.

— Я не знал, что ты приедешь.

— Я здесь по другому поводу. Мне просто нужно посмотреть... — Она

установилась на Теренса Ван Гейтса и с трудом сглотнула.

Костас поднялся.

— Он скончался в одно мгновение. Никаких ран, свидетельствующих о сопротивлении. У жертвы даже не было шанса постоять за себя. Один разрез, от уха до уха. Убийца подошел сзади. Удар нанесен слева, пересекает трахею и опускается чуть ниже справа.

— Убийца-правша.

— И очень сильный. — Костас нагнулся и аккуратно запрокинул голову жертвы, показывая зияющую рану, в которой посверкивал хрящ. — Тут разрезано почти до позвоночного столба. — Он отпустил голову, и края раны вновь сомкнулись, словно в поцелуе.

— Казнь, — пробормотала Маура.

— Очень похоже.

— Вторая жертва... в гостиной...

— Его жена. Она скончалась в реанимации час назад.

— Но со второй жертвой ему повезло меньше, — заявила Риццоли. — Мы полагаем, что убийца сначала расправился с мужчиной. Возможно, Ван Гейтс ожидал визита. Может быть, даже впустил его на кухню, рассчитывая на деловой разговор. Но никак не ожидал нападения. Мы не видим следов борьбы. Он повернулся спиной к убийце, и его зарезали, как ягненка.

— А жена?

— С Бонни все было по-другому. — Риццоли опустила глаза на Ван Гейтса, на крашенные пучки пересаженных волос, символ стариковского тщеславия. — Я думаю, Бонни случайно попала. Она вошла на кухню и увидела кровь. И своего мужа на полу с перерезанной шеей. Убийца здесь же, еще с ножом в руке. Работает кондиционер, все окна плотно закрыты. Двойные рамы для надежной звукоизоляции. Вот почему наши ребята, дежурившие на улице, не слышали криков. Если она вообще успела крикнуть.

Риццоли повернулась к двери, ведущей в коридор. Остановилась, словно сама погибшая показалась на пороге кухни.

— Она видит, как убийца надвигается на нее. Но, в отличие от мужа, оказывает сопротивление. Все, что она может сделать, это схватиться за лезвие ножа. Оно прорезает ей ладонь, вспарывая кожу, сухожилия, добираясь до кости. Порез настолько глубокий, что артерия тоже повреждена.

Риццоли указала в коридор.

— Она убегает туда, рука ее кровоточит. Он преследует ее, настигает в гостиной. Но даже там она продолжает бороться, пытается перехватить нож

руками. Он наносит еще один удар, на этот раз в горло. Рана не такая глубокая, как у мужа, но тоже достаточно серьезная. — Риццоли взглянула на Мауру. — Она была еще жива, когда мы нашли ее. Вот как близко мы подобрались к нему.

Маура уставилась на Теренса Ван Гейтса, распластанного на полу возле кухонного шкафа. Подумала о маленьком домике в лесу, где родилась отвратительная связь между братом и сестрой. «Связь, которая не обрывалась до сих пор».

— Помните, что сказала Амальтея в день вашей первой встречи? — спросила Риццоли.

Маура кивнула. «Теперь ты тоже умрешь».

— Мы обе решили, что это бред сумасшедшей, — произнесла Риццоли и вновь посмотрела на Ван Гейтса. — Сейчас уже ясно, что это было предупреждение. Угроза.

— Но почему? Ведь я знаю не больше того, что знаете вы.

— Может, это связано с тем, кто вы, доктор. Дочь Амальтеи.

Холодок пробежал по спине Мауры.

— Мой отец, — тихо произнесла она. — Если я действительно ее дочь, тогда кто мой отец?

Риццоли не было нужды называть имя Элайджи Лэнка; все было и так понятно.

— Вы живое доказательство их союза, — подытожила Риццоли. — Половина вашей ДНК принадлежит ему.

* * *

Маура заперла входную дверь на засов. Постояла, вспоминая Анну и многочисленные замки и цепочки в маленьком домике в Мэне. «Я превращаюсь в свою сестру, — подумала она. — Скоро начну баррикадировать двери или сбегу в другой город и сменю имя».

Сквозь задернутые шторы просочился свет автомобильных фар. Она выглянула в окно и увидела полицейскую машину, проезжающую мимо дома. На этот раз это не бруклинская полиция, а Бостонское управление. «Должно быть, Риццоли постаралась», — подумала она.

Маура отправилась на кухню и приготовила себе коктейль. Сегодня не хотелось возиться, смешивая привычный космополитен, — просто апельсиновый сок, водка и лед. Она села за стол и принялась потягивать коктейль. Пить в одиночку, конечно, нездоровый признак, ну и черт с ним.

Ей необходима анестезия, нужно прекратить думать о том, что она видела сегодня. С потолка доносилось шипящее дыхание кондиционера. Сегодня все окна закрыты, все надежно заперто. стакан с коктейлем охлаждал ей пальцы. Она поставила его на стол и посмотрела на свою ладонь со слабым румянцем капилляров. «Неужели в моих жилах течет их кровь?»

Раздался звонок в дверь.

Она резко вскинула голову и повернулась в сторону гостиной; сердце бешено забилося, каждая мышца напряглась. Она медленно встала и бесшумно прошла в холл, к двери. Остановилась, размышляя о том, как легко пуля может пробить дерево. Подойдя к боковому окну, она увидела на крыльце Балларда.

Вздохнув с облегчением, она открыла дверь.

— Я узнал про Ван Гейтса, — сказал Рик. — С вами все в порядке?

— Немного не в себе. Но в целом ничего. — «Нет, я не в порядке. Мои нервы на пределе, и я пью в одиночку на кухне». — Зайдете?

Баллард никогда не бывал в ее доме. Переступив порог, он закрыл за собой дверь и взглянул на цилиндрический замок.

— Вам нужно поставить сигнализацию, Маура.

— Я собираюсь.

— Не затягивайте с этим, хорошо? — Баллард посмотрел на нее. — Я могу помочь вам выбрать самую надежную.

Она кивнула.

— Спасибо за совет. Хотите выпить?

— Не сегодня, спасибо.

Они зашли в гостиную. Рик остановился, заметив в углу рояль.

— Я не знал, что вы музицируете.

— В детстве играла. Но сейчас почти не сажусь.

— Знаете, Анна тоже играла... — Он запнулся. — Просто подумал, что вы могли не знать этого.

— Я и не знала. Так странно, Рик, я каждый раз узнаю что-то новое про нее, и оказывается, что она очень похожа на меня.

— Она замечательно играла. — Он подошел к инструменту, поднял крышку и тронул несколько клавиш. Снова закрыл крышку и взглянул на блестящую черную поверхность. Потом перевел взгляд на доктора Айлз. — Я беспокоюсь за вас, Маура. Особенно после того, что случилось с Ван Гейтсом.

Она вздохнула и села на диван.

— Я больше не хозяйка своей жизни. Теперь не могу даже спать с открытыми окнами.

Рик тоже присел. Выбрал кресло напротив нее, так чтобы Маура, подняв голову, могла смотреть прямо на него.

— Думаю, вам сегодня нельзя оставаться одной.

— Это мой дом. И я не хочу отсюда уходить.

— Тогда не уходите. — Он помолчал. — Хотите, я останусь с вами?

Она подняла на него взгляд.

— Зачем вам это, Рик?

— Просто за вами нужно присматривать.

— И делать это должны вы?

— А кто еще? Посмотрите на себя! Вы живете так одиноко, сами себе предоставлены. Когда я подумаю, что вы одна в этом доме, мне становится страшно. Но я могу быть с вами. — Он потянулся и взял ее руки в свои ладони. — Я могу быть в вашем полном распоряжении.

Она посмотрела на его руки.

— Вы ведь любили ее, да?

Он не ответил, и Маура, подняв глаза, поймала его взгляд.

— Так ведь, Рик?

— Она нуждалась во мне.

— Я не об этом спрашивала.

— Я не мог стоять в стороне, оставив ее без защиты. С этим мужчиной.

«Я должна была сразу догадаться, — подумала она. — Это сквозило во всем — в том, как он смотрел на меня, как прикасался ко мне».

— Если бы вы видели ее в ту ночь в больнице, — продолжал он. — Подбитый глаз, синяки. Я лишь взглянул на ее лицо, и мне сразу захотелось вытрясти душу из негодея, который сотворил с ней такое. Меня трудно разозлить, Маура, но мужчина, поднявший руку на женщину... — Рик судорожно вздохнул. — Я не мог позволить, чтобы это произошло с ней еще раз. Но Касселл не отпускал ее. Он продолжал звонить, следил за ней, и мне пришлось вмешаться. Я помог ей установить замки. Стал навещать ее каждый день, проверяя, все ли в порядке. И вот однажды вечером она пригласила меня остаться на ужин и... — Он виновато пожал плечами. — Так это началось. Она была напугана, и я был нужен ей. Это инстинкт, понимаете? Возможно, инстинкт полицейского. Желание защищать.

«Особенно если речь идет о привлекательной женщине».

— Я просто пытался уберечь ее, вот и все. — Он посмотрел на Мауру. — Да. Все кончилось тем, что я влюбился.

— А это что значит, Рик? — Она посмотрела на его руки, все еще сжимавшие ее ладони. — Что происходит сейчас? Эти чувства для меня

или для нее? Я ведь не Анна. Я не могу ее заменить.

— Я здесь, потому что вы нуждаетесь во мне.

— Такое впечатление, что вы снова играете ту же пьесу. Вы опять в роли охранника. А я — актриса из второго состава, заменившая Анну.

— Это не так.

— А если бы вы никогда не знали мою сестру, если бы мы с вами просто встретились на какой-нибудь вечеринке? Вы бы все равно были здесь сейчас?

— Да. — Он приблизился к ней, не отпуская ее рук. — Я точно знаю.

Некоторое время оба молчали. «Я хочу ему верить, — думала она. — Так легко было бы поверить ему!»

Но вместо этого она произнесла:

— Думаю, вам не стоит оставаться здесь сегодня.

Баллард медленно выпрямился. Его взгляд был по-прежнему прикован к Мауре, но теперь между ними была пропасть. И разочарование.

Она поднялась с дивана; он тоже встал.

Они молча прошли к двери. У порога Рик остановился и обернулся к ней. Нежно поднес руку к ее лицу и дотронулся до него. Маура не отвернулась и не поморщилась.

— Будьте осторожны, — сказал он и вышел.

Маура закрыла за ним дверь.

Мэтти доедала последний кусочек говядины. Она вгрызалась в него, как дикое животное в высохшую падаль, и думала: «Белок — чтобы быть сильнее. Чтобы победить!» Она вспомнила об атлетах, готовящихся к марафону, тренирующихся для спортивных выступлений. «Мне тоже предстоит марафон. Единственный шанс выжить».

«Проигрыш — смерть».

Вяленая говядина напоминала резину, и она едва не подавилась, проглатывая ее, но протолкнуть вязкий кусок все-таки удалось, запив его глотком воды. Вторая банка с водой была почти пуста. «Мне грозит страшная смерть, — думала она, — долго я не продержусь». К тому же у Мэтти появились новые причины для волнения: схватки все чаще напоминали о себе и становились все более мучительными. Это еще не роды, но их предвестники.

Где же он, черт возьми? Почему он оставил ее так надолго? Потеряв счет времени, она не знала, сколько часов, а может, и дней прошло с его последнего визита. Мелькнула мысль: не разозлила ли она его своей истерикой? Или он решил наказать ее? А может, пытался припугнуть, заставить понять, что нужно быть вежливой с ним, проявлять уважение? Всю свою жизнь она была вежливой, и вот к чему это привело. Вежливых девочек все шпыняют. Они всегда оказываются в хвосте очереди, на них никто не обращает внимания. Они выходят замуж за мужчин, которые тут же забывают об их существовании. Все, хватит быть вежливой, подумала она. Если мне удастся выбраться отсюда, я перестану быть бесхребетной.

Но прежде надо выбраться. А это значит, что я должна притвориться вежливой.

Она сделала еще один глоток. И ощутила странный прилив сытости, как будто съела настоящий обед и выпила вина. Жди, подумала она. Он вернется.

Завернувшись в одеяло, она закрыла глаза.

И проснулась от сильной схватки. О нет, это уже больно. Определенно больно. Она лежала в темноте, взмокая от пота, пытаясь вспомнить все, чему учили на курсах для беременных, но эти уроки, казалось, были в прошлой жизни. Чьей-то жизни, не ее.

«Вдох, выдох. Очищение...»

— Дамочка!

Она оцепенела. Взглянула на решетку, из которой доносился шепот. Пульс участился. «Пора действовать, солдат Джейн». Но, вдыхая запах собственного страха в темноте, вдруг подумала: «Я еще не готова. Я никогда не буду готова. С чего я решила, что у меня получится?»

— Дамочка, ответьте мне.

«Это твой шанс. Давай».

Она глубоко вздохнула.

— Мне нужна помощь, — захныкала она.

— Почему?

— Мой ребенок...

— Рассказывайте.

— Он просится наружу. У меня схватки. Пожалуйста, выпустите меня отсюда! Я не знаю, сколько еще смогу выдержать это... — Она всхлипнула. — Выпустите меня. Мне нужно. Я рожаю.

Ответом ей было молчание.

Она вцепилась в одеяло, боясь дышать, боясь не услышать, если он будет говорить шепотом. Почему он не отвечает? Он что, опять ушел? И тут она услышала грохот, а потом скрежет.

Лопата. Он начал копать.

«Единственный шанс, — подумала она. — Другого не будет».

Снова грохот. Лопата загребала землю, ее поскребывание о ящик напоминало скрип мела по доске. Она задышала чаще, и сердце готово было выпрыгнуть из груди. «Или я выживу, или умру, — подумала она. — Все решится через секунду».

Поскребывание прекратилось.

Ее руки похолодели, онемевшие пальцы впились в одеяло, которым она укуталась. Она слышала, как скрипнуло дерево и взвизгнули петли. Земля посыпалась в ее темницу, попала в глаза. «О, Боже, Боже, я ничего не вижу. Мне надо видеть!» Мэтти отвернулась, пряча лицо от грязи, которая сыпалась ей на голову. Долго моргала, пытаясь вытряхнуть соринки из глаз. Она опустила голову и поэтому не видела его, того, кто стоял наверху и склонялся над ней. А что видел он, глядя в яму? Свою пленницу, укутанную в одеяло, грязную, жалкую. Скрюченную от родовых схваток.

— Пора вылезать, — сказал он, на этот раз уже не через решетку. Тихий голос, вполне обычный. Неужели зло может звучать так невинно?

— Помогите мне. — Она снова всхлипнула. — Я не смогу подняться.

Она услышала стук дерева, поняла: какой-то предмет упал рядом с ней. Лестница. Открыв глаза, она подняла голову и увидела всего лишь силуэт на фоне звездного неба. После крошечной тьмы, которая царила в

ее тюрьме, ночное небо показалось светлым.

Он посветил фонариком вниз.

— Здесь всего несколько ступенек, — сказал он.

— Мне очень больно.

— Я подам вам руку. Но вы должны встать на ступеньку.

Всхлипывая, она медленно поднялась на ноги. Покачнувшись и снова рухнула на колени. Вот уже много дней она не вставала и теперь с ужасом думала о том, как ослабла за это время, несмотря на гимнастику, несмотря на бешеный всплеск адреналина.

— Если вы хотите выбраться, — сказал он, — вам придется встать.

Она застонала и неуклюже поднялась на ноги, шатаясь словно новорожденный теленок. Ее правая рука оставалась под одеялом которое она прижимала к груди. Левой рукой она ухватила за лестницу.

— Вот так. Поднимайтесь.

Она встала на нижнюю ступеньку и выдержала паузу, чтобы подготовиться к дальнейшему восхождению. Сделала еще один шаг вверх. Яма была неглубокой, всего несколько ступенек — и она на свободе. Вот уже ее голова и плечи на уровне его пояса.

— Помогите мне, — взмолилась она. — Вытащите меня.

— Отпустите одеяло.

— Мне очень холодно. Пожалуйста, вытащите меня!

Он положил свой фонарик на землю.

— Дайте руку, — сказал он и нагнулся к ней — безликая тень с протянутой рукой.

«Ну вот. Он совсем близко».

До его головы можно дотянуться рукой. В какое-то мгновение она дрогнула, с отвращением подумав о том, что ей предстояло сделать.

— Хватит тянуть время, — скомандовал он. — Вылезай!

Она вдруг явственно увидела перед собой лицо Дуэйна. Это его голос чудился ей — голос, исполненный упрека, вечного упрека. «Имидж — это главное, Мэтти. Ты только посмотри на себя!» Корова Мэтти повисла на лестнице, не может спасти себя. Не может спасти своего ребенка. «Ты не нужна мне такая».

«Нет, я не такая. Я не такая!»

Мэтти отпустила одеяло. Оно упало с ее плеч, открыв то, что она прятала под ним, — носок, набитый восемью батарейками. Она подняла руку и взмахнула носком как молотом, вложив в этот удар всю силу своей ярости. Пусть он был диким, неуклюжим, но она испытала восторг, когда батарейки с хрустом обрушились на его голову.

Тень пошатнулась и опрокинулась.

В считанные секунды она вскарабкалась по лестнице и вылезла из ямы. Ужас заставляет тебя забыть о собственной нерасторопности, он обостряет чувства, делает тебя быстрой, как газель. Едва ступив ногами на твердую землю, она тут же оценила обстановку, отметив десятки деталей. Месяц, выглядывающий из-за деревьев. Запах почвы и влажной листвы. И деревья, кругом деревья, похожие на грозных стражей, загораживающих все, кроме звездного купола над головой. «Я в лесу». Одного взгляда было достаточно, чтобы принять молниеносное решение, и она ринулась вперед, в узкую расщелину между деревьями. И тут же провалилась в овраг, скатившись вниз по диким зарослям ежевики и молодым деревцам, которые яростно хлестали ее по лицу.

Она приземлилась на четвереньки. В одно мгновение вновь вскочила на ноги и побежала, правда, теперь уже прихрамывая, — правое колено пульсировало от вывиха. «Я слишком шумная, — подумала она. — Я топаю, как слон. Не останавливайся, не останавливайся, он может оказаться сзади. Продолжай движение!»

Но она была словно слепая в этом лесу, дорогу ей указывали лишь звезды и слабая луна. Ни света, ни указателей. Она и понятия не имела, где можно найти помощь. Место было совершенно незнакомое, она блуждала, словно в страшном сне. Продираясь сквозь заросли кустарников, инстинктивно двигаясь вниз по склону, отдав себя на милость силе притяжения. Горы всегда ведут в долины. Долины ведут к рекам. Реки ведут к людям. О черт, звучит здорово, но так ли это на самом деле? Колени уже ломило, сказывалось недавнее падение. Еще раз оступить — и она уже не встанет.

Очередной приступ резкой боли. Она остановилась, переводя дыхание. Схватка. Мэтти согнулась, выжидая, пока утихнет боль. Когда наконец она выпрямилась, пот лил с нее градом.

Что-то зашуршало у нее за спиной. Она обернулась, но не смогла увидеть ничего, кроме непроницаемой тени. Она чувствовала, что зло приближается. И снова бросилась бежать сквозь ветки деревьев, подгоняемая паникой. «Быстрее. Быстрее!»

На склоне холма она уже шаталась, едва удерживая равновесие. Если бы не молодое деревце, она бы так и рухнула животом на землю. «Бедный малыш, я чуть не придавила тебя!» За спиной не было слышно никаких звуков, но она знала, что он где-то рядом, идет по следу. Страх гнал ее вперед, сквозь паутину веток.

И вот деревья как будто испарились. Мэтти прорвалась сквозь

последний пучок веток и ощутила утоптанную почву. Зачарованная, она остановилась и огляделась вокруг. Водная гладь в отблесках луны. Озеро. Дорога.

И вдалеке маленькой точкой вырисовывался силуэт хижины.

Она сделала несколько шагов и застонала — очередная схватка сжала ее в кулак; Мэтти не могла дышать, двигаться, ей оставалось только лечь на дорогу и скорчиться от боли. Тошнота подступала к горлу. С озера до нее донесся плеск воды и крик птицы. Она чувствовала себя ужасно и боялась, что, упав, уже не встанет. «Только не здесь! Не оставайся здесь, на открытом пространстве!»

Она побрела вперед, боль немного отступила. Мэтти заставляла себя двигаться дальше, к призрачной надежде — хижине. Она снова побежала, преодолевая боль в колене. «Быстрее, — уговаривала она себя. — Он может увидеть твоё отражение в воде. Беги скорей, пока снова не начались схватки. Сколько минут осталось до следующей? Пять? Десять?» Хижина казалась такой далекой.

Она сделала отчаянный рывок вперед — ноги топотали по земле, воздух ревел, врываясь в легкие и вырываясь из них. Надежда была ее реактивным двигателем. «Я буду жить. Я буду жить».

Окна хижины были темными. Мэтти постучала в дверь, не смея подать голос, который мог эхом отозваться в горах. Ответа не последовало.

Она колебалась всего секунду. «К черту приличия, игры в хороших девочек! Бей это чертово окно!» Она схватила булыжник, валявшийся возле двери, и ударила им по дверному окну. Звон битого стекла взорвал ночную тишину. С помощью все того же камня она отколола остатки стекла, просунула руку и открыла дверь.

«Разбить и ворваться! Вперед, солдат Джейн!»

Затхлый воздух в домике пах кедром. Эта летняя хижина, должно быть, давно была заперта и покинута. Осколки стекла хрустели под ногами, когда она бродила по комнате в поисках выключателя. И, уже включив свет, осознала: он увидит. «Слишком поздно. Надо хотя бы найти телефон».

Она оглядела комнату, увидела камин, сложенные поленья, мягкую мебель, накрытую пледами, но телефонного аппарата нигде не было.

Она кинулась на кухню и увидела телефонную трубку на рабочем столике. Схватила ее и начала набирать 911, но вдруг до нее дошло, что нет гудка. Линия отключена.

В гостиной захрустело битое стекло.

«Он в доме. Выбирайся! Сейчас же».

Мэтти выскользнула из кухни и тихо закрыла за собой дверь.

Оказалась в тесном гараже. Лунный свет струился в одинокое оконце, и она сумела различить контуры весельной лодки, которая лежала на прицепе. Больше негде укрыться, негде спрятаться. Она попятилась от кухонной двери, чтобы оказаться в тени. Плечом ударилась о металлическую полку, с которой посыпалась давняя пыль. Она вслепую обшарила полку в поисках какого-нибудь оружия, но под руку попадались лишь старые банки от краски с присохшими крышками, малярные кисти с намертво склеенной щетиной. Наконец ее пальцы нащупали отвертку, и она схватила ее. Жалкое оружие, такое же опасное, как пилка для ногтей. Пожалуй, одноименный коктейль посильнее будет.

Под кухонной дверью показалась полоска света. Мелькнула тень. Замерла.

Как и дыхание Мэтти. Она попятилась к гаражной двери, чувствуя, что сердце вот-вот разорвется. Выбора не было.

Она нажала на ручку двери и приоткрыла ее. Дверь предательски закрипела, словно завопив: «Она здесь! Здесь она!»

В тот самый момент, когда распахнулась дверь кухни, она бросилась вон из гаража и опять побежала в ночь. Мэтти знала, что он видит ее на этом безжалостно открытом берегу. Знала, что бежит медленней его. И все равно неслась к залитому луной озеру, увязая ботинками в грязи. За спиной шуршали камыши — он неумолимо приближался. Остается плыть, подумала она. И ринулась к воде.

Но уже через мгновение скорчилась от новой схватки. Такой боли Мэтти еще не испытывала. Она упала на колени, прямо в воду. Боль достигла пика, зажав ее в тиски, так что на мгновение у нее почернело в глазах и она почувствовала, что заваливается на бок. В рот набилась грязь. Она корчилась, кашляла, валяясь на спине, словно перевернутая черепаха. Схватка стихла. Наверху, в небе, ярко светили звезды. Она чувствовала, как вода ласкает ее волосы, щеки. Совсем не холодная, наоборот, теплая, как в ванне. Она слышала, как приближаются его шаги. Видела, как расступается перед ним камыш.

И вот он остановился над ней, возвышаясь на фоне неба. Победитель, предъявляющий права на награду.

Он опустил на колени возле Мэтти, и вода отразилась в его глазах искорками света. То, что он держал в руке, тоже блестело: серебристое лезвие ножа. Казалось, он уже знал, что она покорилась. Что ее душа ждет того момента, когда сможет вырваться из оболочки измученного тела.

Он схватился за пояс ее безразмерных брюк и стащил их, обнажая белый купол живота. Она даже не шевельнулась, словно застыла. Уже

сдавшаяся, уже мертвая.

Он положил одну руку на ее живот; а другой схватил нож и нагнулся, чтобы сделать первый надрез.

Вдруг вода взметнулась серебристым фонтаном, и ее рука выскочила из грязи. Отвертка устремилась ему в лицо. Налившись яростью, она запустила свое жалкое оружие прямо в его глаз.

«Это тебе за меня, ублюдок!»

«А это за моего ребенка!»

Отвертка проникла глубоко, Мэтти чувствовала, как ее орудие пронзило кость и мозг и ушло туда по самую рукоятку.

Он рухнул, не проронив ни звука.

Некоторое время она не могла пошевелиться. Он упал ей прямо на бедра, и Мэтти чувствовала, как ее одежда пропитывается кровью. Мертвые тяжелые, гораздо тяжелее живых. Она принялась с отвращением спихивать его. Наконец ей удалось свалить тело, и оно опрокинулось на спину, распластавшись в камышах.

Она с трудом поднялась на ноги и, шатаясь, побрела к твердому берегу. Подальше от воды, подальше от крови. Там она упала на траву. И лежала, пока не пришла следующая схватка. А потом еще одна, и еще одна. Затуманенным от боли взглядом она наблюдала за тем, как плывет по небу четвертинка луны. Как меркнут звезды и розовый рассвет подступает с востока.

Когда солнце поднялось над горизонтом, Мэтти Первис произвела на свет дочь.

Грифы-индейки лениво кружили в небе в предвкушении свежей добычи. Мертвые не остаются без внимания Матушки Природы. Запах тлена влечет мясных мух и жуков, ворон и грызунов, собирающихся на устроенную Смертью пирушку. «Ну и чем я отличаюсь от них?» — думала Маура, спускаясь к воде. Ее тоже влекло к мертвым, и она, как любой представитель фауны, питающийся падалью, терзала остывшую плоть. Место было слишком красиво для того, чтобы заниматься столь мрачным делом. Безоблачное небо сияло голубизной, озеро отливало серебристым блеском. Но у кромки воды под белой простыней лежало то, что так привлекало грифов.

Джейн Риццоли, которая стояла рядом с Барри Фростом и двумя полицейскими из Массачусетского управления, сделала шаг навстречу Мауре.

— Тело лежало в воде, на расстоянии нескольких сантиметров от берега, вон в тех камышах. Мы вытащили его на берег. Просто хотела вам сказать, что его переместили.

Маура посмотрела на закрытый труп, но не прикоснулась к нему. Она еще не была готова к встрече с тем, что скрывалось под простыней.

— С женщиной все в порядке?

— Я навестила Матильду Первис в реанимации. Она, конечно, не в лучшем виде, но жить будет. А малышка чувствует себя превосходно. — Риццоли показала на островок травы. — Она родила ее вон там. Сама со всем справилась. Когда лесничий объезжал хозяйство около семи утра, она уже сидела у дороги и нянчила малышку.

Маура взглянула на берег и подумала о женщине, рожавшей в одиночку под открытым небом. Никто не слышал ее криков. А в это время в двадцати ярдах от нее остывал труп.

— Где он держал ее?

— В яме в трех километрах отсюда.

Маура нахмурилась.

— Она шла оттуда пешком?

— Да. Представляете — бежать в темноте через лес. Прямо накануне родов. Из леса она выбралась вон по тому склону.

— Даже представить себе не могу.

— Вы бы видели ящик, в котором он ее держал. Совсем как гроб.

Неделю была заживо погребенной — не знаю, как она не рехнулась.

Маура подумала об Алисе Роуз, которую посадили в яму много лет назад. Всего одна ночь отчаяния и темноты преследовала ее на протяжении всей короткой жизни. И в конце концов убила. Мэтти Первис сумела не только сохранить рассудок, но и оказать сопротивление. Выжить.

— Мы нашли белый фургон, — сообщила Риццоли.

— Где?

— Он был припаркован там, в тридцати-сорока метрах от той ямы, где он держал ее. Сами мы бы ее никогда не нашли.

— А других останков не обнаружили? Там ведь наверняка захоронены и другие жертвы.

— Мы только приступили к осмотру местности. Там густой лес, так что зона поисков большая. Придется перекопать весь холм.

— Столько лет и столько пропавших женщин. Одна из них могла быть... — Маура запнулась и окинула взглядом лесистый холм. «Одна из них могла быть моей матерью. Может, в моих жилах вовсе не течет кровь чудовищ. Может, моя настоящая мать мертва вот уже много лет. Очередная жертва, погребенная в этих лесах».

— Прежде чем делать выводы, — заметила Риццоли, — вам необходимо осмотреть труп.

Маура нахмурилась. Посмотрела под ноги, на укрытый простыней труп. Потом опустилась на колени и приподняла уголок простыни.

— Постойте. Я должна предупредить вас...

— Да?

— Вы увидите совсем не то, чего ожидали.

Маура застыла в нерешительности. Над ухом жужжали насекомые, изголодавшиеся по свежему мясу. Она глубоко вздохнула и откинула простыню.

Некоторое время она молча смотрела на мертвое лицо, не в силах произнести ни слова. Ее шокировали не выдавленный левый глаз и не рукоятка отвертки, торчавшая из него. Все это детали для протокола вскрытия. Нет, ее ужаснуло лицо мертвеца.

— Он слишком молод, — пробормотала она. — Этот мужчина слишком молод для Элайджи Лэнка.

— Я бы сказала, что ему лет тридцать, тридцать пять.

Маура судорожно выдохнула.

— Я не понимаю...

— Вы ведь заметили, верно? — тихо произнесла Риццоли. — Черные волосы, зеленые глаза.

«Как у меня».

— Я хочу сказать... конечно, у миллиона парней волосы и глаза такого же цвета. Но сходство... — Джейн немного помолчала. — Фрост тоже заметил. Мы все обратили внимание.

Маура накрыла труп простыней и отшатнулась, словно решив сбежать от правды, которая неумолимо пялилась на нее с мертвого мужского лица.

— Доктор Бристол уже в пути, — сказал Фрост. — Мы подумали, что вам не захочется делать это вскрытие.

— Тогда зачем вы меня вызвали?

— Вы ведь сами сказали, что хотите быть в курсе, — объяснила Риццоли. — И я вам обещала. И еще потому... — Джейн взглянула на закрытое тело. — Потому что рано или поздно вы все равно узнаете, кто этот человек.

— Но мы ведь не знаем, кто он. Сходство всего лишь домыслы. Но не доказательство.

— Есть кое-что еще. Мы узнали об этом сегодня утром.

Маура взглянула на нее.

— Что?

— Мы пытались разыскать Элайджу Лэнка. Перелопатили кучу информации, где могло промелькнуть его имя. Аресты, транспортные билеты, все. Сегодня утром пришел факс из Северной Каролины. Свидетельство о смерти. Элайджа Лэнк умер восемь лет назад.

— Восемь лет назад? Выходит, это не он был с Амальтеей, когда она убивала Терезу и Никки Уэллс.

— Нет. К тому времени Амальтея уже работала с другим партнером. Который заменил Элайджу. Чтобы продолжить семейный бизнес.

Маура отвернулась к озеру. Зеркальная гладь воды слепила глаза. «Я не хочу слышать продолжения, — подумала она. — Я не хочу этого знать».

— Восемь лет назад Элайджа умер от сердечного приступа в госпитале Гринвиля, — продолжала Риццоли. — Он обратился в отделение скорой помощи с жалобой на боль в груди. Согласно записям, в госпиталь его доставили члены семьи.

«Семьи».

— Его жена Амальтея, — произнесла Риццоли. — И их сын Сэмюэл.

Маура глубоко вдохнула воздух, который пах разложением и летом. Жизнь и смерть сплелись в едином аромате.

— Извините, — сказала Риццоли. — Извините, что пришлось сказать вам это. Впрочем, вполне вероятно, что мы ошибаемся насчет этого человека. Возможно, он вовсе не имеет к ним отношения.

Нет, они не ошибались, и Маура это знала.
«Я все поняла, когда увидела его лицо».

* * *

Когда в тот же вечер Риццоли и Фрост вошли в бар Джей Пи Дойла, полицейские, толпившиеся у барной стойки, встретили их громкими приветственными возгласами и аплодисментами, отчего Джейн даже смущенно вспыхнула. Черт, даже те, кто не испытывал к ней симпатий, проявили профессиональную солидарность и аплодировали ее успеху, который как раз в этот момент освещался на телеэкране в пятичасовом выпуске новостей. Когда Риццоли и Фрост подошли к стойке, толпа начала скандировать их имена, а радушный бармен уже выставил для них стаканы с напитками. Для Фроста — порцию виски, а для Риццоли...

Большой стакан молока.

Когда все кругом зашлись от хохота, Фрост наклонился к Джейн и прошептал на ухо:

— Знаешь, у меня сегодня что-то желудок расстроился. Хочешь, махнемся?

Самое забавное заключалось в том, что Фрост действительно любил молоко. Она подвинула ему свой стакан и попросила у бармена колы.

Пока Риццоли и Фрост лакомились орешками и потягивали свои целомудренные напитки, коллеги по очереди подходили к ним, чтобы пожать руку или похлопать по плечу. Джейн тосковала по своему излюбленному элю «Адамс». Ей вообще многого не хватало — мужа, пива. И тонкой талии. И все-таки сегодня был хороший день. День, когда одним преступником становится меньше, всегда удачный.

— Привет, Риццоли! Мы тут принимаем ставки. Двести баксов за то, что у тебя будет девочка, и сто двадцать — что мальчик.

Она оглядела бар и заметила, что к стойке подошли детективы Ванн и Данливи. Толстый хоббит и тонкий хоббит держали в руках одинаковые пинты «Гиннеса».

— А если рожу двойню? — спросила она. — Близнецов?

— Хм, — произнес Данливи. — Этого мы не учли.

— И кто тогда выигрывает?

— Думаю, никто.

— Или все? — засомневался Ванн.

Оба глубоко задумались. Настоящие Сэм и Фродо, размышляющие над

разгадкой великой тайны на Роковой горе.

— Что ж, — подвел итог Ванн, — думаю, нам следует добавить еще одну категорию.

Риццоли рассмеялась.

— Да, ребята, пора.

— Кстати, отличная работа, — заметил Данливи. — Подожди, скоро о тебе напишут в журнале «Пипл». И преступник, и все эти женщины. Какой сюжет!

— Хочешь, скажу тебе правду? — Риццоли вздохнула и отставила свой стакан с колой. — Это не наша заслуга.

— Как это?

Фрост посмотрел на Ванна и Данливи.

— Это не мы его обезвредили. А жертва.

— Обыкновенная домохозяйка, — пояснила Риццоли. — Запуганная беременная домохозяйка. Ей не понадобились ни пушка, ни дубинка, только носок, набитый батарейками.

По телевизору закончились местные новости, и бармен переключил канал. На экране замелькали девушки в мини-юбках. Женщины с тонкими талиями.

— Ну а что насчет пули «Черный коготь»? — поинтересовался Данливи. — Как она вписывается в это дело?

Риццоли немного помолчала, потягивая колу.

— Мы пока не знаем.

— Нашли оружие убийства?

Джейн перехватила взгляд Фроста, и на душе снова стало беспокойно. Это был вопрос, который мучил обоих. В фургоне они не нашли пистолета. В багажнике обнаружили лишь мотки веревки и окровавленные ножи. Да еще блокнот, в котором были аккуратно записаны имена и телефоны девяти других посредников по усыновлению — Теренс Ван Гейтс был не единственным. Нашлись также расписки в получении наличных, переданных Лэнкам за все годы, — кладезь информации, которую следователям предстояло отрабатывать не один год. Но вот оружия, из которого была убита Анна Леони, в фургоне не оказалось.

— Да ладно, — разрядил обстановку Данливи. — Может, всплывет где-нибудь. Или же он уже избавился от него.

«Может быть. А может, мы все-таки что-то упустили».

Было уже темно, когда Риццоли и Фрост покинули бар Дойла. Вместо того чтобы ехать домой, Джейн вернулась на Шредер-Плаза — разговор с Ванном и Данливи все не шел из головы — и уселась за стол, заваленный

папками. Сверху лежали файлы из НЦКИ о пропавших без вести, собранные в процессе охоты на Зверя. Но ведь толчок к расследованию дало убийство Анны Леони. Оно было тем брошенным в реку камешком, от которого по воде разошлись широкие круги. Убийство Анны вывело их на Амальтею, а потом и на Зверя. И тем не менее смерть Анны так и осталась вопросом без ответа.

Риццоли убрала файлы НЦКИ и принялась разбирать папки в поисках досье на Анну Леони. Уже не раз она читала это дело, но сейчас вновь принялась просматривать свидетельские показания, протоколы вскрытия, отчеты из лабораторий по волокнам и тканям, дактилоскопии, ДНК. Очередь дошла до баллистической экспертизы, и Джейн снова наткнулась на знакомые слова: «Черный коготь». Она вспомнила, как выглядела пуля на рентгеновском снимке черепа Анны Леони. Вспомнила и разрушительные последствия ее взрыва в головном мозге.

Пуля «Черный коготь». Где же оружие, из которого ее выпустили?

Она закрыла папку и уставилась на картонную коробку, которая вот уже неделю стояла возле ее стола. В ней были документы, переданные ей для изучения Ванном и Данливи по делу об убийстве Василия Титова. Он был единственной, помимо Анны, жертвой «Черного когтя» в бостонском округе за последние пять лет. Она достала из коробки файлы и сложила их на столе, вздохнув при виде внушительной стопки. Даже самое простое расследование оставляет после себя кипы бумаг. Ванн и Данливи собрали для нее самые важные доказательные документы, и, ознакомившись с ними, Риццоли пришла к выводу, что детективы произвели задержание по всем канонам жанра. Последовавший за этим суд и скорое вынесение приговора Антонину Леонову лишь подтверждали этот факт. И вот она в очередной раз принялась перечитывать документы по делу, которое не оставляло сомнений в том, что арестован именно убийца.

Итоговый отчет детектива Данливи был подробным и убедительным. Леонов в течение недели находился под наблюдением полиции в ожидании поставки героя из Таджикистана. Двое детективов видели из машины, как Леонов подъехал к дому, где проживал Титов, постучал в дверь и был впущен внутрь. Через несколько мгновений в доме прозвучали два выстрела. Леонов вышел, сел в свою машину и уже собирался отъехать, когда Ванн и Данливи перегородили дорогу и арестовали его. В доме, на кухне, был обнаружен труп Титова, убитого в голову двумя пулями «Черный коготь». Позже баллистики подтвердили, что обе пули были выпущены из пистолета Леонова.

Дело открыто и закрыто. Преступник осужден, пистолет изъят

полицией. Риццоли не видела никакой связи между убийствами Василия Титова и Анны Леони за исключением того, что в обоих делах фигурировали пули «Черный коготь». Очень редкая разновидность пули, но этой детали недостаточно, чтобы связать оба преступления.

Она упорно продолжала листать документы, забыв даже про ужин. К тому времени, когда она добралась до последней папки, у нее уже не было сил переворачивать страницы. «Нет, все-таки я ее добыю, чтобы спать спокойно», — подумала она.

Она открыла папку и наткнулась на протокол обыска, произведенного на складе Антонина Леонова. В протоколе содержалось описание рейда, составленное детективом Ванном, список арестованных служащих Леонова, а также подробный перечень конфискованного имущества, начиная от контейнеров и наличности и заканчивая бухгалтерскими книгами. Она просмотрела протокол до конца, остановившись на списке офицеров полиции — участников операции. Десять полицейских из Бостонского управления. Ее взгляд застыл на одном имени — имени, которое она не заметила, когда читала протокол неделю назад. «Просто совпадение. Это совсем не значит...»

Она задумалась. Вспомнила рейд по изъятию наркотиков, в котором участвовала, будучи еще патрульным офицером. Много шума, еще больше эмоций. И полная неразбериха. Когда десяток взбудораженных адреналином полицейских врываются во вражеское здание, суетятся, нервничают, стремятся быть осторожными. В такой суматохе непонятно, что делает твой коллега. Что сует в свой карман. Наличные, наркотики. Коробку с пулями, которой никто никогда не хватится. Это всегда присутствует — искушение прихватить сувенир. Сувенир, который впоследствии может пригодиться.

Она сняла телефонную трубку и набрала номер Фроста.

В компании мертвых было не очень уютно.

Маура сидела у микроскопа, вглядываясь в образцы легких, печени и поджелудочной — кусочки ткани, взятые с останков жертвы самоубийства и окрашенные в ярко-розовый и пурпурный цвета гематоксилин-эозином. Тишину нарушали лишь позвякивание предметных стекол да слабое шипение кондиционера. В то же время она была в здании не одна: внизу, в холодильном отделении морга ожидали своей очереди полдюжины молчаливых посетителей в застегнутых на молнии мешках. Непрительные гости, каждый из которых может многое о себе рассказать, но только тому, кто захочет прощупать и сделать надрез.

На ее столе зазвонил телефон, но она не стала брать трубку, предоставив возможность поработать автоответчику, включенному по окончании рабочего дня. «Здесь никого нет, кроме мертвых. И меня».

История, которую Маура изучала сейчас под микроскопом, была не нова. Молодые органы, здоровые ткани. Тело, которое прожило бы еще долгую жизнь, если бы только душа того пожелала, если бы внутренний голос шепнул отчаявшемуся человеку: «Постой, подожди минутку, горе не беда. Боль уйдет, и однажды ты встретишь и полюбишь другую девушку».

Маура рассмотрела последнее предметное стекло и убрала его в коробку. Какое-то время сидела, задумавшись, но не о той судьбе, которую только что изучала под микроскопом. Перед глазами возник молодой человек с темными волосами и зелеными глазами. Она не присутствовала на его вскрытии; в тот день, когда его тело анатомировал доктор Бристол, Маура осталась наверху в своем кабинете. Но, допоздна диктуя отчеты и рассматривая предметные стекла, она думала только о нем. «Хочу ли я знать, кто он на самом деле?» Она так и не смогла ответить на этот вопрос. Даже собираясь домой и нагружая сумку папками, она не была уверена в ответе.

И вновь зазвонил телефон, и вновь она проигнорировала звонок.

Маура побрела по тихому коридору, мимо закрытых дверей и опустевших кабинетов. Ей вспомнился другой вечер, когда она так же покидала пустынное здание и, выйдя на улицу, обнаружила на своей машине отметину Зверя. Сердце учащенно забилося от этих воспоминаний.

«Но его больше нет. Зверь мертв».

Она вышла с черного хода, окунувшись в теплую летнюю ночь. На

мгновение остановилась под фонарным столбом, оглядывая полутемную автостоянку. Устремившиеся на свет мотыльки кружили вокруг фонаря, и она слышала, как шуршат их крылья при столкновении с лампой. И вдруг тишину нарушил другой звук: захлопнулась дверца автомобиля. Прямо на нее надвигался силуэт, постепенно приобретая четкие очертания.

Она вздохнула с облегчением, когда увидела, что это Баллард.

— Вы что, ждали меня?

— Я увидел вашу машину на стоянке. Пытался дозвониться вам.

— После пяти я включаю автоответчик.

— Вы и по сотовому не отвечали.

— Я его отключила. Не надо пастить меня, Рик. Со мной все в порядке.

— В самом деле?

Маура вздохнула, когда они шли к машине. Она взглянула на небо, усеянное звездами, которые казались бледными по сравнению с городскими огнями.

— Я должна принять решение насчет анализа ДНК. Понять, хочу ли я знать правду.

— Тогда не делайте его. В конце концов, неважно, родные они вам или нет. Амальтея же не принимала участия в вашем воспитании.

— Раньше я тоже так говорила. — «Прежде чем узнала, чья кровь течет в моих жилах. Прежде чем узнала, что мои родители чудовища».

— Зло не передается по наследству.

— И все равно не очень-то приятно сознавать, что твоя мать имеет отношение к серийным убийствам.

Она открыла дверцу автомобиля и села за руль. Баллард заглянул в салон как раз тогда, когда она вставляла ключ в замок зажигания.

— Маура, поужинайте со мной, — предложил он.

Она замерла, не глядя на него. Уставившись на зеленоватое свечение торпеды, раздумывала над его приглашением.

— Вчера вечером, — продолжил он, — вы задали мне вопрос. Проявил бы я к вам интерес, если бы не любил вашу сестру. Мне кажется, вы не поверили моему ответу.

Она повернулась и посмотрела на него.

— Мне и не нужен ваш ответ. Вы ведь ее любили.

— Так дайте мне шанс узнать вас. Мне ведь это не приснилось там, в лесу. Вы это почувствовали, я это почувствовал. Что-то между нами было. — Он еще ближе наклонился к ней. И тихо произнес: — Мы просто поужинаем, Маура.

Она подумала о тех долгих часах, которые провела в этом стерильном

здании в окружении мертвых. «Сегодня я не хочу быть одна. Я хочу быть с живыми людьми».

— Здесь неподалеку китайский квартал, — сказала она. — Почему бы нам не поехать туда?

Рик скользнул на пассажирское сиденье, и на мгновение их взгляды встретились. Свет уличного фонаря падал сбоку, освещая часть его лица. Он протянул руку и коснулся ее щеки. Потом попытался притянуть ее ближе, но этого и не надо было делать: она сама придвинулась к нему. Почти прижалась. Его рот отыскал ее губы, и она услышала собственный вздох. Почувствовала, как смыкаются вокруг нее его теплые руки.

Она вздрогнула от взрыва.

Поморщилась, чувствуя, как осколками стекла обожгло щеку. Она открыла глаза и уставилась на Рика. Вернее, на то, что осталось от его лица. Кровавое месиво. Его тело медленно оседало прямо на нее. Голова упала ей на колени, и теплая кровь пропитала брюки.

— Рик! Рик!

Ее испуганный взгляд был устремлен в окно. Из темноты вынырнула фигура в черном, неумолимо надвигаясь на нее с оперативностью робота.

«Приближается, чтобы убить меня».

«Ехать. Нужно ехать».

Маура подхватила тело Рика, пытаясь сдвинуть его с коробки передач. Его лицо истекало кровью, и ее руки тут же стали скользкими. Ей все-таки удалось сдвинуть рычаг в положение заднего хода, а потом нажать на педаль газа.

«Лексус» дал задний ход и выехал с парковки.

Убийца надвигался откуда-то сзади.

Всклипывая от стараний, она столкнула лицо Рика с коробки передач, и ее пальцы утонули в кровавом месиве. Она включила переднюю передачу.

Когда взорвалось стекло заднего вида, на ее волосы дождем обрушились осколки, заставив ее зажмуриться.

Она вдавила педаль газа в пол. «Лексус» с визгом рванул вперед. Стрелок перекрыл ей ближайший выезд со стоянки, оставалось только одно направление, куда она могла двигаться, — примыкающая автостоянка Медицинского центра Бостонского университета. Парковки разделяла полоса бордюрного камня. Она ехала прямо на него, готовясь к неизбежному столкновению. Подпрыгнула на сиденье, стиснула зубы, когда автомобиль перевалил через бетонное препятствие.

Просвистела еще одна пуля; треснуло ветровое стекло.

Маура инстинктивно пригнулась, когда осколки посыпались на

торпеду и ей в лицо. «Лексус» несясь вперед, выйдя из-под контроля. Она лишь на мгновение подняла взгляд и увидела прямо перед собой фонарный столб. Удара не избежать. Она закрыла глаза, и в тот же миг выстрелила подушка безопасности, прихлопнув ее к спинке сиденья.

Она медленно открыла глаза, не понимая, что произошло. Надрывался клаксон. Он не замолк, даже когда она выбралась из-под подушки безопасности, открыла дверцу и вывалилась на тротуар.

Она еле держалась на ногах, в ушах звенело от надрывного гудка. Ей удалось доковылять до припаркованного поблизости автомобиля. Она с трудом передвигалась между рядами машин и вдруг остановилась.

Прямо перед ней простиралось открытое пространство парковки.

Она упала на колени, спрятавшись за ближайшей машиной, и осторожно выглянула из-за бампера. Кровь застыла в жилах, когда она увидела, как из тени выплывает темная фигура, неумолимо приближаясь к искореженному «Лексусу». Фигура остановилась на островке света под фонарем.

Маура уловила мерцание светлых волос, стянутых в конский хвост.

Стрелок распахнул пассажирскую дверь и заглянул в салон, где лежало тело Балларда. Потом снова показалась голова, и фигура медленным взглядом обвела полутемную автостоянку.

Маура снова спряталась за колесо. В висках стучало, она не дышала, а в панике ловила воздух. И безотрывно глядела на открытое пространство, освещаемое другим уличным фонарем. На противоположной стороне улицы на здании медицинского центра ярко-красным светилась вывеска «Скорая помощь». Нужно было лишь перебежать на ту сторону Олбани-стрит. Наверняка гудок клаксона уже привлек внимание персонала больницы.

«Так близко. Помощь так близко».

С бешено колотящимся сердцем она балансировала на подушечках пальцев ног. Она боялась двигаться, боялась стоять. Она осторожно выглянула из-за шины.

Черные ботинки уже стояли с другой стороны автомобиля.

«Беги!»

Она бросилась вперед и в одно мгновение оказалась на открытой площадке. Здесь уже негде было прятаться, оставалось только в панике мчаться вперед. Туда, где призывно светила вывеска «Скорая помощь».

«Я смогу, — думала она. — Я смогу...»

Пуля врезалась ей в плечо. И тут же опрокинула на асфальт. Маура попыталась встать на колени, но левая рука предательски повисла. «Что с

моей рукой, — подумала Маура, — почему она не слушается?» Застонав, она перекатилась на спину и увидела прямо над собой слепящий свет фонаря.

А потом в этом круге света возникло лицо Кармен Баллард.

— Один раз я уже убила тебя, — произнесла Кармен. — Теперь придется повторить.

— Пожалуйста. Рик и я... мы никогда...

— Никто не разрешал тебе трогать его. — Кармен подняла пистолет. Дуло уставилось на Мауру темным немигающим глазом. — Чертова шлюха. — Ее рука напряглась, собираясь нажать спусковой крючок.

И вдруг прозвучал другой голос — на этот раз мужской.

— Бросай оружие!

Кармен удивленно моргнула, покосилась в сторону.

Всего в нескольких метрах стоял охранник госпиталя с пистолетом, нацеленным на Кармен.

— Вы слышите меня? — рявкнул он. — Бросайте!

У Кармен дрогнула рука. Она посмотрела на Мауру, потом опять уставилась на охранника. Ее ярость и жажда мести боролись со здравым смыслом, реально оценивающим последствия.

— Мы с Риком никогда не были любовниками, — произнесла Маура. Ее голос был слабым, и она усомнилась в том, что Кармен расслышала его на фоне надрывающегося клаксона. — И Анна тоже не была его любовницей.

— Лгунья! — Кармен вновь впилась взглядом в Мауру. — Ты такая же, как она. Он ушел от меня к ней. Он бросил меня.

— Анна не виновата...

— Нет, виновата. И ты тоже виновата. — Она не отрывала от Мауры взгляда, даже когда скрипнули шины. И другой голос прокричал:

— Офицер Баллард! Бросайте оружие!

«Риццоли».

Кармен покосилась в сторону — последний взгляд, оценивающий ситуацию. Теперь она стояла под прицелом сразу двух пистолетов. Она проиграла: какой бы выбор она ни сделала, ее жизнь была кончена. Когда Кармен вновь посмотрела на Мауру, та прочитала в ее глазах уже принятое решение. Маура смотрела, как убийца прицеливается для финального выстрела. Видела, как пальцы Кармен все крепче впиваются в спусковой крючок.

Выстрел потряс Мауру. Кармен покачнулась. Упала.

Потом послышался топот шагов, крещендо сирен. И знакомый голос

пробормотал:

— О, Господи. Доктор!

Маура увидела прямо над собой лицо Риццоли. Улица полыхала огнями. Со всех сторон на нее надвигались тени. Призраки приветствовали ее в другом мире.

Теперь на все можно посмотреть другими глазами. Глазами пациентки, а не врача. Вот под потолком замелькали лампы — это ее каталку везут по коридору; потом над ней склонилась медсестра в пышном белом колпаке, в ее взгляде сквозило беспокойство. Колеса поскрипывали, и медсестре пришлось потрудиться, вталкивая тележку в распашные двери операционной. Теперь над головой другие лампы — яркие, слепящие. Совсем как в секционном зале.

Маура закрыла глаза, чтобы не видеть их. Пока медсестры перекладывали ее на операционный стол, она думала об Анне, которая лежала обнаженная под такими же лампами, ее тело вскрывали и разглядывали чужие люди. Она вдруг почувствовала, что над ней витает душа Анны, наблюдает сверху, так же как однажды Маура смотрела на Анну. «Моя сестра, — подумала она, пока пентобарбитал растекался по ее венам и меркли лампы. — Ты ждешь меня?»

Но, проснувшись, она увидела вовсе не Анну, а Джейн Риццоли. Дневной свет проникал сквозь жалюзи, отбрасывая яркие горизонтальные полосы на лицо Риццоли.

— Привет, доктор!

— Привет, — прошептала Маура.

— Как вы себя чувствуете?

— Неважно. Рука... — Маура поморщилась.

— Похоже, пора вколоть лекарство. — Риццоли потянулась и нажала на кнопку вызова медсестры.

— Спасибо. Спасибо вам за все.

Они замолчали, когда вошла медсестра, чтобы добавить в капельницу дозу морфина. Молчание продлилось и после ухода медсестры, когда лекарство начало оказывать свое магическое действие.

— Рик... — тихо произнесла Маура.

— Мне очень жаль. Вы ведь знаете, что он...

«Я знаю». Она сглотнула подступившие слезы.

— У нас так ничего и не было.

— Она бы все равно не позволила вам быть вместе. Эти царапины на вашей двери из-за него. Кармен предупреждала, чтобы вы держались подальше от ее мужа. Разбитые ставни,дохлая птица в почтовом ящике — все эти угрозы, которые Анна приписывала Касселлу, думаю, дело рук

Кармен, попытка запугать Анну и заставить ее уехать из города. Подальше от Рика.

— Но потом Анна все-таки вернулась в Бостон.

Риццоли кивнула.

— Она вернулась, потому что узнала, что у нее есть сестра.

«Я».

— Кармен узнает, что подружка мужа опять в городе, — продолжила Риццоли. — Помните, Анна оставила сообщение на автоответчике Рика? Дочь прослушала его и рассказала матери. И Кармен вновь теряет надежду на воссоединение. Другая женщина снова вторгается на ее территорию. Посягает на ее семью.

Маура вспомнила, что сказала ей Кармен: «Никто не разрешал тебе трогать его».

— Чарльз Касселл однажды рассказал мне кое-что про любовь, — снова заговорила Риццоли. — Он сказал: есть такая любовь, которая никогда не отпускает, ни под каким предлогом. Звучит романтично, правда? «Пока смерть не разлучит нас». А потом вспоминаешь, скольких людей убивают из-за того, что возлюбленные не хотят отпустить их, не сдаются.

Морфин уже сделал свое дело, и Маура закрыла глаза, блаженно погружаясь в его объятия.

— Как вы узнали? — пробормотала она. — Почему вы подумали про Кармен?

— «Черный коготь». Вот улика, которую мне следовало отрабатывать с самого начала. Пуля. Но меня сбilo со следа семейство Лэнк. Охота на Зверя.

— Меня тоже, — прошептала Маура. Она почувствовала, как неудержимо ее клонит в сон. — Думаю, я готова узнать ответ, Джейн.

— Ответ на что?

— Амальтея. Мне необходимо знать.

— Является ли она вашей матерью?

— Да.

— Если даже окажется, что она ваша мать, это ничего не значит. Это всего лишь биология. Зачем вам знать это?

— Мне нужна правда. — Маура вздохнула. — По крайней мере, я узнаю правду.

«Правда, — думала Риццоли по пути к своей машине, — это то, что людям так редко хочется слышать. Может, лучше оставить себе хрупкую надежду на то, что ты не имеешь отношения к чудовищам?» Но Маура хотела доказательств, а Риццоли знала, что они будут жестокими. Поиски на склонах холма уже дали первые результаты: нашлись останки двух женщин, которые были захоронены неподалеку от места заточения Мэтти Первис. Сколько еще беременных женщин познали ужасы такого плена? Сколько их, просыпавшихся в темноте, кричавших, царапавших непробиваемые стены ящика? Сколько их, осознавших, как и Мэтти, что их ждет страшный конец, когда они выполнят свою миссию живого инкубатора?

«Смогла бы я пережить этот кошмар? Я никогда не узнаю этого. Если, конечно, не окажусь в таком же ящике».

Подойдя к своей машине, Джейн поймала себя на том, что невольно оглядывает все четыре колеса, проверяя, не спущены ли шины, озирается по сторонам — не следит ли кто за ней. «Вот что делает работа, — подумала она, — начинаешь повсюду искать зло, даже если его нет рядом».

Она села в свой «Субару» и завела двигатель. Посидела немного, слушая урчание работающего мотора, ожидая, пока кондиционер начнет подавать прохладный воздух. Она полезла в сумочку за сотовым телефоном: «Мне необходимо услышать голос Габриэля. Мне необходимо знать, что я не Мэтти Первис, что мой муж любит меня. Так же, как я люблю его».

Он сразу ответил на ее звонок.

— Агент Дин.

— Привет, — сказала она.

Габриэль удивленно усмехнулся.

— Надо же, а я как раз собирался звонить тебе.

— Я скучаю по тебе.

— Я надеялся услышать именно это. Я уже на пути в аэропорт.

— В аэропорт? Значит ли это...

— Я вылетаю в Бостон первым же рейсом. Как насчет свидания с мужем? Надеюсь, ты впишешь меня в свой график?

— Несмыслимыми чернилами. Просто приезжай домой. Пожалуйста, приезжай домой.

Пауза.

— Как ты, Джейн? — тихо спросил он.

Неожиданные слезы заволокли ее глаза.

— О, это все чертовы гормоны. — Она отерла слезы и рассмеялась. —

Думаю, ты мне необходим прямо сейчас.

— Не отпускай эту мысль. Потому что я уже лечу.

* * *

Риццоли улыбалась, когда ехала в Нэтик — в другой госпиталь и к другой больной. Еще одной выжившей в этой страшной истории. «Они обе удивительные женщины, — думала она, — и мне выпало счастье быть знакомой с обеими».

Судя по количеству телевизионных фургонов, съехавшихся к госпиталю, и толпе репортеров при входе, пресса тоже решила, что Мэтти Первис достойна всеобщего внимания и восхищения. Риццоли с трудом протиснулась в холл. История про женщину, заживо погребенную в ящике, лихорадила все средства массовой информации. Риццоли пришлось предъявить удостоверение на двух постах охраны, прежде чем ей разрешили постучаться в палату Мэтти Первис. Ответа не последовало, и она вошла в комнату.

Телевизор работал, но без звука. На экране мелькали кадры, которые никто не смотрел. Мэтти лежала на кровати с закрытыми глазами и была совсем не похожа на холеную невесту со свадебного фото. Ее опухшие губы были изранены, лицо напоминало причудливую карту из царапин и порезов. Трубка капельницы тянулась к руке с ободранными пальцами и сломанными ногтями. Она напоминала лапу дикого животного. Но выражение лица Мэтти было умиротворенным — значит, ей не снились кошмары.

— Госпожа Первис! — тихо окликнула ее Риццоли.

Мэтти открыла глаза и заморгала, пытаясь разглядеть посетителя.

— А, детектив Риццоли, это снова вы.

— Я решила вас провести. Как вы сегодня себя чувствуете?

Мэтти глубоко вздохнула.

— Намного лучше. Который час?

— Скоро полдень.

— Я проспала все утро?

— Вам было необходимо поспать. Нет, не поднимайтесь, расслабьтесь.

— Но я так устала лежать на спине. — Мэтти откинула одеяло и присела. Нечесанные волосы упали спутанными прядями на ее лицо.

— Я видела вашу малышку через окно детской. Она красавица.

— Правда? — Мэтти улыбнулась. — Я хочу назвать ее Роуз. Мне

всегда нравилось это имя.

Роуз. Риццоли слегка поежилась. Это просто совпадение, одно из тех необъяснимых совпадений, которые случаются в этой вселенной. Алиса Роуз. Роуз Первис. Одна девочка давно умерла, а вторая только начинает жить. Но еле заметная хрупкая связь протянулась между ними сквозь десятилетия.

— У вас есть ко мне еще вопросы? — поинтересовалась Мэтти.

— Ну, как вам сказать... — Риццоли подвинула к кровати стул и села. — Я вчера задала вам очень много вопросов, Мэтти. Но так и не спросила, как вам удалось это сделать. Как у вас хватило сил.

— Что удалось?

— Не сойти с ума. Не пасть духом.

Улыбка померкла на губах Мэтти. Она посмотрела на Риццоли широко раскрытыми испуганными глазами и пробормотала:

— Даже не знаю. Я никогда не думала, что смогу... — Она замолчала. — Я хотела жить, вот и все. Я хотела, чтобы выжил мой ребенок.

Некоторое время они молчали.

А потом Риццоли сказала:

— Я бы хотела предупредить вас в отношении прессы. Они так и ждут момента прорваться к вам. Я с трудом протиснулась сквозь толпу журналистов. Пока работникам больницы удастся сдерживать их напор, но, когда вы вернетесь домой, будет совсем по-другому. Особенно после того... — Риццоли не договорила.

— После чего?

— Я просто хотела, чтобы вы подготовились, вот и все. Не позволяйте никому давить на вас и заставлять делать что-то.

Мэтти нахмурилась. Потом ее взгляд устремился к экрану телевизора, где беззвучно мелькал полуденный выпуск новостей.

— Его уже по всем каналам показали, — заметила она.

На экране Дуэйн Первис утопал в море микрофонов. Мэтти потянулась к пульту и включила звук.

— Это самый счастливый день в моей жизни, — вещал Дуэйн в толпу репортеров. — Моя замечательная жена и дочка снова со мной. Это была попытка, которую не описать словами. Кошмар, который невозможно себе представить. Слава Богу, слава Богу, что все так хорошо кончилось.

Мэтти выключила телевизор. Но ее взгляд был по-прежнему прикован к темному экрану.

— Не могу поверить, что все это наяву, — сказала она. — Мне

кажется, что этого не было. Вот почему я сейчас так спокойна. Мне просто не верится, что я действительно была там, в этом ящике.

— Но вы были там, Мэтти. Пройдет время, прежде чем вы это осознаете. Возможно, вас будут мучить кошмары. Страшные воспоминания. Заходя в лифт или заглядывая в шкаф, вы можете внезапно почувствовать, что снова оказались в том ящике. Но постепенно это пройдет, я вам обещаю. Просто помните, что все пройдет.

Мэтти взглянула на Джейн. В ее глазах блеснули слезы.

— Вы это знаете.

«Да, я знаю, — подумала Риццоли, ощупывая шрамы на своих ладонях. Они были свидетельством пытки, через которую пришлось пройти ей самой, чтобы выжить. — Выжить — это только начало».

Раздался стук в дверь. Риццоли поднялась, когда в палату вошел Дуэйн Первис с охапкой красных роз. Он устремился прямо к постели жены.

— Привет, малышка. Я бы поднялся быстрее, но там внизу творится какое-то безумие. Они все хотят интервью.

— Мы видели вас по телевизору, — сказала Риццоли. Она старалась сохранять нейтральный тон, хотя, глядя на него, не могла не вспомнить допрос в полицейском участке Нэтика. «Ах, Мэтти, — подумала она. — Вы могли бы найти кого-нибудь получше».

Дуэйн обернулся к Риццоли, и она обратила внимание на его идеально скроенный костюм и аккуратно завязанный шелковый галстук. Запах его одеколона перебивал аромат роз.

— Ну и как я выглядел? — разволновался он.

Она сказала правду:

— Настоящим телевизионщиком.

— Да? Удивительно — там внизу столько камер. Такой ажиотаж вокруг. — Он посмотрел на жену. — Знаешь, дорогая, нам надо все документировать. Чтобы осталось для истории.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну вот хотя бы этот момент. Мы должны сфотографироваться: я приношу тебе цветы в больничную палату. Я уже сфотографировал ребенка. Нянечка поднесла ее к окошку. Но нам нужны крупные планы. Например, ты держишь ее на руках.

— Ее зовут Роуз.

— И потом, у нас нет фотографий, где мы вместе. Нам определенно нужно сфотографироваться. Я принес фотоаппарат.

— Я не причесана, Дуэйн. Ужасно выгляжу. Я не хочу никаких фотографий.

— Да ладно тебе. Они так ждут.

— Кто они? Для кого эти фотографии?

— Ну, это мы решим позже. У нас будет время, чтобы взвесить все предложения. Историю с фотографиями можно продать гораздо дороже. — Он достал из кармана фотоаппарат и вручил его Риццоли. — Вы не будете так любезны сделать снимок?

— Это решать вашей жене.

— Все нормально, нормально, — настаивал он. — Просто щелкните нас. — Он наклонился к Мэтти и протянул ей букет роз. — Может, вот так? Я вручаю ей цветы. По-моему, замечательно. — Он улыбнулся, сверкнув белыми зубами. Идеальный муж, оберегающий свою жену.

Риццоли взглянула на Мэтти. Она не увидела протеста в ее глазах, лишь странный лихорадочный блеск, смысл которого был непонятен. Она подняла фотоаппарат, навела его на семейную парочку и нажала на кнопку.

Вспышка сработала как раз вовремя, чтобы запечатлеть такую сцену: Мэтти Первис ударяет мужа по лицу букетом роз.

Четыре недели спустя

На этот раз не было никакого актерства, никакого мнимого безумия. Амальтея Лэнк вошла в комнату для частных бесед и села за стол. Взгляд, устремленный на Мауру, был ясным и осмысленным. Прежде растрепанные волосы были аккуратно убраны в жидкий хвостик, и черты лица стали более явными. Всматриваясь в высокие скулы Амальтеи и ее прямой взгляд, Маура недоумевала: «Почему я раньше отказывалась замечать это? Это ведь так очевидно. Глядя на нее, я вижу себя, только на двадцать пять лет старше».

— Я знала, что ты вернешься, — заявила Амальтея. — И вот ты здесь.

— Вы знаете, почему я здесь?

— Получила результаты анализа, так ведь? Теперь ты знаешь, что я говорила правду. Хотя ты отказывалась верить мне.

— Мне были нужны доказательства. Люди постоянно лгут, а ДНК — нет.

— И все равно ты наверняка знала ответ. Еще до того как получила результаты своего драгоценного анализа. — Амальтея подалась вперед и посмотрела на гостью с почти доверительной улыбкой. — У тебя отцовский рот, Маура. Представляешь? А еще мои глаза и скулы. Глядя на твое лицо, я вижу себя и Элайджу. Мы семья. В наших жилах течет одна кровь. Ты, я, Элайджа и твой брат. — Она замолчала. — Ты ведь знаешь про него?

Маура судорожно сглотнула.

— Да. — «Единственный ребенок, которого ты оставила. Ты продала нас с сестрой, а сына оставила».

— Ты так и не сказала, как умер Сэмюэл, — произнесла Амальтея. — Как его убила та женщина.

— Это была самооборона. Больше вам знать и не нужно. У нее не было другого выхода, кроме как защищаться.

— И кто эта женщина, Матильда Первис? Я бы хотела узнать о ней больше.

Маура промолчала.

— Я видела ее по телевизору. Она мне не показалась какой-то особенной. Даже не представляю, как она могла такое сделать.

— Люди способны на многое, чтобы выжить.

— Где она живет? На какой улице? По телевизору сказали, что она из Нэтика.

Маура взгляделась в темные глаза матери, и ей вдруг стало страшно. Не за себя, а за Мэтти Первис.

— Зачем вам это?

— Я имею право знать. Как мать.

— Мать? — Маура едва не расхохоталась. — Вы действительно думаете, что вас можно так назвать?

— Но я его мать. А ты сестра Сэмюэла. — Амальтея придвинулась ближе. — Мы имеем право знать. Мы — его семья, Маура. Нет ничего крепче в жизни, чем узы крови.

Маура посмотрела в ее глаза, до ужаса похожие на ее собственные и такие же умные, даже блестили они так же. Но этот свет был извращен, как отражение в кривом зеркале.

— Кровные узы ничего не значат, — заявила Маура.

— Тогда почему ты здесь?

— Я пришла, чтобы в последний раз взглянуть на вас. А потом я уйду навсегда. Потому что я уже решила: что бы ни показал анализ ДНК, вы не моя мать.

— А кто же твоя мать?

— Женщина, которая любила меня. Вы не умеете любить.

— Я любила твоего брата. Могла бы и тебя любить. — Амальтея протянула руку и коснулась щеки Мауры. Прикосновение было нежным, почти материнским. — Только дай мне шанс, — прошептала она.

— Прощайте, Амальтея. — Маура поднялась и нажала кнопку вызова охраны. — Мы закончили, — сообщила она по интеркому. — И я готова уйти.

— Ты вернешься, — сказала Амальтея.

Маура не удостоила ее взглядом, даже не обернулась, выходя из комнаты. А в спину ей прозвучал крик Амальтеи:

— Маура! Ты вернешься!

В раздевалке доктор Айлз достала из шкафчика свой бумажник, водительские права, кредитные карточки. Документы, удостоверяющие ее личность. «А ведь я уже знаю, кто я», — решила она.

«И знаю, кем я точно никогда не буду».

Выйдя на улицу, Маура остановилась и сделала глубокий вдох. Почувствовала, как тепло летнего дня снимает с легких тюремный налет. И как исчезает из ее жизни яд Амальтеи Лэнк.

Пусть ее лицо и глаза доказывают, что они с Амальтеей дочь и мать.

Пусть в ней течет кровь убийц. Но зло не передается по наследству. Возможно, в ее генах скрывается этот потенциал, но то же самое можно сказать о любом ребенке. «В этом я ничем не отличаюсь от других. Мы все произошли от зверей».

Маура пошла прочь от здания, где обитали одинокие узники. Впереди ее ждали автомобиль и дорога к дому. Она даже не оглянулась.

---

notes

Примечания

«Ле Аль» — самый большой торговый центр Парижа. (*Здесь и далее — прим. ред.*)

Популярная в англоязычных странах игра: водящий загадывает слово, а участники пытаются отгадать его при помощи вопросов, на которые можно ответить «да» или «нет».

3

Здравствуй! (фр.)

Сэм (Сэмуайз Гэмджи) и Фродо (Фродо Бэггинс) — хоббиты, персонажи эпоса Дж. Р.Р. Толкина «Властелин колец».

Имеется в виду т. н. «предупреждение Миранды»: «Вы имеете право хранить молчание; все сказанное вами может быть использовано против вас; вы имеете право на присутствие на допросе адвоката, и если вы не можете позволить себе нанять адвоката, то он будет вам предоставлен». Полицейские США обязаны оглашать эту формулу при совершении ареста.

eBay — крупнейший в мире онлайн-аукцион и Интернет-магазин, где миллионы людей из множества стран покупают и продают товары и услуги.

«Л.Л. Бин, Инк.» — частная компания, в розницу и по почтовым каталогам торгующая одеждой и оборудованием для отдыха на воздухе; находится в городе Фрипорт штата Мэн.

Дамер Джеффри (1960–1994) — американский серийный убийца; убивал только гомосексуалистов и «цветных», занимался некрофилией и каннибализмом.

Гэйси Джон Уэйн (1942–1994) — американский серийный убийца. Был подвергнут смертной казни за убийство и изнасилование 33 мальчиков и молодых людей.

Менгеле Йозеф (1911–1979) — нацистский врач, проводивший опыты на узниках лагеря Освенцим во время Второй мировой войны.

Имеется в виду судебный процесс 2003 г., за которым следила вся Америка. Скотт Петерсон, позднее приговоренный к смертной казни, задушил свою беременную жену Лэйси и выбросил ее труп в воды залива Сан-Франциско.